

Вильям Козлов

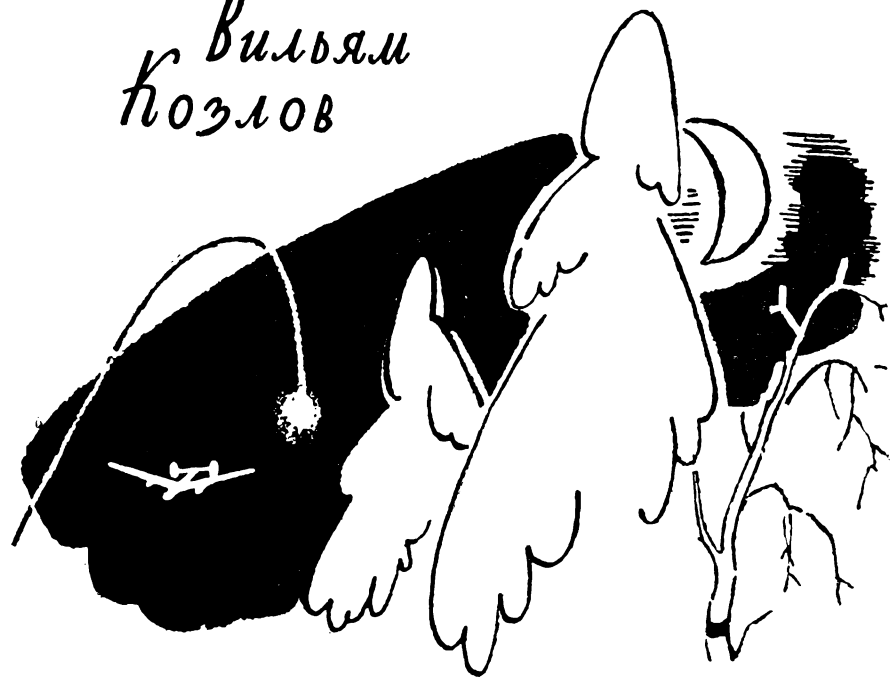

ЮРКА ГУСЬ

Д Е Т Г И З 1 9 6 2

Вильям
Козлов

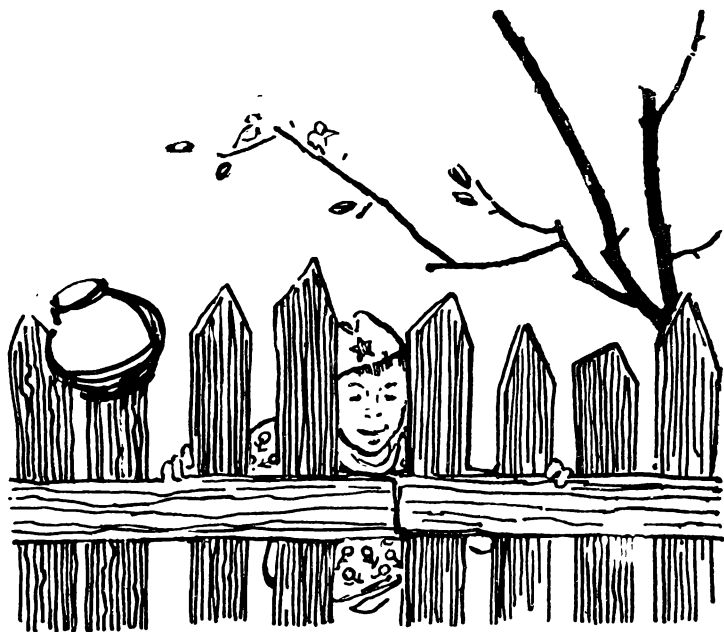
ЮРКА
ГУСЬ
П О В Е С Т Ь

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
ЛЕНИНГРАД 1982

Ш К О Л Ь Н А Я   Б И Б Л И О Т Е К А

Рисунки В. Куприянова

Небольшая станция близ фронта. Здесь во время войны судьба свела беспризорника Юрку Гуся с милиционером Егоровым, бабкой Василисой, летчиком Северовым. В доме бабки Василисы начинается новая, полная тревог и приключений, забавных и трагических, жизнь неутомного и отчаянного мальчишки.

НЕУДАЧНОЕ ЗНАКОМСТВО

Жорка Ширин сидел на крыльце своего дома и деловито ковырял гвоздем трассирующую пулю. У ног его дремал коричневый лопухий щенок. Жорка чиркнул спичкой — и пуля выплюнула тоненькую огненную струйку прямо в усатую морду щенка.

Щенок взвизгнул, кувырнулся на спину и, жалобно скуля, стал тереть обожженное место лапами.

Жорка в восторге хлопнул себя по коленям, запрокинул лохматую рыжую голову и на весь двор заржал. И вдруг — откуда ни возьмись — сырой ком земли угодил Жорке прямо в лицо. Он вскочил и, отплевываясь, бешено завертел головой: никого нет!

И тут с огорода бабки Василисы послышался негромкий свист. Жорка присел на корточки и через изго-

родь увидел не то девчонку, не то мальчишку. Если смотреть ниже пояса, то мальчишка — в штанах. А если выше, то девчонка — в цветастой кофте.

Озадаченный Жорка с минуту наблюдал, как мальчишка-девчонка, сидя на завалинке, шлепал картами.

— Эй ты, бабья кофта! — Жорка вытер рукавом черные губы. — Это ты кинул?

«Бабья кофта» даже бровью не повел. Он удовлетворенно хлопнул себя колодой по колену и улыбнулся. Видно, выиграл.

— Говори, бабья кофта, ты? — Жорка сделал шаг к изгороди.

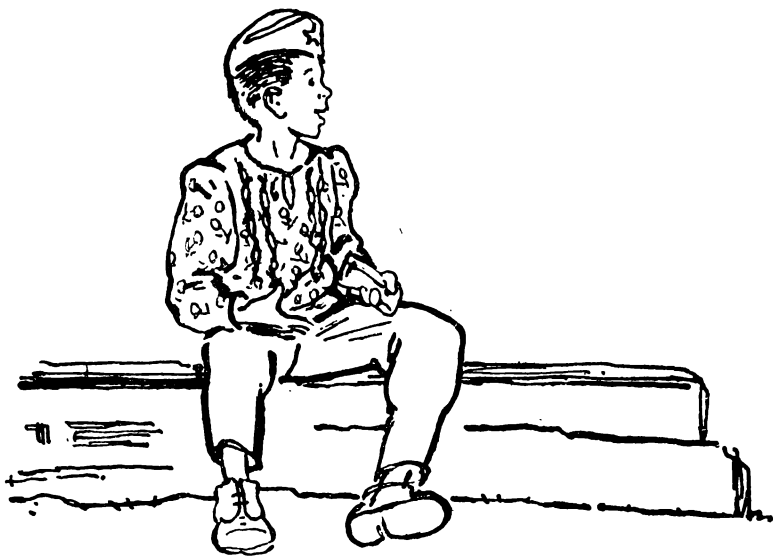
«Бабья кофта» проворно прыгнул с завалинки и схватился за камень. Жорка так и присел в траву.

— Ха-ха! — сказал мальчишка. — Не бойсь, не трону. — Он размахнулся и запустил камнем в забор. На заборе висел глиняный горшок. Горшок вдребезги разбился.

Жорка обрадовался:

— Погоди, бабка Василиса задаст!

«Бабья кофта» поддернул штаны повыше и подошел к забору.

— Хочешь фокус покажу?

— Фокус! Да ты не умеешь.

— Гляди, лапоть! Видишь, король! — мальчишка быстро стасовал карты. — Гляди... Раз! Опять король? Что, не умею?

Жорка прижал к изгороди широкое веснушчатое лицо. Его серые глаза с любопытством следили за ловкими руками мальчишки. А руки все ближе, ближе... И не успел Жорка и глазом моргнуть, как два пальца крепко прищемили его конопатый нос.

— Ага! Попался, жаба! — ликовал мальчишка, все крепче сжимая Жоркин нос. — Я те покажу «бабья кофта»!

— Бусти-и-и... — приплясывая, мычал Жорка. — Бусти-и-и... больно!

— Больно? — сказал мальчишка. — А собачонке, думаешь, не больно?

Влепив напоследок хороший щелчок в широкий Жоркин лоб, мальчишка отпустил. Жорка отлетел в сторону и ощупал свой нос.

— Ну, паразит, погоди-и! — Он высморкался. — Изничтожу!

— Гуляй, — сказал мальчишка.

Жорка опять пощупал нос. Он распух.

— Я тя застрелю... из ракетницы! — выкрикнул он. — У Стасика выменяю ракету и... и уокошу!

— Из ракетницы? — ухмыльнулся мальчишка. — Лучше из соленого огурца... Нету у тебя никакой ракетницы.

— Нету? — разъяренный Жорка помчался к крыльцу. Наклонился,

рывком отодвинул камень и достал завернутую в портянку ракетницу.

— А это что? Соленый огурец?

Мальчишка презрительно засвистел, повернулся к Жорке спиной и зашагал к своему крыльцу.

Заскрипела калитка, и на тропинке показались хромой милиционер Егоров и бабка. Мальчишка спрятался за парадное крыльцо. «Сейчас горшок разбитый увидит».

Бабка, кряхтя, согнулась и подобрала черепки с тропинки.

— Разбойники, — проворчала она, — такой горшок расколотили.

— Небось, твоего постояльца работа, а? — усмехнулся Егоров.

— Не-е, — возразила бабка. — Мой парнишка смиренный, тихий, мухи не обидит... Это, наверно, Ширихин озорник из рогатки пульнул.

— Смирный, — снова усмехнулся Егоров. — А мешок у тетки на вокзале спер!

— С голоду, Кузьмич, — бабка Василиса вытерла концом платка слезящийся глаз. — Не вози ты мальчишку в Бологое. Пусть у меня живет. Я уж толковала с председателем... Так и быть, говорит, дадим ему хлебную карточку. Картошка у меня, слава богу, своя. Проживем до весны как-нибудь, а там грибы, ягоды...

Егоров переступил с ноги на ногу.

— Гляди сама, Петровна, — сказал он. — Мальчишка с улицы. Верченый-порченый. Не хватила бы с ним горюшка.

Мальчишка сидел на холодной земле, прижав пылающую щеку к шершавой доске. Тихий сидел он, и большие глаза его не мигая смотрели на грядку, на которой торчали сухие капустные кочерыжки. Возле одной из них проклюнулся острый зеленый росток. Он радовался выглянувшему на день осеннему солнцу и совсем не думал о том, что завтра ударит первый мороз и оборвет его короткую жизнь. Стебелек рос.

* * *

Несколько дней назад привел мальчишку поселковый милиционер Егоров. Случилось это вечером. Бабка уже спать укладывалась, когда услышала стук в дверь.

Егоров поздоровался и поковылял к маскировочному щиту, сколоченному из картона и досок. Засунул в щель палец и сурово посмотрел на бабку.

— Разбомбит тебя немец, Петровна... Сколько раз говорю — заделай щели.

Петровна только рукой махнула: какая там щель? Дырочка. Она смотрела на грязного оборванного мальчишку, которого милиционер привел с собой. Мальчишка стоял у порога и мумуро косился на бабку. Глаза у него были большие, зеленоватые. Черные спутанные волосы ершом вылезали из-под пилотки.

— Кого ты привел, родимый? — спросила Петровна у Егорова.

— Постояльца, — сказал милиционер. — Пускай переночует у тебя, а завтра с попутным товарняком в Бологое отправлю.

— Пушай ночует — места много. — Бабка, наклонив голову набок, оглядела мальчишкины лохмотья. — А грязищи-то на нем! Куда я тебя положу? У тебя, небось, вшей больше, чем волос на головушке?

— Не считал, — проворчал мальчишка.

Егоров ушел. Мальчишка слышал, как в коридоре он сказал бабке:

— Покорми мальчика... Голодный он, в чем душа держится.

Бабка долго шарила рукой в печи. Огромная двурукая тень двигала по стене локтями.

На столе, в который намертво въелась старая порезанная во многих местах клеенка, появилась начатая краюха ржаного хлеба, алюминиевая чашка с гречневой кашей, поллитровая кринка молока.

— Поешь, сынок.

Мальчишка, проглотив слюну, посмотрел поверх чашки на затемненное окно.

— Убегу. Ночью, — хрипло сказал он. — Пусть сам, коли хочет, едет на товарняке в Бологое.

— Мне-то что? Беги. — Бабка, кряхтя взобралась на скамейку, потом на треснувший посредине чурбан и скрылась на печи за колыхающейся ситцевой занавеской. Скоро оттуда шлепнулась на пол фуфайка, немного погода — рваная овчина.

— Укройся, не то замерзнешь под утро, — сказала бабка. — Да гаси свет. Неча попусту керосин жечь.

Мальчишка, кося голодным глазом на хлеб и кашу, встал на табуретку и, зажмурив глаза, дунул на закоптелое ламповое стекло.

Не раздеваясь, даже не сняв пилотку, зарылся в пахнущую дымом овчину. Под печкой заскреблась мышь. Есть хотелось все сильнее. Почему он отказался? Этого мальчишка и сам не мог понять. Скорей бы бабка заснула... Краем глаза он видел на столе миску с кашей. Узенький лучик от лампы рассек краюху хлеба по полам. Бабка захрапела. Мальчишка встал. Огляделся. Скрипнула половица под ногой, большая белая кошка недовольно посмотрела на него желтыми круглыми глазами. Бабка не проснулась, и тогда, осторожно переставляя ноги в тяжелых башмаках, он пошел к печке. Чугунок с кашей стоял рядом с заслонкой. Тихонько подтащив к краю, мальчишка жадно запустил в него грязную руку...

Утром он даже не пошевелился, когда встала бабка. Лежал на фуфайке лицом вниз, и худая спина его тяжело поднималась и опускалась. Петровна потрогала лоб: горячий!

— Простыл, сынок? — спросила она. Мальчишка перевернулся на спину, сел. Глаза его широко раскрылись, но он не видел бабку.

— Ангел! Ангел! — выкрикнул он. — Не надо... Ножик! Убери ножик!

— Господи помилуй, — сказала бабка. — Захворал.

Она переложила мальчишку на кровать, накрыла одеялом, под голову подсунула подушку.

Осунувшийся, большеголовый, лежал мальчишка на кровати и угрюмо смотрел на потолок, где устроились на зимовку мухи. Он даже не повернул головы, когда в избу пришел хромой милиционер Егоров. Немецкая алюминиевая цепочка от нагана билась при каждом шаге о залепленный грязью сапог.

— Не сбежал? — удивился милиционер.

— Хворает, — сказала бабка.

— Ты чего это, приятель? — спросил Егоров. От него пахло сыромятной кожей и крепкой махоркой. — Куда же тебя определить? — милиционер полез в карман синих штанов за кisetом.

— Сам определяюсь... Без милиции.

— Не сердчай, Кузьмич, — сказала бабка, — а в избе

дымить не дам. Иди на улицу и там кури сколько хочешь свой табачище.

— Как же с ним? — кивнул Егоров на мальчишку.

— Подымется... На ночь чаем с малиной напою, пропотеет.

— Не буду потеть, — сказал мальчишка.

Через три дня он поправился. Но на улицу бабка не пускала. Весь день до сумерек сидел у окна и глядел на дорогу. Дождь давно перестал моросить. Сквозь облака нет-нет выглядывал солнечный луч. И сразу становилось светло и тепло. Лужа на дороге превращалась в большое зеркало и стреляла солнечными зайчиками в глаза. Под соснами щипали траву две козы. Одна белая, другая черная. Видно, козы не очень-то дружили. То одна, то другая, сердито кося прозрачным взглядом, грозили друг другу заломленными назад рогами. Грозить грозили, а не дрались.

С высоченных тополей, растущих в привокзальном сквере, срывались желтые листья и, вычерчивая в воздухе мудреную спираль, медленно падали на землю.

Бабка Василиса притащила из сеней большое цинковое корыто. Выдвинула ухватом из печи двухведерный чугунок с кипящей водой и, кряхтя, опрокинула в корыто. Изба до потолка наполнилась клубами пара.

— Скидавай свою ветошь... Слышишь?

— Чего придумала? — глаза мальчишки растерянно забегали. Он сполз с подоконника и боком двинулся к двери, но цепкие бабкины пальцы ухватили его за воротник.

Вода горяча. Она ужалила пятки, окрасила в розовый цвет тонкие, как две скалки, ноги. И все-таки было приятно! Разомлевший мальчишка сидел в корыте и шевелил в воде всеми двадцатью пальцами.

— Тоший-то! — бабка провела мочалкой по ребрам. — Пересчитать можно... Худо без мамки-то!

Она достала ножницы и, зажав под мышкой буйную мальчишечью голову, обкорнала ее. Голова стала круглой, с выступом на затылке. Мальчишка пощупал ее и расстроился.

— Куда я теперь с такой башкой? — сказал он. — Изуродовала человека. . .

Бабка промолчала. Наверное, не расслышала. Три чугуна горячей воды извела она, прежде чем отмыла всю

грязь с мальчишки. А потом собрала лохмотья в кучу и — в печку.

Мальчишка молча метнулся к пылающей печи, засунул по плечо мокрую руку, выхватил оттуда тлеющие тряпки и, обжигаясь, вытащил из кармана пиджака потрепанную колоду карт и бритву.

— А коли и сгорело бы все это добро — не велика беда, — сказала бабка.

Ворота нос в сторону, она ухватом подцепила лохмотья и снова зачихала в печь. Мальчишка голый стоял в корыте и хлопал себя по острым мокрым коленкам. А бабка, согнувшись над раскрытым ящиком комода, долго перебирала там глаженое белье. Выложила на хромоногую табуретку трусы, рубаху, зеленые солдатские штаны со штрипками. А вот верхнюю рубашку так и не могла сыскать. Взяла да и положила на штаны свою ситцевую васильковую кофту.

— Одевайся...

В трусах можно было утонуть, рукава рубахи свисали до полу, а до карманов штанов — не дотянуться.

Мальчишка покосился на кофту, отложил было ее в сторону, но потом, вздохнув, тоже надел. Бабкина кофта с пышной сборкой на груди пришлась ему впору.

Глядя на этот шевелящийся комок одежды, из которого тыквой торчала стриженная ступеньками голова, бабка засмеялась:

— Господи ты боже мой... Ну как есть чучело огородное. Хоть на грядку ставь. Ни одна ворона не сядет.

Мальчишка, присев, сердито воткнул кулаки в карманы, подтянул штаны повыше и пробурчал:

— Спалила шмотки, а теперь — чучело! Мой френчик еще бы носить и носить... Совсем как новый.

— Дырки на нем старые...

— Гони мои корочки.

— Что? — удивилась бабка.

— Ну, эти... ботинки мои. Куда заначила?

— Под печкой сохнут. Нужны мне твои ботинки.

— Коли надо, и без корочек сбегу.

В углу на черном сосновом чурбаке запыхтел, зафырчал полуведерный самовар.

Мальчишка еще никогда не пил такого вкусного душистого чаю. В окно стучится непогода. Ветер с воем налетает на провисший частокол, стараясь повалить его.

На дороге в луже плавает рваная галоша. А второй что-то не видно.

Бабка осторожно кладет в рот малюсенький кусочек сахара и подносит блюдце на трех растопыренных пальцах к самому носу, дует на кипяток и, прижмурив глаза, звучно прихлебывает.

Мальчишка пробует пить таким же манером, но, расплескав кипяток на штаны, отказывается от этой затеи. Он ставит блюдце на край стола и, нагнув шею, начинает со свистом втягивать в себя чай.

Бабка сосредоточенно дует на кипяток, но мальчишка то и дело ловит ее внимательный взгляд. Теплый взгляд, добрый.

— Сынок, как звать-то тебя? Аль без имени? — бабка придвигает к нему поближе резную стеклянную сахарницу с отбитым краем. — Да ты бери сахар-то...

Мальчишка пьет молча. Исподлобья бросает на бабку настороженный взгляд. А она, держа блюдце наотлет, ждет. Три раза задавала ему этот вопрос и три раза мальчишка презрительно отворачивался.

— Уж не потерял ли ты, родимый, свое имячко, мотаясь по белу свету?

Мальчишка, опустив глаза, бурчит в блюдце:

— Гусь...

— Что гусь?

— Юрка Гусь... Ну, фамилия у меня такая... Гусь! — в первый раз улыбается мальчишка, показав дырку на месте выбитого зуба. А на щеке обозначается маленькая ямочка.

— Годков-то сколько?

— Двенадцать.

— Ишь ты? — удивляется бабка Петровна. — С виду-то и не дашь... Больно ростом махонький. Как же ты батьку с маткой потерял? Может, живы? Убиваются поди...

Дрогнувшей рукой Юрка отодвигает от себя сахарницу, и она падает на край стола, рассыпав на бабкин подол мелко наколотые кусочки сахара.

— Нет у меня ни батьки, ни матки! Нет! Ясно? — голос его срывается: — Один я...

И, встав из-за стола, подошел к печке и посмотрел на свои ботинки. Еще мокрые. Когда высохнут? Кошка, потоптавшись на полу, махнула на печку. Вслед за ней

туда забрался и Юрка Гусь. На печке тепло. Пахнет грибами и сушеной малиной. Он не заметил, как заснул. Когда проснулся, в окна вползли сумерки. Углы в избе потемнели, только русская печка все еще белела, разинув черный рот.

Грохнув на пол маскировочный щит, Юрка Гусь потребовал:

— Эй, баб, молоток мне и гвозди! Дырку надо залатать. Не то прилетит фриц и разбомбит.

О К О   З А   О К О

Старый потемневший под дождями и ветрами бабкин дом глядит на дорогу четырьмя окнами, крест-накрест заклеенными узкими газетными полосками. Из окна видно парадное крыльцо: два резных столба и крытый дранкой навес. Парадной давно не пользуются, и бурая, облупленная дверь накрепко заколочена досками. Ветхий, подпертый кольями частокол прорис. Мальчишки не могут пройти мимо, чтобы не побарабанить по нему палкой.

За дорогой в ряд стоят четыре сосны. У одной из них ствол изогнулся дугой, и кажется, что сосна подбоченилась. Сквозь зеленую хвою блестит оцинкованная конусная башенка на крыше вокзала. Из окон бабкиного дома видно, как мимо станции проносятся на запад эшелоны с танками, пушками, автомашинами, а с запада — санитарные поезда. Пока меж сосен мелькают платформы и теплушки с солдатами, на самоваре дребезжит медная конфорка, а стеклянная дверца старинного буфета распахивается.

Холодный дождик сыплет и сыплет, как из решета. По дорогам разлились большие пенистые лужи. По утрам морозец чуть прихватывает их льдом, хрупким и тонким, как корочка на картофельной драчёне, которую бабка чуть свет подает на стол. Машины, проезжая мимо, крошат лед и обдают забор жидкой грязью.

Ночью прилетел немецкий самолет и долго кружил над станцией, чего-то вынюхивая. Юрка проснулся внезапно, будто кто-то за пятку дернул. Открыл глаза и прислушался. На печи похрапывала бабка. Прерывистый

гул самолета удалялся. «Улетел, гад!» — облегченно вздохнул Юрка, слыша, как бухает сердце. Нет! Гул нарастает. «Ве-зу-у, ве-зу-у, ве-зу-у...» — вой лезет в уши, кусает спину мурашками.

Вдруг будто луна прыгнула с неба. В щели ставен ударил холодный белый свет. Он задрожал на стеклах буфета, заплясал на потолке. Это немецкий бомбардировщик спустил на парашюте осветительную ракету.

— Бабушка-а! — закричал Юрка, вскакивая. — Бабушка, можно, я к тебе... на печку!

— Что? А? Замерз? Ну, полезай... Гляди-ко, светает, — бабка заворочалась, закричала.

Поддерживая штаны, Юрка поспешно вскарабкался на теплую печь. Дрожа, забился бабке под бок и притих.

— Небось, страшное приснилось? — зевнула бабка Василиса. — Бывает.

— Немец летает, — Юрка умолк. — Слышишь, опять, гад, развернулся. Сюда летит.

«Ве-зу-у, ве-зу-у, ве-зу-у...» — Юрке кажется, что самолет сейчас обязательно сбросит бомбу прямо на их дом. Он изо всех сил упирается ногами в низкий потолок и крепко закрывает глаза: «Сейчас! Вот-вот сейчас бабахнет!»

«Мур-р, мур-рр...» — удаляясь, мурлычат моторы. Пронесло!

Ничего подозрительного не заметил на станции «Юнкерс». Только зря ракету спалил. Долго висела она в ночном небе, разлив по крышам домов мертвенно-бледный свет.

В эту ночь Юрке так и не удалось заснуть. Лишь серенький рассвет прокрался в окна, на дороге зафырчали машины. По крыльцу затопали тяжелые сапоги, раздался громкий стук.

— Видать, ночлежники. — Бабка накинула на плечи фуфайку и, зевая, сползла с печи. Сунула ноги в валенки с галошами, зажгла лампу. Гремя оружием, котелками, флягами вошли пятеро военных. Они натащили с собой в избу утреннего холода. Сгрудили в угол вещи-вые мешки, поставили к стене автоматы. У всех усталые лица, воспаленные глаза.

— Полезай на печь, мамаша, — пробасил здоровый парень с двумя красными кубиками на петлицах. — Мы

тут сами устроимся. Малость заморились. Двое суток в машине. А дороги у вас...

Покраснев от напряжения, командир с трудом стащил грязный сапог. Размотал почерневшую портянку и, блаженно зажмурившись, пошевелил пальцами.

— Эх, портянки бы посушить, — вздохнул он. — А то ведь утром сапоги не натянешь.

— Чего он там бубнит? Не слышу! — бабка Василиса выпростала из-под платка маленькое ухо. — Говори громче, сынок, глухая я.

Отдернув ситцевую занавеску, Юрка высунул стриженную ступеньками голову.

— Сушите, пожалста, сколько влезет. Печка горячая!

— Ого! — улыбнулся командир, расстегивая ворот гимнастерки. — Оказывается, в доме и мужчина есть.

— А вы куда едете? На фронт, да? — Юрке очень хотелось потолковать с бойцами, но тем было не до разговоров. Устроившись на полу, они натянули на головы шинели и сразу, как по команде, заснули.

Совсем рассвело. Юрка рассматривал спящих бойцов. Вдруг в стену дома стукнул камень, потом второй. Юрка глянул на бабку, гремевшую ухватом в печи, и потихоньку выбрался в сени. Юркнул в кладовку и, взобравшись на покатый мучной ларь, выглянул в отдушину.

— Эй, бабья кофта! — орал Жорка, размахивая камнем. — Выходи-ка... Не то все стекла перебьем!

Рядом с Жоркой были еще двое.

— Че надо, рыжая морда?

Жорка завертел круглой щетинистой головой на короткой шее. Ребята прижали носы к забору.

— Отдай ракетницу, добром говорю, — дрожащим от ненависти голосом кричал Жорка. — Свистнул, гад!

— Нужна мне твоя паршивая ракетница. Если бы к ней еще ракеты были, а то... Тьфу! — Для большей убедительности Юрка плюнул. — Не брал я ее и ша! Ясно?

— Бреешь! Пока я поросенку хряпу натюкал, ты — через забор — и ноги приделал к моей ракетнице. Отдай добром, слышишь?

— Отдай Жоркину ракетницу, — загудели ребята.

— Говорят вам, не бра... — Юрка отдернул голову от окна.

Метко пушенный камень сбил с полки несколько бутылок. Одна из них огрела Юрку по спине, другая ударила по ноге.

— Я вам сейчас-с-с... — зашипел он. Кубарем скатился с ларя, влетел в избу.

Бойцы гнали. Командир уткнулся головой в шинель, выставил спале желтые ступни. Гимнастерка задралась на спине, оголив смуглое мускулистое тело. Не спуская глаз со спящих, Юрка на цыпочках подобрался к стене, осторожно потянул к себе автомат. Бабка Василиса заталкивала в самоварную трубу красные угли и ничего не видела. Юрка незаметно попятился к двери.

Камни грохали в стену, падали на крышу и, тарахтя, катились оттуда вниз. Юрка просунул в окошко дуло автомата и, стиснув зубы, нажал на спуск. Автомат молчал. Юрка оттянул до отказа затвор, передвинул какой-то рычажок и, крепко прижав приклад к плечу, снова нажал на спусковой крючок. Оглушающая длинная очередь распорол тишину. Юрка видел, как врассыпную бросились наутек ребята. Жорка со страху спрятался в кадку.

Ствол автомата прыгал в окошке, мимо уха, звякая о бутылки, свистели пустые гильзы, приклад бешено дубасил в плечо, а растерявшийся от неожиданности мальчишка никак не мог сообразить, что надо снять палец со спускового крючка.

Он не слышал, как вскочили разбуженные стрельбой солдаты и босиком высыпали в сени. Командир ворвался в кладовку и выхватил у него из рук вмиг онемевший автомат. Серые веселые глаза командира стали злыми, колючими.

— Ух и здорово, черт, палит... без этой... осечки, — ни к селу, ни к городу сказал Юрка. Сказал и зажмурился, ожидая крепкой затрешины.

В этот момент с полки скатилась еще одна увесистая бутылка и кокнула лейтенанта по голове. Юрка открыл глаза и увидел, что лицо у лейтенанта стало не злое, а озадаченное. Командир осторожно поднял руку и пощупал голову.

— Шишка, — сказал он.

— Вы, дяденька, пятак приложите, — посоветовал Юрка. — Говорят, помогает.

— Прикладывал? — спросил лейтенант.

— Сто раз, — сказал Юрка. — Да у меня и так проходят. — И зачем-то пощупал голову.

— Пострелял, значит? — спросил лейтенант.

— Немножко, — вздохнул Юрка.

— В кого же стрелял?

— В небо... В кого же еще?

— А ну-ка, автоматчик, пойдем на свет божий... — лейтенант взял Юрку за руку и вывел из чулана. Усатый боец с седыми вразлет пушистыми усами осмотрел автомат, снял диск.

— Товарищ лейтенант, — сказал он, — сорок семь пуль выпустил на ветер этот... Диск-то пустой!

— Вы, дяденька, не волнуйтесь, — успокоил его Юрка, — на фронте этих самых патронов завались!

— Как тебя звать? — лейтенант свирепо прищурился на мальчишку.

— Юрка... Гусь.

— Так вот, гусь лапчатый, отвечай, зачем тебе, паршивцу, понадобилось с утра пораньше палить в небо?

— Говори, парень, не то худо будет! Вот тут на месте организуем трибунал и судить тебя будем как полагается... — усатый боец оглянулся на обувавшихся товарищей. — Будем судить, ребята?

— Будем, — сказал молоденький белобрысый боец и грозно посмотрел на Юрку.

— Факт! — кивнул другой хмурый боец, худой и длинный, как жердь с бабкиного забора. — За такие штучки недолго и к стенке.

Юрка обвел бойцов подозрительным взглядом. «Шутки шутят или... А ну как взаправду к милиционеру Егорову отведут?» — подумал он.

— Слышу я это гудит: «Ве-зу-у, ве-зу-у...» Ну, думаю, фашист. Я фашиста по голосу

узнаю... Хотел сперва вас разбудить, гляжу — спите. Жалко даже будить. Ну, взял я это... оружие и... и в немцев! Тр-р-р-р! Дяденька, а правда, что за сбитого фашиста орден дают?

— Дают... Твой-то где свалился? — лейтенант, прищурив глаз, подозрительно долго смотрел в пустой сапог, будто в подзорную трубу.

— Откуда я знаю? — упавшим голосом ответил Юрка. — Я же не видел, упал он или...

— Это точно! Что не видел, то не видел, — согласился командир. — Когда самолет падать приготовился, у тебя от страха глаза закрылись. Так и шпарил из автомата, зажмурившись.

Маленький, быстроглазый, в потешной женской кофте, стоял Юрка перед бойцами и обеими руками поддержи-

вал штаны. Глаза его тревожно ощупывали лица бойцов. Он понял, что ему не верят.

— Наврал я про самолет, — сознался он. — Пацаны пришли и давай камнями лупить в стену... Отдай, говорят, какую-то паршивую ракетницу... А я ее и в глаза-то не видел... Вот если бы пистолет, а то, подумаешь, ракетница! Бухают и бухают, а вы спите. Думаю, разбудят, гады, людей! Взял автомат и пульнул для остротки. Я думал, что он разок стрельнет, а тут как провало...

— Картина понятная, — командир посмотрел на стол, где в большом чугуне аппетитно дымилась картошка. — А что это за ракетница?

— Старая, без курка, — соврал Юрка. — Кому такое барахло нужно?

Лейтенант заглянул в чугуны и зажмурился:

— Горячая!

Юрка попытался улизнуть, но лейтенант заметил.

— погоди... вот что, Гусь, ракетницу ребятам верни! Не распахивай глазищи. У тебя она, это ясно, как день... Немедленно верни и доложи!

— Да я вовсе...

— Разговорчики! — повысил голос командир. — Кру-угом! Вот так... Шаго-о-м, марш!

Юрка поплелся к двери. На пороге оглянулся: бойцы шумно усаживались за стол.

— А чего это ты, парень, все время за штаны держишься? — спросил один боец. — Сплоховал?

— Ремня нет — вот и держусь, — пробурчал Юрка.

Усатый боец запустил руку в вещевой мешок и, покопавшись, достал оттуда аккуратно скатанный брезентовый ремень.

— Держи, парень! Ремешок что надо... А дырку согласно своей комплекции гвоздем проткнешь.

Юрка взял ремень и вышел в сени. Отыскал гвоздь, проткнул дырку и, затянув ремень, облегченно вздохнул: теперь штаны никуда не денутся, хоть зубами тащи! Нехотя взобрался по расшатанной лестнице на чердак, засунул руку в трубу старого граммофона и вытащил тяжелый сверток. Ракетница была совсем как наган, только дуло большое — три пальца можно засунуть — да мушки нет.

Юрка взвел курок, прицелился в ржавый фонарь,

висевший на гвозде, и плавно нажал на собачку. «Тку», — прозвучал сухой щелчок.

Он любовно замотал ракетницу портянкой, вздохнул и... засунул обратно в граммофон.

Считая голыми пятками ступеньки, спустился вниз. На всякий случай заскочил в кладовку. Выглянул из окошка и увидел на лужайке все тех же ребят. Они окружили Жорку, восседавшего на опрокинутой кадке и, слушая его, хмуро косились на дом бабки Василисы.

— Шиш с маком вам, а не ракетницу! — прошептал Юрка, прыгивая с ларя.

Переступая порог двери, он слышал, как бабка, вытряхивая из чугуна остатки картошки на стол, говорила:

— А грязизищи-то на нем было — воз! Кое-как снизу придела, а вот рубахи мужской в доме не нашлось. Так и ходит в моей кофте. И смех и грех.

Бабка увидела Юрку и сказала ворчливо:

— Где шляешься? Садись за стол.

Позавтракав, бойцы стали собираться в путь-дорогу.

Бабка, сложив сморщенные руки на переднике, смотрела на них.

— Туда?

Усатый боец кивнул:

— Туда...

— И поезда туда, и машины валом валят... Скоро конец-то?

Бойцы молча разобрали автоматы. Командир развязал вещевой мешок, вытащил оттуда две банки консервов, полбуханки черствого солдатского хлеба, несколько кусков сахара.

— Возьми, мать! — он глянул на бойцов: те согласно кивнули. — Пригодится вам с мальчишкой.

— А сами-то как? — глаза бабки Василисы увлажнились. — Вам никак нельзя не евши.

— А это тебе... автоматчик, — седоусый боец ловко накиннул на острые Юркины плечи еще крепкую гимнастерку. — А то, понимаешь, ходишь в женской кофте, позоришь наш мужской род... Не годится!

Юрка с бабушкой проводили бойцов до раскрашенной зелеными и желтыми пятнами полуторки.

— Нагнись-ка, сынок, — сказала бабка.

Командир послушно нагнул большую кудрявую голову в маленькой пилотке. Худые руки обхватили могу-

чую шею, маленькое морщинистое лицо прильнуло к его щеке.

— Храни вас бог,— всхлипнула бабка.— Такие справные, красивые. . . Неужто и вас? Сын у меня там. Мишенька. Ни слуху ни духу. . .

Командир прижал бабкину голову к широкой груди, провел ладонью по платку и поспешно вскочил в кабину.

— Береги бабушку, Юра,— уже на ходу крикнул он.— Мужчина ты, хоть и маленький. Слышишь?

Полуторку подкинуло на колдобине, тяжело грохнули ящики в кузове, бойцы схватились за борта. Сейчас и поворот. И вот нет ни машины, ни бойцов. Только сосны да ели, обступившие большак, покачивают макушками.

Юрка прижал к груди гимнастерку — подарок седусого шофера. «Отдам Жорке ракетницу. . . — подумал он.— Пусть ей подавится, черт рыжий!».

ЖОРКИНА МЕСТЬ

Вышел Юрка утром на крыльцо и удивился: кругом снег. Еще вчера из-под камня, что лежал возле крыльца, выглядывал зазубренный лист молочая, а сегодня — ни камня, ни травы. На трубу поселковой больницы будто кто-то напялил пушистую белую шапку. Из-под шапки в низкое обложное небо пробивалась сизая струйка дыма. И дальше — до самого леса над белыми крышами домов — неподвижно стоял дымок.

Гусь осторожно ступил босой ногой на свежий снег. Ступню обволокло холодом. Юрка передернул плечами и заспешил в теплую избу.

— Сбегай, сынок, в лавку за хлебом,— бабка Василиса полезла в комод за карточками.— Только пайку-то не общипай, как давеча.

В селпо, как всегда, народу полно. Краснощекая продавщица Тася ловко отстригает ножницами в консервную банку талоны, а потом большим ножом кромсает хлеб. Юрка сглатывает слюну.

Стоять в очереди он не любит. Царапая лоб о чужие пуговицы, потихоньку пробирается к иссеченному ножом прилавку.

— Тетенька, — тоненьким голоском просит он, — отрежь мне, пожалста, с довеском.

— Ты это куда, довесок, без очереди? — чья-то цепкая рука оттаскивает Юрку от прилавка. — Ишь, пролез, как вьюн.

— Пусти-и-и! — упирается Юрка. — Меня бабка послала. Она с печки упала, разбилась. . . Есть хочет.

— Ну, пускай берет, раз такое дело, — говорит кто-то.

— Брешет он! — слышит Юрка сварливый шепелявый голос. — Я вечер с ней у колодца вштретилась. . . Здоровехонька Вашилиша.

Юрка хотел было сказать, что бабка могла ночью с печи свалиться, но, увидев говорившую, прикусил язык. Опираясь на суковатую палку, на него сердито смотрела острыми глазами худая сгорбленная женщина. Концы серого платка у нее почему-то были завязаны на голове и торчали в разные стороны, как заячьи уши. Во рту женщины остался один-единственный зуб, а на подбородке пристроилась золосатая бородавка.

«Баба-яга! — удивился Юрка. — Такая, гляди, и клюшкойогреет».

— Что? Не вышло? — хихикнула незнакомая девчонка с толстой косой поверх красной плюшевой жакетки. — С печки-и упала-а. . . Вот врать-то! Как миленький будешь стоять! За мной.

Глаза у девчонки серые, смешливые. Нос вздернутый, а из-под шапочки так и лезут на лоб вьющиеся русые паутинки. Юркина рука потянулась к косе. Но рядом вдруг оказался Жорка Ширин. С буханкой хлеба он прошмыгнул мимо и странно, как-то обещающе посмотрел на Юрку нахальными своими глазами.

Продавщица единым взмахом отсекла от буханки кусок и бросила на весы: ровно 600 граммов. Юрка огорченно шмыгнул носом: «Вот же не везет!» И тут Тася взяла с прилавка самый крупный поджаристый довесок и сунула Юрке.

— Больно ушиблась Василиса?

— Не очень, — обрадованно сказал Юрка, проталкиваясь к двери. — Совсем чуть-чуть шлепнулась.

Приканчивая на ходу довесок, Гусь носом к носу столкнулся с Жоркой Шириним, а за Жоркиной спиной — целая ватага. Жорка стоит, засунув кулаки в карманы.

«Влип!» — захихивая хлеб за пазуху, подумал Юрка. Мелькнула было мысль удрать, но тут эта длинноногая девчонка в красной жакетке! Она нарочно медленно плелась по другой стороне улицы и делала вид, что ничего не замечает. «Ладно, — Юрка сжал кулаки, — драться, так драться!»

Прикусив нижнюю губу, он грудью пошел на Жорку. Тот растерянно захлопал короткими белыми ресницами и попытался, но здоровый губастый мальчишка с желтой челкой двинул Жорку кулаком в спину:

— Ну чего ты, рыжий? Бей в морду!

— И ударю! — неуверенно сказал Жорка. — Своровал, думаешь, мою ракетницу и ладно?

Размахивая руками, он все ближе подступал к Юрке, то и дело оглядываясь на своих ребят.

Юрка не стал дожидаться. Его кулак первым ткнулся в круглый Жоркин нос. Жорка фыркнул и стукнул Юрку по затылку, но не успел обрадоваться, как тот из-под низу удачно заехал ему кулаком в подбородок. Жорка сразу раскис и стал царапаться.

— По правилам, по правилам деритесь, — бегал вокруг них худенький курчавый мальчишка с синими и большими, как у девчонки, глазами. Но здоровый губастый парень с желтой челкой, грудью отстранив мальчишку, спокойно сказал:

— Рыжий, бей!

Жорка продолжал царапаться. Один его палец попал Юрке в рот. Юрка смачно куснул и одновременно правой рукой ткнул в толстую щеку.

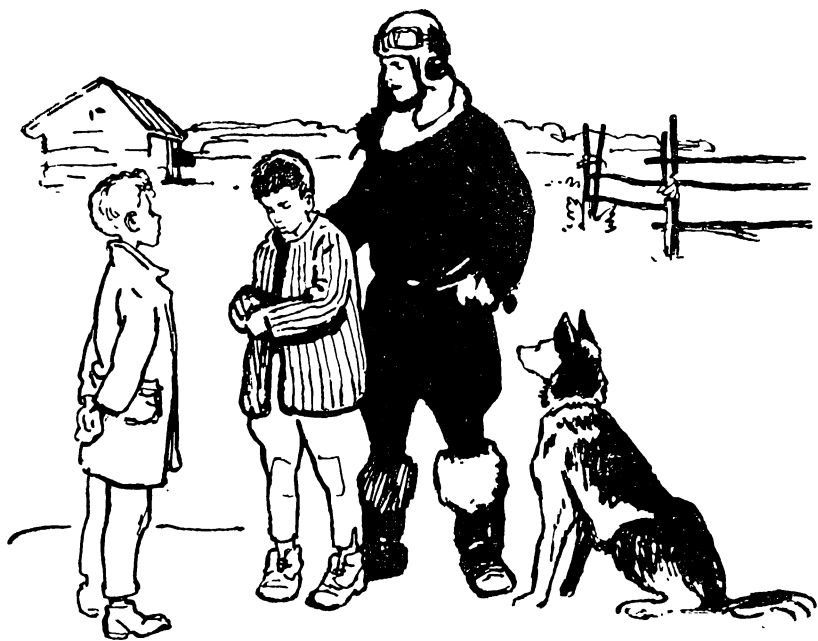
— Кольк, бьют же! — завопил Жорка.

— Бьют? — сказал губастый парень. — Ну, ладно, — и, развернувшись, въехал Юрке в ухо. И сразу на Юрку навалились все. Он упал. Кулаки молотили по спине, голове, совались в закрытое руками лицо. «Только бы не обронить!» — думал Юрка, придерживая за пазухой хлеб и отбрыкиваясь обеими ногами и свободной рукой.

— Будешь чужие ракетницы красть? Будешь? — орал над головой Жорка, больно поддавая каблуками под бока.

Лежа на земле, отплеываясь снегом и кровью, Юрка где-то все время слышал взволнованный отчаянный голосок:

— Не по правилам, ребята, не по правилам! . .

— Что придумали, стервятники! — вдруг закричал кто-то рядом. — Семеро на одного спикировали... А ну, брысь!

И сразу — никого! Юрка встал на ноги. Огромная черная с желтым овчарка мчалась за убегающими ребятами.

— Ко мне, Дик! — крикнул невысокий худощавый человек в летном шлеме с наушниками и в толстой кожаной куртке. «Летчик», — подумал Юрка. И вдруг ему стало жалко себя.

— Кому я говорю, Дик? — сердито сказал летчик. — Ко мне!

Собака нехотя вернулась. Юрка схватился за пазух — хлеб! На растоптанном пополам с грязью снегу валялась раздавленная горбушка. Дик понюхал ее и отошел. Заплывшими и слезящимися глазами Юрка смотрел на летчика.

— Кабы не собака, я бы и сам...

И тут увидел стоявшего у забора курчавого мальчиш-

ку. Он почему-то не удрал вместе со всеми и теперь, склонив набок большую лобастую голову, пристально смотрел на собаку. Юрка подскочил к нему и вlepил звонкую затрещину. Он было замахнулся еще, но тут увидел глаза курчавого мальчишки и опустил руку.

— Балда ты, вот кто! — сказал мальчишка. — Во-первых, я тебя и пальцем не тронул, а во-вторых, я пока и драться-то не могу... А то бы...

Летчик молча смотрел на них. Дик, вздрагивая чуткими ушами, обнюхивал Юркину фуфайку.

— За что же вы дружка своего этак отделали? — спросил летчик. — Тебя как зовут?

— Стасик. Я его не отделявал, — мальчишка потрогал покрасневшую щеку. — А зачем он у рыжего Жорки ракетницу стащил? Жорка обещал ребятам по куску сахара, если они отколотят этого... Гуся. Ну, ребята подкараулили и всыпали ему... Только это не по правилам! Нужно драться один на один, правда?

— Точно! — согласился летчик. — А то, как «мессершмитты», налетели на одного. Крепко они тебя намолотили... Гусь?

Юрка исподлобья взглянул на летчика. Лицо совсем молодое. Под носом черненькие усики, от подбородка до самой губы тянется светлый шрам. Во рту под шрамом блестят два золотых зуба. Темные насмешливые глаза.

— Ничего... Я их теперь тоже по одному подкараулю, — проворчал Юрка, облизывая распухшие губы. — А гада Жорку из этой ракетницы... прикончу.

— И правильно! — вдруг сказал курчавый. — Пускай в другой раз дерется по правилам... И ракетницу не отдавай ему.

— Про какую это вы ракетницу толкуете? — спросил летчик.

— Испорченная... без курка, — быстро сказал Юрка и выразительно посмотрел на Стасика. Стасик опустил глаза и стал ногой ковырять землю. Сильный, натянутый, как струна, Дик равнодушно повел носом в сторону курчавого мальчишки и снова с непонятным любопытством потянулся к Юркиной фуфайке.

— Не кусается? — спросил Юрка, отодвигаясь.

— Нет... Целиком глотает.

— У нас в Ленинграде тоже была овчарка, — вздохнул курчавый. — Байкал. Только его съели.

— Как съели? — вытарашил глаза Юрка. — Прямо так взяли и съели?

— Не знаю. Она пропала. Говорят, съели. В Ленинграде блокада. Ну, и голод... У нас из дому даже все мыши убежали — есть нечего. А потом мама умерла. А папа до сих пор ничего не знает. Он на фронте. Я три дня на кровати лежал. Никак не встать было. Подниму руку, а она — бух! — обратно падает. — Мальчишка сжал тонкие пальцы в кулак и согнул руку в локте. — Потрогай-ка! — повернулся он к Юрке. — Уже мускулы появились, а раньше одна кость была.

— Плохо, говоришь, в Ленинграде? — спросил летчик.

— В нашем доме десять человек умерли с голоду.

Юрка подобрал с земли корку хлеба и протянул Дику — тот заворчал и отвернулся.

— Не надо, — сказал летчик. — Не берет он из чужих рук.

— И Байкал не брал.

— Давно из Ленинграда? — спросил летчик.

— Сначала меня в лазарет положили, потом на самолете эвакуировали... Я очень слабый был и ничего не запомнил. А тут у меня тетя. Я у нее живу. А вы какой летчик? Истребитель?

— Не совсем. Штурмовик.

— На «ИЛх» летаете, да?

— Точно, — улыбнулся летчик. — А ты видел «ИЛы»?

— Ну да, они низко-низко летают, над самыми крышами. А высоко могут?

— Могут, — сказал летчик.

— Я видел, как наш самолет сбили, — сказал Юрка. — Фриц дал очередь, — самолет и загорелся. А Фриц улетел.

— Бывает и такое, — сказал летчик.

— А вы сбиваете немцев?

— А чего на них любоваться? Сбиваем.

— В Ленинграде часто сбивали «юнкерсов», — сказал Стасик.

— А что штурмовики делают? — спросил Юрка.

— Воюют, — сказал летчик. Прищурился, он посмотрел на Юрку.

— Не умеешь, Гусь, защищаться. Какой дурак голову подставляет под кулаки?

— Их вон сколько, — проворчал Юрка.

— Голову, Гусь, надо защищать.

— У него хлеб был за пазухой, — сказал Стасик. —
Растоптали.

— У меня башка целая. — Юрка пощупал затылок. —
Мою башку и камнем не прошибешь. . .

— По-честному надо драться, — сказал Стасик.

Юрка ничего не ответил. Он подошел поближе к летчику и потрогал кожаную куртку.

— Всем такие дают? — спросил он.

— Нравится? — усмехнулся летчик. — Будешь летать, и тебе выдадут.

— Я знаю, где ваш аэродром, — сказал Юрка. —
Приду.

— В гости?

— Я люблю глядеть на самолеты.

Дик раз-другой царапнул хозяина лапой. Летчик посмотрел на черный циферблат часов.

— Что-то наша машина застряла.

Он достал из кармана плитку шоколада и, разломив на две равные части, отдал ребятам.

— Жуй, народ!

Пожал ребятам руки, хлопнул Юрку по спине.

— Не горюй, малый, заживут твои боевые раны. А ты, Стасик, не сердчай на него. Сгоряча он тебя по уху. . . Так, Гусь?

— Понятно, сгоряча, — неохотно отозвался Юрка. — Я же не видел, кто меня лупит.

Возле них затормозила грузовая машина. В кузове — гора ящиков. Не заглушая мотора, шофер в синем комбинезоне молча уступил место за рулем летчику и открыл дверцу с другой стороны. Дик тотчас вскочил в кабину и уселся на сидении рядом с неразговорчивым шофером, выставив в боковое окно довольную морду.

Летчик помахал мальчишкам рукой, улыбнулся и тронул машину.

— Летчик! — Юрка, растопырив пальцы, посмотрел на свою грязную руку, которую ему только что пожал этот человек.

Стасик задумчиво глядел на дорогу. Полы его короткого серенького пальтишка трепыхал ветер.

— Чтобы летчиком быть, нужно ничего не бояться? — спросил он.

— Я ничего не боюсь, — сказал Юрка.

— Я — бомбежку, — вздохнул Стасик. — В Ленинграде не боялся, а тут снова... Особенно ночью.

— Дело дрянь, — сказал Юрка. — Можно помереть. Со страху. Немец, гад, приделывает к бомбам какие-то свистульки. Летит бомба и воет, как ведьма, а у людей вся психология — к чертовой бабушке.

— Психика, — поправил Стасик. — Снаряды тоже воют, только не так страшно. Если услышал, снаряд воет, — значит, не бойся — упадет далеко.

— Ничего парень этот летчик, — сказал Юрка и положил в рот последний кусочек шоколада.

Стасик съел только половину. Остальное завернул в бумажку и спрятал в карман.

— Тете, — сказал он, поймав удивленный Юркин взгляд.

— А я сожрал, — Юрка облизал липкие пальцы и покачал головой. — Надо бы бабку угостить...

Расходиться по домам не хотелось. Они стояли у забора, ладошками сгребали с жердей пушистый снег и клали в рот.

— Ну, я пойду, — сказал Стасик, не двигаясь с места.

— Где ты живешь?

— На Кооперативной...

— А я на Советской.

Помолчали. Стасик поежился под летним пальтишком и снова сказал:

— Надо идти... Пока.

— Бывай, — сказал Юрка.

ЗЕЛЕНАЯ РАКЕТА

Юрка с бабушкой Василисой пили чай, когда в дверь раздался стук.

— Приятного аппетита, — вежливо сказал Стасик, вытирая ноги о жесткий половичок.

Бабка подняла глаза от блюдечка. Долго глядела на мальчика, с любопытством поглядывая на зеленый жестяной ящик, что Стасик держал под мышкой.

— А-а... у Серафимы живешь? — вспомнила бабка. — Она тебя пригубила. Слыхала.

Юрка выскочил из-за стола, накинул фуфайку.

— Айда во двор! . . .

Из леса на станцию ползли по снегу голубоватые длинные тени. Мимо вокзала простучал товарняк. На платформах промелькнули танки с зачехленными пушками. С заснеженных крыш вагонов настороженно глядели в небо спаренными стволами зенитные пулеметы.

Стасик уселся на обледенелую ступеньку и, щелкнув задвижкой, открыл ящик.

— Сколько их! — обрадовался Юрка. — Постреляем!

В узком металлическом ящичке плотно, одна к другой лежали новенькие ракеты.

— Где достал?

— Достал. . . — Стасик защелкнул крышку и спрятал ящик за пазуху. — У Хотяевского моста, в лесу.

Юрку даже пот прошиб, так сильно захотелось ему заполучить этот зеленый ящик. Но, судя по всему, Стасик не собирался с ним расставаться.

— Давай дружить, — с воодушевлением сказал Юрка.

Стасик недоверчиво покосился на него.

— Пожалуйста. . . Только ракеты я тебе не отдам.

— Думаешь, я из-за ракет?

Стасик посмотрел Юрке в глаза и ничего не сказал. Юрка покусал нижнюю губу и спросил:

— Зачем тебе столько?

— Пускай лежат.

— Так всю жизнь и будут лежать? — насмешливо спросил Юрка. — Сгниют.

— Я пойду, — сказал Стасик.

Юрка нахмурился и замолчал. Долго сидели они рядом, глядя в разные стороны. На станции пыхтел маневровый, набирая воду. Из трубы сыпались искры, озаря бледным светом покачивающийся над тендером водолей. Там, где поблескивающие пунктирные линии рельсов собрались в одну точку, горел красный глаз семафора.

— Знаешь, где я их нашел? — заговорил Стасик. — В муравьиной куче. Гляжу, муравьи мечутся, как угорелые, ну, я взял сук, да и давай ковырять. . . — Стасик умолк, прислушался. — Юр! Фашисты летят!

— Наши это! — дернул Юрка плечом. — Я по голосу узнаю. . . Ну, а дальше?

— Ковырнул, а там вот этот ящик. Я бы и ракетницу нашел, да тут подскочил Жорка, оттолкнул меня и давай

сам копать. Сграбастал ракетницу, гад рыжий... А я ее первый увидал. Говорю ему: пускай у нас все будет пополам и ракеты и ракетница... А он говорит: «Нашел дурака! Ракеты твои перестреляешь, а ракетница останется...» Он и ракеты хотел отнять. Не вышло!

Из глубины леса, с той стороны, где клуб, вылетела зеленая ракета. Она красиво изогнулась в небе наподобие огромного знака вопроса и медленно растаяла.

— Летят! — вцепился в Юркину фуфайку Стасик. — И это ракета?!

Юрка открыл было рот, но колкий страх приморозил язык к нёбу: на большой высоте, раздирая сумрачную пелену вечернего неба, двигалась стая «юнкерсов». Черные капли отделились от самолетов и с металлическим воем понеслись на притихший поселок. Капли увеличивались, росли и от них трудно было оторвать взгляд. Капли падали прямо на голову. Ребята не помнили, как оказались лежащими на земле у поленницы дров. Все вдруг провалилось в какую-то яму. Сколько времени продолжалась бомбежка? Минуту? Час? Они не знали. Какая-то сила придавила их к земле и не давала поднять голову. А земля вздрагивала и тряслась, будто от страха.

Словно злой великан на ходулях прошагал по поселку: «Ух! Ух! Ух!..» Ушел, а следы остались — глубокие черные ямы, и долго еще в них курился ядовитый зеленый дымок. Вставить с земли не хотелось. Не хотелось ни о чем думать, даже радоваться, что черные стальные капли пронесло мимо. Тишина, звенящая, похоронная тишина. И вдруг где-то за домами, вблизи — прерывистый дикий вопль.

Стасик сел на землю, дотронулся до Юрки.

— Кричат.

— На Кооперативной, — сказал Юрка, поднимаясь. — Поглядим.

В переулке уже толпился народ. Крупная фугаска угодила в угол бревенчатого пятистенка. Дом так и сел на корточки, словно собирался перепрыгнуть через дорогу. В пролом в стене свободно могла бы въехать машина. Юрка и Стасик, держась друг за друга, пытаются заглянуть в эту огромную прореху. Но взрослые все загородили. Только видно, как на исчерканной осколками стене, чуть покосившись, висят ходики с тремя богатырями на циферблате.

Что-то страшное там, за неподвижными спинами людей. Юрке хочется убежать отсюда подальше. И не может. Ноги словно примерзли к земле. Будто сквозь вату, слышится разговор:

— Всю семью под корень вырубил... Даже младенца не пощадил!

— Господи! Что на белом свете деется?

— Лютует, сволочь!..

— У-у-у, звери! — скрипнул кто-то зубами.

— Вон фершал идет!

— А что толку? Мертвых не воскресишь.

Юрка, увлекая за собой Стасика, выбрался из толпы.

— Они чай пили, когда их убило, — сказал Стасик. —

Всех пятерых.

Юрка молчал. Больше не сказав друг другу ни слова, они разошлись.

Гусь, оступаясь, взобрался на свое крыльцо. Горьковатый тревожный запах взрывчатки преследовал по пятам. В обледенелую ступеньку крыльца глубоко вонзился длинный зазубренный осколок. Снег вокруг него растаял.

В избе было холодно. Пахло штукатуркой и улицей. Стекла мрачно поблескивали на полу. Из печи осколок выломил красный кирпич. Дверь в другую комнату, раньше заколоченная, распахнулась настежь и держалась на одной петле. Большое зеркало над кроватью треснуло посередине. Рамка с фотографиями покосилась. Только медный самовар с короной-конфоркой на голове по-прежнему весело сиял в углу на чурбаке, гордясь своими медалями, выбитыми на желтой выпуклой груди.

Бабка рукавом смахнула со стола на пол штукатурку, стекла и стала собирать ужин. В углу на табуретке маячила чья-то сгорбленная фигура.

— В черковь перестали люди ходить, — услышал Юрка знакомый шепелявый голос, — вот гошподь бог и наказал жа грехи тяжкие... Егор-то на старости лет, царство ему небесное, штал бежбожником... Жабыл и дорогу в черковь... А гошподь, он все видит... Гошподь, он ничего не жабывает!

Юрке противно было слушать этот шепелявый голос, он сбоку посмотрел Ширихе в лицо и спросил:

— С чего это у тебя такая здоровая бородавка выросла?

Шириха так и подскочила.

— Глажищами-то жьркает, чишто шыч, — проворчала она, отворачиваясь от Юрки.

— Не хошь щец похлебать, Марфа? Постные. . . А то все говоришь.

— Пойду я. . . Надыть еще кожу подоить, — Марфа Ширина ткнула клюкой в дверь. — Меня-то гошпоть бог помиловал. . . Ни единого штеклышка не вылетело. Он, гошпоть, жнает, кого накаживает. . . У Губиных курятник в щепки ражнесло. Прощевай, Вашилиха.

— Эх, тетка! — крикнул ей вслед Юрка. — Заладила: «Гошпоть, гошпоть!» Хочешь, на икону плюну — и мне ничего не будет.

Шириха так хлопнула дверью, что с рамы еще одно стекло упало и разбилось на подоконнике.

Бабка, стуча деревянной поварешкой о чугуна, наливала Юрке щи в тарелку.

ТРУДНО ЖИТЬ БЕЗ САПОГ

В доме бабки Василисы стали твориться непонятные вещи. На дно несколько раз из буфета пропадали хлебные карточки и снова находились. Однажды, проснувшись утром, бабка не обнаружила свои валенки, которые положила на ночь в печку просушиться. Бабка засунула голову в печь и долго шарила там рукой.

— Что за наказание? — испуганно сказала она. — Нечистая сила в доме завелась. . . Тьфу!

Юрка прыснул со смеху.

— Чего зубы-то скалишь? — подозрительно посмотрела на него бабка. — Не ты ли озорничаешь?

— У тебя нос в саже, — сказал Юрка.

Бабка подошла к зеркалу и, послунив конец платка, стала тереть свой толстый нос.

— Нащипай лучины, — сказала она.

Юрка взял с шестка сухое сосновое полено, зажал его между коленями и большим ножом с деревянной ручкой стал откалывать щепки. Бабка запалила лучину и хотела положить в печку, под дрова, но. . . тут увидела свои валенки. Они рядышком стояли на самом видном месте.

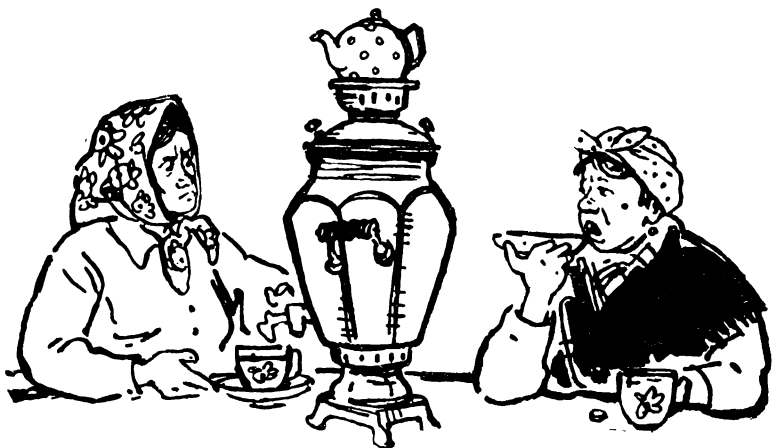
Горящая лучина рассыпалась, а бабка, пятась от печки, стала креститься.

— Домовой? . .

— Где? — подскочил Юрка к печке и, заглянув в черный проем, разочарованно произнес:

— Какой же это домовой? Твои валенки. . .

Бабка молча подобрала обуглившуюся лучину и затопила печь. Юрка, сидя на подоконнике — своем любимом месте, — делал вид, что смотрит в окно. На самом деле краем глаза он следил за бабкой.

Маленькая, крепкая, в белом платке, она ловко, без всякой суеты управлялась у большой громоздкой печи. Когда она нагибалась за чем-нибудь, тонкий поясок передника с завязкой сползал к лопаткам. Бабка все время поправляла его. Старенькая, застиранная юбка спускалась до самых пят. На шерстяной вязаной кофте, чуть ниже ворота, — дырка.

Бабка ворочает в печи ухватом, а красный отблеск весело пляшет на залатанном фанерой окне. На кухне тепло, а на улице снег с неба сыплется. Четыре сосны, что стоят на пригорке, побелели. И крыша вокзала стала белой.

Не успели сесть за стол — пришла Шириха. Юрка первым долгом посмотрел на ее ноги. Они были обуты в крепкие, даже неподшитые валенки. На голове Ши-

рихи, как всегда, качались «заячьи уши». Юрка все время удивлялся: зачем она завязывает концы своего платка на голове, а не на шее, как все люди? Он мысленно так и прозвал ее: Заячье ухо.

— Шлыхала новошть, Вашилиша? — с порога затараторила она. — Германец к самой Мошкве подошел... Шветопредштавление!

— Чаю налить? — спросила бабка.

Шириха, не раздеваясь, уселась за стол, кошелку свою поставила рядом, возле ног.

— Говорят, германец верующих не трогает, — быстро оглядев скудно накрытый стол, сказала она. — Партейных вешает. Бежбожников.

— Всех не перевешает, — хмуро глянула на Шириху бабка. — Миша мой тоже партейный.

Шириха прикусила язык и, выставив из широкого рукава пальто худую руку, проворно схватила из сахарницы самый большой кусок сахара. Юрка поморщился, но ничего не сказал. Прихлебывал из блюдца чай и в упор смотрел на незваную гостью, которая уже нацелилась черным глазом на поджаристый картофельный пирог. Попробовав, отодвинула. Видно, обозналась, приняла его за мучной.

— Не пишет твой шынок-то? — помягче спросила Шириха.

— Воюет, — сказала бабка. — Не до писем.

— К Федотовой Анне вчера приехал сын, — продолжала Шириха. — В Ташкенте служит. Ковер привез. Жагляденье. Такой сейчас не купишь. И фрукту ражного привез. Шухого фрукту. А сам из себя полный такой, предштавательный. На шкладе работает. Добра у него — вагон!

— Миша на фронте, — сердито сказала Василиса. — Танкист. Мой бы сын в Ташкенте не сидел.

— У Анны-то Федотовой на штоле булка и шахару полная шахарница. — Шириха с усмешкой оглядела бабкин стол. — А у тебя одна картошка.

— Кто воюет, а кто ворует, — сказала бабка Василиса. Блюдечко в ее руке задрожало. Юрка взглянул на бабушку и удивился: лицо ее потемнело, губы сжались, морщин на лбу стало вдвое больше. Черные глаза не мигая смотрели на Шириху. Такой сердитой Юрка еще никогда не видел бабушку.

— Миша на войне с первого дня. Мне ташкентская булка поперек горла встанет... В такое-то время! Кому завидуешь? О боге толкуешь, а в мыслях у тебя другой бог... Руки у тебя, Марфа, загребушие, а глаза завидушие.

— И Жорка такой же, — поддакнул Юрка.

Шириха, хлопая глазами, слушала бабку, и желтый зуб торчал во рту. Она подхватила свою кошелку и засемила к двери. На пороге не выдержала, оглянулась.

— Шын хоть у тебя и учитель, а в доме пусто! — выкрикнула она. — И никогда у тебя в шкафу добра не будет.

Когда Шириха выскочила за порог, бабка спросила:

— Чего это она про шкаф?

— Пустой, говорит, у тебя шкаф, — сказал Юрка. — Добра там какого-то нет.

Бабка Василиса молча убрала со стола. Потом села на табуретку и подперла голову рукой. И сразу бабка стала маленькая, одинокая. Юрка подошел к ней. Постоял, помолчал, а потом сказал:

— Хорошо бы бомбу на ее дом... фугаску.

Бабка взглянула на него, покачала головой:

— А ты, сверчок, — знай свой шесток!

Юрка обиделся, отошел к печке. Но сидеть вдвоем в избе и молчать было скучно.

— Баб, дай обувку, до Стаськи доскачу, — попросил Юрка.

— Не дам, — сказала бабка. — В магазин пойду.

После той памятной драки, когда Юркин и бабкин паек растоптали мальчишки, бабка сама ходила за хлебом. Выдвинув ящик буфета, достала старый кожаный кошелек с белой кнопкой и облегченно вздохнула — карточки лежали на месте.

— А если фриц бомбить будет, куда я? — хмуро спросил Юрка.

Бабка ничего не ответила. Не расслышала или нарочно молчит. Юрка заметил, что бабка Василиса не так уж плохо слышит. По крайней мере, то, что ей нужно, — слышит.

— Так всю зиму и буду сидеть дома?

— Не озорничай, — сказала бабка. — Сиди смирно.

Она ушла. А Юрка, волоча по полу длинные шерстя-

ные чулки, стал бродить по избе. Трудно жить без сапог. От Юркиных башмаков осталось одно воспоминание. Тогда в драке оторвалась одна подметка (он даже не заметил!), потом где-то в липкой грязи осталась вторая. Юрка ухитрился целый месяц ходить на стельках, но и они сносились. Пробовал веревками привязывать к верхам куски от резиновой покрышки, но такое ненадежное сооружение очень быстро разваливалось. И однажды Юрка опозорился перед той девчонкой с толстой косой. Как раз напротив ее дома веревка сразу в трех местах перетерлась и башмак развалился. Девчонка выскочила из-за калитки и стала нахально глазеть на Юрку. Ему, конечно, было наплевать на нее и на ее толстую косу, но нельзя же до самого дома прыгать на одной ноге! Юрка содрал с ноги и второй башмак. В длинных бабкиных чулках спокойно зашагал по снегу. Через пять шагов ступни прижгло холодом, но Юрка и виду не подал. Гордо подняв голову, шагал себе почти босиком по дороге с таким видом, будто вышел на прогулку. Не хватало еще, чтобы он побежал на глазах этой девчонки. К счастью, дорога круто сворачивала, и Юрка, оказавшись под защитой высокого забора, припустил так, что никакой «мессершмитт» за ним не угнался бы.

С тех пор вот уже вторую неделю сидит Юрка дома и смотрит на жизнь сквозь замороженные окна. Иногда бабка дает ему свои теплые валенки, но это не так уже часто случается. Бабка Василиса тоже хорошая непоседа. Не любит долго дома рассиживать: то ей нужно к соседке, то в лесничество, то на станцию отправиться, — вдруг ее сын, Мишенька, раненый с фронта возвращается.

А Юрка сидел дома и смотрел в окно. Напротив станция. На перроне толкался народ. Женщины на согнутых в локте руках держали корзинки с мороженой клюквой. Как только издали доносился паровозный гудок, они начинали суетливо разбегаться вдоль перрона. Юрка никогда не мог угадать, с какой стороны прибывает поезд. И там и тут гудит, пыхтит. Первым показывался окутанный паром паровоз. Пока мелькали товарные вагоны, за Юркиной спиной тоненько гремела самоварная конфорка. Состав, не останавливаясь, уносился дальше, а разочарованные торговки снова собирались в кучу и, тряся круглыми головами в платках, о чем-то толковали.

У всех на ногах была какая-либо обувь. О, как Юрка завидовал людям, имеющим собственные сапоги! Люди шли мимо дома, заходили в поселковый совет, он был тоже напротив Юркиного окна, и долго там сидели. Юрка удивлялся: зачем люди столько много времени теряют в избе? В избе и без сапог можно сидеть сколько угодно... Были бы у него хоть какие-нибудь завалы башмаки или валенки, он бы весь день бегал по скрипучему снегу...

Дверь стремительно распахнулась, и в избу ворвалась разъяренная Шириха. Она даже не обмела со своих новых валенок снег.

— Ушпел-таки, ражбойник, жалезть в кошелку! — накинулась она на Юрку. — Где моя тушенка?

Юрка пожал плечами:

— Я не караулил.

— Жа эту банку што рублей как одну копеечку Анне Федотовой жаплатила, — запринитала Шириха. — Отдай тушенку, слышишь?

— Говорю, не брал, — мрачно сказал Юрка, потихоньку двигаясь к печке.

— Брал, брал! Больше некому, — наступала на него Шириха. Желтый зуб ее хищно светился во рту. Маленькие глаза горели злобой. Изловчившись, она сцапала Юрку за ухо и дернула так, что у мальчишки свет в глазах помутился.

— Што рублей жаплатила, — шипела ему в лицо Шириха. — Ухи отверну, коли не отдашь тушенку.

Юрка, у которого от боли выступили слезы, молча рванул на себя ведро, стоявшее на скамейке. Вода окатила Ширихе пальто и ноги. Отпустив Юркино ухо, она отскочила в сторону. А Юрка кошкой вскарабкался на печку. Оттуда в Шириху полетели увесистые луковицы.

— Вот тебе тушенка! — приговаривал Юрка. — Вот тебе што рублей!

Шириха, оставляя мокрые следы, попятилась к двери.

— Чтоб ты ждох, окаянный! — ругалась она. — Чтоб тебе на том свете...

Но что его ожидает на том свете, Юрка так и не узнал. Луковица звонко кокнула Шириху по голове и она выскочила за дверь. Юрка еще некоторое время посидел на печке, а потом слез. На полу — огромная лужа.

В луже плавают желтая шелуха, кругом раскатились луковицы.

Вооружившись тряпкой, он принялся наводить порядок.

Пришла бабка. Увидев Юрку, ползающего по полу с тряпкой в руках, удивилась.

— Ты чего это делаешь?

— Не видишь? Полы мою, — сказал Юрка.

Бабка только головой покачала. Беспокорный попался ей мальчишка. Никогда наперед не знаешь, что он выкинет. Она догадалась, что пропажа и находка ее валенок — это его проделка. Скучно ему весь день сидеть дома. Вот и мечется, выдумывает всякую всячину. Поди ж ты, полы взялся мыть! Надо что-то придумать с обувкой. Не может ведь всю зиму мальчишка сидеть дома.

Василиса снова накинула на плечи фуфайку и вышла в сени. Юрка слышал, как она по лестнице поднялась на чердак. Над головой глухо зашкрипели шаги. Бросив тряпку под скамейку, он подошел к окну. Уперся лбом в ледяное стекло, задумался. Где бы украсть валенки? Хорошо бы у Ширихи. Ух, вредная баба! Тушенку у нее стащили. Што рублей жаплатила! И Жорка такой же паршивый уродился. В нее, в мать.

С неба медленно падал тяжелый снег. На тонких жердинах изгороди образовались круглые шапочки. Люди, которые проходили мимо, тоже были залеплены снегом. На головах выросли снежные папахи. Интересно, если снег будет падать всю зиму, засыплет он водонапорную башню или нет?.. Юрка вспомнил книжку про забавные приключения барона Мюнхаузена. В сильный снегопад он привязал к колышку свою лошадь. А когда проснулся, снег успел растаять и лошадь оказалась подвешенной к колокольне... Эту книжку Юрка читал перед самой войной. Дома читал, а мама что-то строчила на машинке...

Грустно стало Юрке. Снег вызвал у него в памяти родной город, крутую гору, спускающуюся к реке. Он с приятелями съезжал с этой горы, и лыжи, коснувшись льда, разъезжались и звенели.

К забору подошел Жорка. У него на ногах новые серые валенки. Матка в деревне на сахар выменяла. Что это делает Жорка? Юрка так нажал лбом стекло, что

чуть не выдавил. Жорка достал из-за пазухи пустую консервную банку и, воровато оглянувшись на свои окна, швырнул в огород бабки Василисы. Вот оно что! Жорка украл у мамыши тушенку. А она, как бешеная, набросилась на Юрку.

Бабка принесла с чердака какие-то странные плетеные штуки, напоминающие галоши.

— Надень-ка, — сказала она, — может, придется впору. . .

— А что это такое? — с любопытством спросил Юрка.

— Лапти.

— Лапти?! — Юрка презрительно отвернулся. Нет, лапти носить он не будет. . . Лучше дома сидеть, чем в таких плетеных страшилищах ходить.

КОЛЬКА ОСТАЕТСЯ ОДИН

Разгулялась непогода. Круглую макушку обледенелой водонапорной башни залепило снегом, и только куриной лапой торчал громоотвод. Метель подхватывала у самой земли пушистые хлопья, закручивала их в тугую спираль, завывала в колючих ветвях сосен, гудела в телеграфных столбах.

Стекла, уцелевшие после бомбежки, покрыла наледь. Из-под куска фанеры, которую Юрка приколотил гвоздями к раме, лезла снежная борода. Иногда метель запускала растрепанный язык в трубу, и тогда в печи звякала заслонка, а в дымоходе кто-то тяжело вздыхал.

Василиса ушла к соседке поболтать, а босой Юрка, Стасик и губастый Колька Звездочкин резались в «очко». Неопытный Стасик проиграл всю мелочь, она перекочевала в Юркин карман. Стасик не очень жалел деньги, но хотел отыграться.

— Под ракеты будешь? — спросил Юрка, не глядя на него. — Ракета — полтинник. Идет?

— Ладно, давай, — вздохнул Стасик. — Только я не буду все проигрывать. . .

Через полчаса Юрка выиграл ракеты вместе с ящиком. Деловито пересчитал их и несколько штук сунул в необъятный карман солдатских галифе. Ящик затолкал под кровать.

— Вот же не везет! — через силу улыбнулся Стасик и бросил на стол карты.

Колька, шевеля толстыми губами, следил за Юркой. Он тоже проиграл, злился, и ему казалось, что Гусь плурует.

— Покажи карту! — потребовал он.

Юрка спокойно и нагло, передернув карту, показал:

— На!

Нижняя Колькина губа отвисла совсем, маленькие глаза уставились в свои карты. Громко сопя, он, послушив пальцы, медленно потянул туза вниз и в сердцах дернул себя за желтый хохол:

— Продул...

Колька тискал бесполезную карту в потных пальцах, зачем-то подносил ее к носу. Он проиграл в два раза больше, чем Стасик. Чувствовалось, что Колька еле сдерживается, чтобы не стукнуть Юрку. А тот радовался. Ему было наплевать на Звездочкина. Юрка до сих пор помнил, как Колька из-за Жоркиной ракетницы заехал ему в ухо. Пусть теперь побесится...

— Юр, дашь мне из ракетницы выпалить? — выжидающе спросил Стасик.

— Тебе дам... А этому — ни в жись!

Колька засопел. Маленькие глаза его побелели.

— А ты... — запинаясь, сказал он, — ты ворюга... У бабы на вокзале сало спер!

Юрка почувствовал себя оскорбленным. Он встал, вплотную подошел к Кольке. Звездочкин был на голову выше Юрки и намного шире в плечах.

— Я тебе, морда... — сквозь зубы сказал Юрка и замахнулся. В это время дверь распахнулась и с облаком пара в избу ввалилась залепленная с головы до ног снегом бабка Василиса со свертком.

Колотя у порога обшарпанным голиком по валенкам, бабка скрипела:

— Охо-хо, послал бог погодушку, снегу-то намело! Еле калитку отворила.

Размотав засверкавшую каплями воды шаль, она подозрительно поглядела на ребят.

— Небось, опять картежничали?

— Что ты, бабушка! — Юрка шмыгнул носом. — Мы тут разные истории рассказывали...

— Истории? — бабка погладила печку скрюченными

пальцами. — Не слепая... Ишь, парнишки-то кислые... Бессовестные твои глаза, Юрка! Отдай, говорю!

— А-а, пускай забирают, не жалко, — улыбнулся Юрка. — Бери, губошлеп!

Колька обрадованно поставил ладонь.

— А ты? — спросил Юрка Стасика.

— Не по правилам, — сказал Стасик и спрятал руки за спину.

— Видишь, не берут? — Юрка пожал плечами и ссыпал мелочь в карман.

Бабка развязала концы платка, в который был завернут пакет, и кинула Юрке пару подшитых валенок.

— Носи! Да добрым словом поминай милиционера Егорова... За спасибо, дай бог ему здоровья, справил тебе обувку.

Юрка надел валенки и шагнул к бабке: ему вдруг захотелось щекой потереться об ее вязаную кофту. Шагнул и... присев, принялся ощупывать мягкие голенища. Теперь не надо весь день торчать у окна. Теперь он как захочет, так и выйдет на улицу! Хватит, отсиделся!

— Может, увидишь Егорова — позови к нам чай пить... Я звала — не пошел. Говорит, на дежурство. — Бабка заглянула в сахарницу и вздохнула. — Сахар-то на исходе... Юрушка, скажи Егорову, пусть с собой кусок сахара захватит... Я просила у Ширихи — не дала... Нету, говорит, а сама все лето торговала. Небось, на три года запаслась!

— Эх, и здóрово вчера Шириху разбомбило! — засмеялся Юрка.

— Не скаль зубы, насмешник! — проворчала бабка.

— Так, бабушка, — напомнил Юрка, — ведь она говорила: «Гошподь жнает, кого наказывает...» — помнишь? В церковь моталась, а господь ей — бомбочку!

— Не говори так! Не господь это, а немец.

Прошлой ночью «юнкерс» сбросил на поселок одну крупную фугаску. И угодила она аккуратно Ширихе под окно. Огромная дымящаяся воронка, будто пруд, подступила к самой завалинке. Дом скособочился. Буфет, стол, стулья — все, что стояло, съехало к стене.

Шириха наспех заколотила окно и двери досками и вместе со своим рыжим Жоркой уехала на первых попутных дровнях в глухую деревню Леонтьево, к куме.

— Нет шправедливошти на небесах, — дерзко сказала она, рассерженная на бога.

Юрка с удовольствием вспомнил, как жалкий растерянный Жорка, усаживаясь рядом с матерью на охапку зеленого сена, торопил ее:

— Поехали скорее, мам! Прилетит. . .

Укатил в деревню Жорка и забыл про свою ракетницу.

— Баб, мы погуляем! — крикнул Юрка, на ходу натягивая фуфайку.

— Может, с крыши бабахнем? — кубарем скатившись с крыльца, спросил он у ребят.

— Смотри-ка, звездочки, — задумчиво сказал Стасик, увидев на небе просветы. — Конец метели.

Метель еще колола лица снежными иголками, взвизгивая загоняла в подворотню хвостатую поземку, но, уже устав, накружившись и нагулявшись досыта, навалив вокруг огромные сугробы, уходила по крышам домов дальше, за поселок, в лес.

— Попробуй, бабахни! — Колька рукавом утер нос. — Живо Егоров сцапает. Где, скажет, взял ракетницу? Еще и про сало припомнит. . .

Юрка помедлил, помолчал — не хотелось связываться, — но все-таки сказал:

— Хочешь, я те из ракетницы в ухо выпалю? . .

Колька ничего не ответил. Только кулаки сжал.

— Пошли-ка лучше подальше куда-нибудь, — примирительно проговорил Стасик. Он поднял плечи и засунул руки в карманы своего пальтишка.

— Айда в лес! — Юрка спрятал холодную ракетницу за пазуху и первым двинулся к калитке. Стасик подумал, потом решительно зашагал за ним. Колька постоял-постоял и тоже поплелся.

— Эй, Гусь! — крикнул он. — Я с вами.

Юрка остановился и с удовольствием показал Кольке кукиш.

— Нюхал?

— Жалко вам, что ли? — Колька начал заискивать. — Я про шпионов что-то знаю. . .

Юрка замедлил шаги.

— Брешьешь, губошлеп! — негромко сказал он. — Как сивый мерин.

— Ей-богу, не вру! От постояльца дяди Васи слы-

шал... — Колька догнал их и, сдернув с руки теплую рукавицу, протянул Стасику: — На, бери!

Кончилась улица, и ребята вышли к перелеску, на «трубу» — так называлась длинная и прямая просека. «Труба» тянулась от водокачки, одиноко стоявшей на берегу узенькой речушки Тимаевки, до высоченной водонапорной башни. Молоденькие зеленые елочки, окаймлявшие просеку, под тяжестью снега низко опустили разлапистые ветви.

Колька, старательно ступая по глубоким Юркиным следам, бубнил:

— А дядя Вася и сказал: «Фрицы разыскивают тут склад, где всякие бомбы и снаряды лежат... Понакидал с самолетов парашютистов, они и шарят кругом, взорвать хотят этот склад». Только ни шиша у них не выйдет! Склад-то замаскирован. Дядя Вася все знает. Он капитан.

— Про шпионов ты наврал, — Юрка остановился возле толстой сосны и стал притаптывать снег.

— Ей-бо, не наврал! — Колька горячо дышал Юрке в затылок. — Одного из сугроба за ноги вытащили. Он за сосну зацепился своим парашютом — и в сугроб... Другой убежал. А которого поймали, сказал, что немцам этот склад во где сидит! У него тоже ракетница была и ракеты. Сам слышишь, «юнкерсы» над станцией день и ночь ползают. Ищут... Юр, дашь мне разок пульнуть?

Юрка промолчал.

— Помнишь, когда нас чуть не разбомбило, зеленая ракета из леса выскочила? — Стасик с опаской посмотрел на прояснившееся небо, потом на Юрку, заряжавшего ракетницу. — У тебя тоже зеленые. Ну как долбанет?

— Чудило, — сказал Юрка. — Фрицев-то нет. Кто тебя бомбить будет? Звезды?

Он вскинул вверх руку и стал целиться в далекую холодную звездочку, ярче других мерцавшую в просвете заснеженных сосновых лап. Стасик и Колька, поскрипывая снегом под ногами, задрали головы. Но Юрка вдруг сунул взведенную ракетницу за пазуху и повернулся к ребятам.

— Здорово замерзли?

— Н-не очень, — хлюпнув носом, неуверенно сказал Стасик.

— А че? — отозвался Колька, хлопая рукавицей по замерзшим коленкам.

— Если не очень — айда на водокачку! Там у речки заляжем и будем «юнкерса» ждать. Прилетит, а мы и выпалим на болото. А он начнет туда бомбы кидать.

— А если по нас тарарахнет? — Колькины губы на морозе еще больше распухли и с трудом шевелились.

— Меня тетка, наверное, ищет, — Стасик тоскливо посмотрел в сторону темнеющих вдалеке домов. — Давай лучше, Юр, в другой раз? Оденемся потеплее.

Юрка молча раздвинул их плечом, и, не оглядываясь, пошел вперед по просеке.

— Юр, погоди... — взволновался Стасик. — Да постой же!

Юрка безмолвно пересекал голубоватую тень от высоченной сосны.

— Ну и пусть идет, — зашептал Колька. — А мы здесь постоим... Чего за ним ходить? Не видишь? Он шпана вшивая, вот он кто.

— Какой ты... — с ненавистью сказал Стасик. Не глядя на Кольку, стащил рукавицу и протянул ему:

— Мне уже не холодно... — И быстро пошел за Юркой.

Колька долго прислушивался к торопливому скрипу его шагов.

...Дома Колька натянул на себя ватные штаны, по шаткой лестнице взобрался на заваленную снегом крышу, примостился у кирпичной трубы и, нюхая гарь, стал глазеть на холодно освещенную месяцем колючую кромку леса, терпеливо ожидая, когда, наконец, взойдется в звездное небо первая ракета.

К Л Ю Н У Л О

Стасик отчаянно мерз. Кончик носа болел так, будто его ошпарили. Стасик понимал, что нос может отмерзнуть, но руки, глубоко запрятанные в штаны, вынимать не хотелось, и он принялся тереть нос об Юркино плечо.

Юрка обернулся. У него побелела скула.

— И чего, гад, не летит? — раздраженно сказал он.

Они сидели, как два гриба-близнеца, на толстом, косо

спиленном пне. Рядом подолгом глухо журчала Тимаявка. На пригорке блестя голубела крыша водокачки. Маленькое дымчатое облако с размаху напоровшись на ясный острый серп месяца, за клубилось, расплзлось. Протяжно скрипнула, будто вздохнула, высокая сосна. Где-то неподалеку ветвь с облегчением сбросила глыбу снега.

— Летит! — прошептал Стасик.

Звук моторов становился все громче, отчетливее.

— Готовсь! — скомандовал себе Юрка.

— Это наши, Юр, — стуча зубами, пробормотал Стасик.

— Думаешь?

— Наши.

И точно. В стороне, низко над лесом прошли тяжелые бомбардировщики. Мороз прихватывал уши. Стасик вытащил согревшуюся на животе руку и по очереди

прикладывал к ушам, к носу. Юрка на мороз не обращал внимания. Когда и у него защипало нос, он только досадливо дернул головой и тут же забыл обо всем, услышав знакомое: «Везу-у, ве-зу-у...»

Первая ракета, осветив все кругом зеленоватым светом, казалось, полчаса висела в небе. А когда погасла, морозный лес еще теснее обступил ребят, небо стало черным, звезды вдруг пропали. Невидимый без огней, прогудел над головой самолет. Развернулся — и визгливый свист рассек воздух. Вздрыгнула земля. Сосны разом сбросили снег на головы прижавшихся к пню ребят.

Снова стало тихо, и только меж ветвей струилась невидимая снежная пыль.

— Видал! — На Юркиных ресницах, бровях — снег, в глазах — торжество.

— Одну сбросил... Почему одну? — губы у Стасика едва шевелились, от холода он шепелявил.

— Наверное, больше не было, — сказал Юрка. Он стащил с головы шапку и стряхнул снег.

— Домой?

Стасик энергично закивал головой.

— Или еще подождем?

— Хочешь, чтобы на голову сбросили?

Ребята уже выбрались на «трубу», и в это время со стороны поселка снова послышался нарастающий гул. Мальчишки остановились.

— Много-то как их... — растерянно сказал Стасик.

— Сюда летят! Может, еще успеем. . .

Юрка повернулся и напролом через кустарник снова бросился в лес. Ноги увязали в снегу. Сзади прерывисто дышал Стасик. Гул над головами становился все громче. В просвете деревьев показалась крыша водокачки. Юрка на ходу выхватил ракетницу и одну за другой выпустил в сторону болота три ракеты. От деревьев на зеленоватый снег упали дрожащие тени. Они угрожающе росли, становились все длиннее и длиннее. И снова, как тогда, в раскатистый гул моторов вплелся знакомый и пронзительный свист.

Ничего не видя перед собой, они разом выскочили на маленькую полянку, поросшую редким ельником, и сканулись в старую воронку. А рядом над болотом взлетели черные комья торфа. Ух! Ух! Ух! . .

КРЕЩЕНИЕ ОГНЕМ

Колька Звездочкин видел, как взвилась первая ракета, а затем громыхнула тяжелая фугаска. Он даже ощутил мягкий воздушный толчок. Будто кусок ваты кто-то ткнул в лицо. «Вот черти, не боятся!» — подумал он, собираясь слезать с крыши. В домах захлопали двери и на улицы высыпали встревоженные люди. Из Колькиного дома в расстегнутой гимнастерке без ремня выскочил капитан. Широко расставив ноги в хромовых сапогах, он прислушался. Ветер, перемахнув через забор, взъерошил на его затылке волосы.

Низко прошли бомбардировщики. Колька вмиг забыл про капитана. Три зеленых ракеты одна за другой повисли над заснеженными макушками сосен. Задвигались на крышах тени от труб. Увидел Колька и свою тень. Она зашевелилась, вытянулась. Едва растаял в морозном небе свет последней ракеты, как дом снова подскокил под Колькой от тяжелого взрыва.

Яркие багровые вспышки освещали черный лес. Старый скрипучий дом содрогался, сыпались стекла. И Колька, загребая руками снег, медленно съезжал с крыши. Зажав в горстях снег, он, словно куль, шлепнулся в сугроб рядом с капитаном.

— Ты это что? Колька? Откуда? Никак с неба?

Смотри — фрицы болото бомбят! Шпарят и шпарят... — удивлялся капитан.

— Ой, разбомбит, дядя Вася! — орал Колька.

— Не разбомбит... Склад совсем в другом месте, — усмехнулся капитан.

— Там же Юрка Гусь с этим Стаськой, дядя! У водочки... — хныкал Колька. — Ой, разбомбит их...

— Какой Гусь? — капитан сильно встряхнул Кольку за плечи. — А ну-ка! О чем ты?

— Там ребята! — кивнул Колька в сторону грохочущего леса. — Ракеты пускают...

— Ах, мерзавцы, что придумали! — дядя Вася бросился в сени. Мощный взрыв с треском захлопнул за ним дверь, едва не сорвав с петель.

— Веди к своим ребятам! — натягивая на плечи желтый полушубок, приказал капитан.

В развороченном бомбами лесу было тихо. Месяц плыл по небу. То тут, то там зияли черные воронки. В освобожденных от снега елях и соснах запутался белесый вонючий дымок. С деревьев все еще сыпалась снежная пыль.

Колька зацепился ногой за косо воткнувшийся в снег сук и упал.

— Нету их тут...

— Эй, ребята! — закричал капитан.

Тишина. Лишь Тимаевка не спит, ворочается подо льдом. Да изредка слышно, как в разбросанные кругом воронки скатываются снежные комки.

— Разбомбило, — плаксиво сказал Колька. — Я говорил...

— Не каркай! — оборвал его капитан. — Эй, Гу-у-сь! — громче закричал он.

— Ста-а-сь, где вы-ы-ы? — заорал Колька.

— Чего кричишь? — недружелюбно спросил кто-то совсем рядом.

Колька обалдело завертел головой.

— Где? Эй, где вы?

— Разуй глаза — увидишь.

Из старой воронки залепленный снегом, чуть живой от пережитого страха и холода выбрался Стасик.

— Гусь? — Колькин голос дрогнул. — Нету его... Накрыло!

— Помолчи ты! — с сердцем сказал Стасик. Он ки-

нулся к воронке и помог выбраться Юрке. Пошатываясь, Гусь сделал несколько шагов и, хлопая глазами, устал был на капитана.

Капитан молча смотрел на ребят. В его раскосых глазах — веселое недоумение.

— Кто из вас устроил этот спектакль? — тихо спросил он.

— Кто! Ясно, Гусь, — сказал Колька. — Другой разве такое безобразие придумает? На станции все стекла вылетели.

— Ну что ты на самом деле? — толкнул его в бок Стасик и повернулся к капитану.

— Это мы... Оба.

— Ну? — повернулся капитан к Юрке. — Рассказывай, Гусь!

Юрка молчал. Драная шапка сбилась набок и чудом держалась на одном ухе. Он смотрел на капитана и шевелил губами.

— Ну, чего ты там бормочешь? — спросил капитан и нагнулся к нему.

Юрка широко раскрыл рот и вдруг громко загоготал:

— Ого-го-го!

— Ты что, парень? — Дядя Вася еще ниже нагнулся к Юрке.

Гусь стащил с головы солдатскую ушанку, постучал себя кулаком по круглой голове, прислушался:

— Звон в башке... Ду-у-у! — Он повернул к ребятам испуганное лицо. — Оглох я... как бабка Василиса. Стась, крикни-ка мне в ухо!

Стасик крикнул.

— Громче!

— Юр-р-р-ка-а! — во всю мочь заорал Стасик. — Слышишь?

Юрка схватился за уши, потер их.

— Теперь слышу. Только плохо. Гудит... проклятая... Ду-у-у!

Дядя Вася смотрел в зеленые Юркины разбойничьи глаза и говорил:

— Что прикажешь делать с тобой, Гусь? На гауптвахту тебя засадить? Ну, что мне, Гусь, с тобой делать? А?

Юрка молчал. И непонятно было, слышал он это или нет. Улучив удобный момент, он выхватил из-за пазухи

ракетницу и сунул в сугроб. Капитан и виду не подал, что заметил. Не спеша расстегнул полушубок, стащил его и накинул оглохшему и замерзшему Юрке на плечи.

— Домой, герои! Быстро!

Ребята гуськом побрели по протоптанной в снегу дорожке. Юрка шел последним и все время оглядывался на дядю Васю, который почему-то отстал. И все-таки он не увидел, как капитан вытащил из сугроба еще теплую ракетницу и закинул ее в карман галифе.

О Б И Д А

К голой спине будто ледяную глыбу приложили. Юрка ловит рукой ускользящую фуфайку, но поздно — фуфайка шлепается с печки на пол. Он вскакивает и больно ударяется головой в потолок.

— У-у-у-у, черт! — Юрка яростно скребет зудящую макушку.

— Не смей, говорю, чертыхаться! Грех! — ворчит бабка из-под вороха одежек, прикрытых сверху серой овчиной.

— Пощупай, какая шишка вскочила! А ты — грех! — огрызается Юрка. Ему не хочется слезать с нагретой печки. Внизу морозно, как на улице. Печку топить нечем. Дрова кончились, жерди от забора — тоже. Такой ненасытной печки Юрка еще сроду не видал. В последний раз она сожрала хромую табуретку, доску от Жоркиного крыльца, рассыпавшуюся кадку из-под соленых грибов.

Дрожа, Юрка напялил на себя кофту (опять пригодились!), гимнастерку, обмотал шею бабкиным шерстяным чулком и храбро соскочил на холодный пол. На замороженных окнах пышно расцвели узоры, похожие на елочные лапы. За окном мороз. Не мороз, а собака. На двор выйдешь — набросится, искушает. Юрка хотел было зачерпнуть из ведра воды, но ковш скребнул по льду. Ткнул ладонью сосок умывальника — примерз.

Тяжелые дни наступили для бабки Василисы и Юрки Гуся. Кроме картошки, в доме ничего не было. Хлеба хватало только на обед. Если бы не военные, которые иногда останавливались на постой, совсем было бы

плохо. А так нет-нет да что-нибудь и перепадет от них: то буханка хлеба, то банка консервов, то сухари.

Немецкие самолеты каждую ночь наведывались на станцию. Но бомбы кидали редко. Видно, поджало, жалуют. Бабка спрашивала военных, как там дела на фронте. Военные говорили, что кончилась для фашистов масленица — наступил великий пост. И по радио передавали, что немцев остановили. И люди на станции, не смотря на холод и голод, заметно повеселели. Перестали прятаться от самолетов в щели. Крутит над станцией немецкий самолет, а люди занимаются своими делами и внимания не обращают. Будто это не бомбардировщик, а так, чепуха. Каждый вечер, перед тем как улечься спать, бабка долго простаивала на коленях перед иконой и молилась за нашу победу, за сына-танкиста.

А Юрке все время хотелось есть. Об этом он думал вечером, ложась спать, и утром, вставая. Он еще больше похудел, глаза его стали вдвое больше и в них появился голодный блеск. А вот Жорка Ширин был все такой же круглощекий и самодовольный. Он с матерью недавно вернулся из деревни. Бомбить-то стали реже. Насчет ракетницы пока не заикался. Жорка как-то похвастался, что они из деревни привезли целую кадку свинины. Мамка на что-то выменяла. Это она умеет. Где, интересно, эта кадка у них стоит? В чулане или в подполье?

— Господи, неужто так и помру на печи... — зашуршала овчиной бабка Василиса.

Косая упрямая морщинка появилась на Юркином лбу, глаза хмуро впились в светлое оконное стекло.

— Я сичас, — пробормотал он и, плечом распахнув заиндевшую дверь, выскочил в сени.

Вернулся не скоро. Зато в руках — выше носа — охапка тонких поленьев. С грохотом свалил их, крикнул:

— Иди, баб, затопляй. — И снова за дверь.

Бабка выбрала из поленьев самое легкое, сухое, нащипала лучины.

— Баб! — надрывался Юрка за дверью. — Открой же!

Грохнув бабке под ноги еще охапку звонких поленьев, Юрка вытер рукавом фуфайки мокрый красный нос.

— Опять на станцию эшелон прибыл. Бензовозы сгружают... Баб, я пойду, а? Надо снег расчищать, а то им не попасть на аэродром.

Бабушка нащупала на шестке коробку со спичками, чиркнула.

— Какой из тебя расчищатель? И лопату-то в руках не удержишь. Сиди уж...

— Сиди, сиди... Надоело.

Робкий язычок пламени лизнул лучину, и она вспыхнула, затрещала.

— Где поленья-то раздобыл? Небось, опять украл? — Бабка подержала над трескучим огнем озябшие пальцы. По морщинистому печальному лицу ее запрыгал красный отблеск.

— Нашел... — уклончиво сказал Юрка. — Я же знаю, что красть грех.

Поленья весело потрескивали в печи, когда пришла Шириха. Вернее, не пришла, а влетела, как вихрь. Из-за ее спины выглядывала круглая физиономия Жорки.

— Куда, паразит, девал мое корыто? — Шириха подскочила к Юрке, норовя схватить его за ухо. Гусь прижался к окну, загородился табуреткой.

— Только тронь — худо будет! — пригрозил он, блестя исподлобья кошачьими глазами.

— Отдай, говорю, корыто, вражина! — длинное лицо Ширихи перекоксилось.

Это дубовое корыто Юрке совсем случайно попало на глаза. Понадеявшись на мороз, разукрасивший елочными лапами Ширихины окна, он, не таясь, перетащил его на свой двор. И здесь топором в два счета превратил корыто в поленья. Ишь, как знатно пощелкивают!

— Мам, оторви ему ухо — сразу скажет! — подал голос Жорка.

— Вон твоё корыто, — кивнул Юрка на полыхающую печь, — бери.

— Что же это такое, Петровна? — запричитала Шириха. — Вещь жабор, жлодей, ражобрал... Теперича — нате! — корыто из-под шамого ноша утянул.

— Он у меня ракетницу спер, — торопливо ввернул Жорка.

Бабка, кряхтя, задвинула ухватом в печь чугунок с картошкой.

— Чего ты руками-то машешь, Марфа? Не слышу... Иль Юрка что напроказил?

— Он жавтра в ижбу жаберется, — причитала Шириха.

— Заберется, — поддакивал Жорка.

— Ох, на свою ты головушку пригрела, Петровна, этого оборванца... Он тебе когда-нибудь дом шпалит!

— Он такой! И наш спалит, — бубнил Жорка.

— Господи, и соль-то вся, — бабка вытряхнула из мешочка в солонку остатки серой крупной соли. — Что ты все такое говоришь, Марфа?

— Шунь только, штервеч, нош на мой двор — кипятком обварю! — Шириха ткнула костлявым пальцем в окно. — Я ужо Егорову все рашшажу. Он тебя жа мое корыто в тюрьму посадит.

— Вор, мою ракетницу украл, — пятась за матерью, выкрикнул Жорка.

— Топай отсюда, гнида! — огрызнулся Юрка и двинулся из-за табуретки. Жорка пулей вылетел за дверь. Пошумев еще, ушла и Шириха.

— Кто-то боится их! — презрительно произнес Юрка и покосился на бабку, подкладывавшую в печь дрова. «Кажись, и вправду ничего не слыхала», — подумал он, и только отвернулся к окну, как бабкин ухват огрел его по спине.

— Брось срамить меня на весь поселок, брось... брось! — охаживая притихшего Юрку, приговаривала

бабка.— Дожила... стыдно людям на глаза показаться. В один голос твердят: «Уйми своего разбойника, не то сами найдем на него управу...»

Ухват с грохотом полетел в угол. Губы у бабки затряслись, на морщинистой щеке блеснула слеза. А Юрка, вытаращив свои большущие глаза, смотрел на нее.

— За что?!

И бабка Василиса, обмякнув перед этим удивленным, растерянным взглядом, ступила вперед и коснулась рукой жестких Юркиных волос.

— Неужто, Юрушка, не можешь ты без этого... воровства? Не зарься ты, сынок, на чужое добро... Грех красть чужое, грех! Руки тебе оторвут за это дело. В тюрьму упекут... И сгниешь там ни за грош!

Юрка шмыгнул носом, провел кулаком под глазом и высвободил голову из бабкиных рук.

— Чего дерешься? Я же из-за тебя... Чтоб ты не померла на холодной печке... А ты... ухватом!

Юркины глаза стали колючими.

— Не буду у тебя больше жить... Уйду к летчикам!

— Нужен ты летчикам.

— Они драться ухватом не будут.

Бабка достала чугунок из печи.

— Садись, ешь.

— Сама ешь...

Он оделся и, на ходу затягивая поверх фуфайки ремень, выскочил за дверь. Но сразу вернулся. Не глядя на бабку, одиноко сгорбившуюся за столом с дымящейся картошкой в руке, нагнулся, заглянул под буфет, вытащил оттуда колоду старых карт.

— У твоей Ширихи, — Юрка положил карты в карман, — полные сени дров... И в сарае полно. И корыто у ней еще одно осталось.

Хлопнув дверью, он ушел.

У КОСТРА

Близ путей полыхал жаркий костер. Колкая поземка налетала на него то с одной, то с другой стороны, шипела и, опаленная, убегала по сугробам дальше. Что за чудо? Юрка протер глаза: без дров, прямо на оттаявшем черном кругу земли клочкотало пламя. Огонь жадно лизал ребристые бока железной бочки, стоявшей посередине. Вокруг, кто на чем, сидели бойцы. Дым от их самокруток смешивался с черным огнистым дымом удивительного костра.

Юрка присел на корточки и протянул к огню негнущиеся пальцы. По снегу расползались черно-коричневые пятна. «Отработанное масло палят», — догадался он.

Боец с пучками густых черных, как у цыгана, бровей в желто-белом полушубке с масляными разводами на рукавах и полах покосился на Юрку и хриплым басом спросил:

— Ты откуда взялся, Огурец?

Гусь пошевелил пальцами, потер свои острые коленки и повернулся к бойцу спиной.

— Гляди-ка, парень-то с характером! — усмехнулся тот. — Может, ты немой, а?

— А что попусту языком на морозе трепать? — не поворачиваясь, буркнул Юрка. — Кури себе, я тебя не трогаю.

— Ну, парень! — захохотал другой боец с добродушным широким лицом и большим носом. — Крепенько отбрил Семена... Не дразнись огурцом!

От Юркиной фуфайки шел пар, щеки и нос будто кирпичом натерли. За спиной бесится поземка, острым штыком колетса мороз, а тут пламя бурлит, обжигает.

— Дянька, скоро поедете? — спросил Юрка у большеносого и мотнул головой в сторону сгрудившихся на товарной платформе бензовозов.

— Здесь будем жить... — вместо него сказал чернобровый, похожий на цыгана Семен. — А в этих... — показал он глазами на машины, — в этих банках будем воду возить... Как это поется? Без воды-ы ни-и туды-ы и ни сюды-ы...

— Ладно врать-то, — Юрка плюнул на бочку — зашипело. — Я и так знаю, что вы в Градобойцы на аэродром, поедете.

— Нам и тут хорошо. Тепло, курице есть...

— Фриц вот прилетит, он вам покурит! — припугнул Юрка.

— И частенько он к вам навевается? — спросил большеносый.

— Сколько время?

Боец задрал рукав полушубка и глянул на циферблат.

— Первый час... А что?

— Скоро зайвится, — Юрка взглянул на клубящееся небо. — Вот разве что погода помешает, а то каждый день прилетает в это время.

— Вообще-то пора и трогаться, — большеносый поднялся.

— Давай жми! — засмеялся Семен. — Тебя первого накроет.

Железная бочка загудела, заворчала и вдруг плюнула в небо закипевшей водой и паром.

— Выкатывай, ребята! — скомандовал чернобровый.

Шоферы нацелились на бочку бревном, поднажали — и она, окутанная паром, покатила по шипящему снегу. Булькающая струя кипятка, взорвавшись белым облаком, брызнула в первое ведро.

Кипяток залили в радиаторы. От гула автомобильных моторов задрожал морозный воздух. С треском хлопали дверцы кабин, и машины одна за другой сползли с высокой платформы на дорогу. Юрка подошел к маленькому бойцу с увесистым носом и деловито сказал:

— Давай сюда ведро, сам привяжу... а ты — заводи.

Боец, не отвечая, прикрутил тросом к буксирному крюку ведро и, отстранив мальчишку рукой, достал из кабины заводную ручку.

Бензовоз чихнул синим дымком и заколотился в мелкой дрожи. С радиатора посыпались на снег капли воды.

— Ну, бывай здоров, — сказал боец и полез в кабину.

Когда за ним захлопнулась дверца, Юрка забарабанил кулаком.

— Дядь! — орал он. — Возьми! Мне позарез на аэродром надо... Слышь, дядь!

Машина тронулась. Юрка остался на платформе.

— У-у, черт носатый! — погрозил он вслед бензовозу кулаком. Нагнулся, схватил ледяную голышку и запустил в машину. «Бум-м-м!» — загудела пузатая цистерна с белой надписью «огнеопасно».

— Ты чего это развоевался, Огурец?

Юрка повернулся: перед ним стоял высоченный чернобровый шофер. Внизу на дороге мирно пофыркивал его бензовоз.

— А ты цыган! — сердито буркнул Юрка. — И пешью дотопаю!

Дыша на растопыренные пальцы, он поволочил свои стоптанные валенки по снегу. Шофер, скручивая сигарку, смотрел ему вслед. Фуфайка, туго перехваченная ремнем, вздулась на Юркиной спине пузырем, а ниже — собралась в пышную сборку, будто женская юбка. Одно ухо большой солдатской шапки загнулось.

— Эй, Огурец!

Юрка остановился.

— Чего ты потерял на аэродроме?

Юрка подбежал к шоферу.

— Не гляди, что я маленький... Зато знаешь, какой сильный? Меня на любую работу возьмут. Снег разгребать, или что... Вот увидишь!

— А что мамка скажет?

— Нет мамки...

— А-а, — сказал шофер. — Нет, говоришь. Тогда поехали!

— Можно залезать?

Юрка вспомнил про бабку. Сидит, наверное, ждет. Картошку греет...

Бензовоз вскарабкался на пригорок. Бабкина изба с замерзшими окнами, наполовину утонувшая в снегу, и частокол со снежными шишечками остались позади. Отодвинулась назад гранитно-кирпичная водонапорная башня. И вот дорогу обступил лес. Метель с одной стороны надула на стволы снег. Обледенели голые ветви осин и берез. А ели и сосны на зло морозу по-весеннему зеленели. Ветер трепал длинные седые бороды мха, свисавшие с нижних ветвей. Молодые елочки в белых маскировочных халатах стояли на дыбках по обочинам.

Стежки звериных следов пересекали дорогу и исчезали в голубом лесном сумраке.

Семен все прибавлял газ. Деревья замелькали так, что в глазах зарябило. Юрка опасно посмотрел на отполированную баранку, где небрежно покоилась рука шофера. Глаза прикрыты. Уж не заснул ли?

— Эе-ей! Долбанемся! — заорал Юрка.

Семен молча полез в карман за куревом. Ловко свернув цыгарку, закурил. Юрка успокоился и притих.

Смотреть на дорогу надоело. Все сосны да ели. Вспомнилась бабушка, и сразу стало тоскливо. Может, попросить Семена, пусть остановит? Поздно... Как там она, старая, без дров? И зачем полезла со своим ухватом!..

ДИК

Бензовоз протарахтел по бревенчатому мосту, занесенному до самых перил снегом, и остановился.

— Проснись! — нахлобучил Семен шапку Юрке на глаза. — Градобойцы. Где тебе слезать?

— Тут... — Юрка зевнул, протер кулаком дремотные глаза и серым мячиком скатился на дорогу.

Семен отъехал немного и снова затормозил.

— Эй, Огурец! — высунув из кабины цыганское лицо, закричал он. — Если что... разыщи гараж. Слышишь? Гараж!

Бензовоз, брыкнув задним мостом, круто завернул за угол. Юрка Гусь один остался на колеистой дороге. Где-то за избами, нарастая до звона в ушах, ревели самолетные моторы. А когда гул спадал, с речки слышались мокрые шлепки. У проруби вальком колотила белье женщина в резиновых сапогах и серой мужской шапке. Там, где река делала плавный изгиб, метель до блеска выледила середину. На дальнем берегу, будто уголек в снежном сугробе, чернела бревенчатая мельница. В низине, у самой кромки леса, разбросала три десятка обветшалых дворов глухая деревушка Градобойцы. А чуть в стороне на поле, окруженном со всех сторон лесом, тарахтели тракторы, сновали машины, копошились крохотные фигурки людей. Там аэродром. Большие зеленые самолеты с одним мотором, тяжело взлетев,

делали над деревней круг и исчезали за высокими маковками сосен. И снова появлялись из-за леса внезапно, с выпущенными шасси.

Останавливаясь и заглядывая в подслеповатые окна, Юрка брел вдоль неровного порядка изб. Возле колодца лениво перекидывались словами женщины. Рядом в снегу валялись два коромысла. Тягуче заскрипел вóрот, лязгнула цепь, и обледенелая бадья, гулко стукаясь о ледяные стены, понеслась вниз. Юрка, подождав, пока бадья шлепнулась об воду, побрел дальше.

Узнай, где живет главный начальник? Все избы одинаковые. Может быть, тут? К крыльцу одного дома тесно прижалась зеленая машина с большим крытым кузовом. Над кабиной покачивался длинный металлический прут. «Радиостанция, — сообразил Юрка. — Значит, где-то близко и начальник. . .»

Юрка хотел зайти в избу, но тут увидел летчиков. Они гуськом шли с аэродрома по узкой тропинке, протоптанной в снегу. В кожаных куртках и меховых унтах летчики издали казались толстыми, неуклюжими. Планшеты с зелеными картами бились в ногах. Пистолеты оттягивали широкие командирские ремни со звездами. Один летчик снял шлем, и ветер налетел, спутал светлые волосы. Летчики громко разговаривали. Который шел первым, часто останавливался и, повернувшись к другим, что-то доказывал, размахивая руками. И тогда останавливались все, потому что тропинка была узкая, а в сугроб лезть никому не хотелось.

Юрка стоял у забора и ждал летчиков. Может быть, среди них и тот, с черными усиками и шрамом? Летчики поравнялись с Юркой. Первый опять остановился.

— Он патрулирует каждый день, — сказал летчик. — И в одно и то же время. Можно часы проверять.

— А может быть, это не он? — усмехнулся светловолосый. Он все еще держал шлем в руке. — Мало их там летает?

— Он, — уверенно сказал первый летчик. — У него, ребятишки, черная пантера на фюзеляже. Ближе к стабилизатору. Я эту пантеру запомнил на всю жизнь. . .

Летчики были молодые. Они только что вернулись с бомбежки. Юрка смотрел на летчиков, как на людей с другой планеты. Они были в небе. Они видели то, что другие никогда не увидят. И вместе с тем летчики совсем

обыкновенные. А у того, светловолосого, глаза, как у Стасика, большие и тоже синие-синие. Не будь он в кожаной куртке и унтах и не болтайся у него на ремне пистолет, Юрка бы никогда не подумал, что это летчик. И волосы у него, как у Стасика. Нет, волосы не такие. У летчика прямые и белые, и коротко подстриженные, а у Стасика — длинные русые и вьющиеся.

Летчики вышли на дорогу. Того, с усиками, среди них не было. Беловолосый посмотрел на Юрку и улыбнулся. Улыбка у него была веселая, хорошая. Юрка в ответ тоже улыбнулся.

— У тебя сейчас нос отвалится, — сказал летчик.

Юрка потер варежкой нос, высморкался.

— У вас ухо белое, — сказал он.

— Плохи мои дела, — еще шире улыбнулся белоголовый. — Какой я летчик без уха?

— Без уха можно летать, — сказал Юрка. — И без носа можно.

Летчик хлопнул себя шлемом по унтам и весело расхохотался.

— А ты шутник! — он внимательно посмотрел на Юрку.

— Знакомого встретил, Вася? — спросил другой летчик, проходя мимо. Они ушли, а Вася остался.

— Давай в снежки? — предложил он. Поддел пригоршню снега и попробовал скатать снежок. Но снег был сухой и рассыпался. Летчик с сожалением стряхнул снег с ладоней.

— Мороз, — сказал он. — Мороз красный нос. В другой раз поиграем. — Летчик сделал несколько шагов и снова остановился.

— Я сегодня два «мессершмитта»... — шепотом сказал он. — К праотцам. В ад без пересадки... Никому не скажешь?

Глаза у летчика смеялись, а сам был серьезный. И Юрка растерянно ответил:

— Не скажу.

Летчик подмигнул ему и, прижав планшет к боку, побежал догонять остальных. Юрка смотрел ему вслед и тер нос варежкой. Нос защипало. Сунул варежку в карман и припустил за летчиком. Догнал и, запыхавшись, спросил:

— Из пушки?

— Прямым попаданием, — сказал летчик. — Фук — и один дым...

— Дым... — повторил Юрка. Он стоял на дороге и во все глаза глядел на Васю, который сбил два «мессершмитта». С треском выстрелила дверь в доме напротив, и на улицу в красной распахнутой жакетке выскочила девчонка. За ней из темных сеней вымахнула огромная овчарка. В два прыжка настигла девчонку и ошалело запрыгала вокруг, весело скаля красивую черную морду.

— Надо же, Дик! — вытаращил глаза Юрка. — Дик, Дик! — радостно позвал он.

Овчарка встала, как вкопанная. Уши торчком.

— Пес! Узнал? — подскочил Юрка и на радостях хотел погладить собаку, но та, вздыбив загривок, показала клыки.

— А ну-ка, дотронься? Боишься? — подзадорила девчонка и вдруг засмеялась: — Ой! Бабкин приемыш... А я видела, как тебя мальчишки отлупили.

И Гусь ее узнал. Это та самая девчонка, которая вместе с ним в очереди за хлебом стояла. И коса болтается сзади. Если бы не эта девчонка, Юрка, может быть, и удрал бы тогда от Жоркиной компании. Ведь нарочно — дрянь такая! — сзади шла!

— Давай проваливай, — сердито сказал Юрка. — А то за шиворот снегу напихаю.

— Ой, как страшно! — хихикнула девчонка, глядя Дика. — Только сунься!

Захватив горсть снега, Юрка кинулся на девчонку, но желто-черная молния сшибла его с ног. А когда он открыл залепленные снегом глаза, чуть не завопил от страха: в лицо ему горячо дышала клыкастая морда.

— Константин Васильевич! — визжала девчонка, барабанив в окно. — Дик на мальчишку набросился...

— Дик, место!

Морда исчезла, и Юрка увидел над собой знакомое лицо с черненькими усиками и змеиным шрамом от губы до подбородка. Усики дрогнули, сверкнули два золотых зуба.

— Э-э... старый знакомый... Гусь! Пошел прочь! — локтем летчик отпихнул овчарку. — Не потрепал?

— Не... — Юрка встал на колени, подобрал шапку, усмехнулся, влюбленно поглядывая на Дика. — Ученый... Раз — и с катушек долой.

— Он хотел мне снегу за шиворот натолкать, вот Дик его за это... — подошла к ним девчонка. — Я испугалась. Думала, разорвет, нам отвечать придется.

— Будет он из-за тебя по-настоящему кусать, — буркнул Юрка.

— Пойдем, Гусь, жжет морозец-то!

— А эта... — хмуρο показал глазами Юрка на девчонку, — тут живет?

— Вот чудак, — засмеялся летчик. — Эта девчонка — Маргаритка! — Он вдруг сгреб их обоих на руки и, брыкающихся, бухнул в пышный сугроб, что намело возле крыльца.

В просторной избе барыней стояла краснобокая времянка, сделанная из железной бочки. От нее так и веяло жаром.

— Есть хочешь? — вытряхнув Юрку из фуфайки, спросил летчик.

— Ши? — потянул тот носом.

— Догадлив.

Девочка Маргаритка большущей поварешкой наплескала в миску щей и, бесцеремонно задрав у Юрки под носом чистую полотняную скатерть, поставила на стол. Даже хлеба не дала! Когда деревянная ложка забарабанила по дну миски, летчик подмигнул ей: «Подлей!»

— Лопнешь, Гусь! — хмыкнула Маргаритка, ставя перед Юркой вторую миску.

— Не бойся — Юрка отпустил ремень на две дырки, потыкал пальцем в живот, — я, если захочу, еще могу столько навернуть.

— В гости, Гусь? — Константин Васильевич, лежа на узкой железной кровати, застланной жестким серым одеялом, пускал синий дым в низкий, заклеенный пожелтевшими газетами, потолок.

— Кто же этакую даль в гости ходит? Аэродром буду строить.

Юркины глаза посоловели от сытных щей, волнами плыло по телу сонное тепло.

Маргаритка, небрежно забросив косу за спину, уселась с толстой книжкой у окна. Дик подошел к ней и уткнулся мордой в колени. «Чего это он? — подумал Юрка. — К вредной такой...»

На русской печке кто-то завозился, закашлялся. На

пол со стуком упал валенок. Занавеска отодвинулась и показалась круглая лысая голова.

— Костя, будь добр, который час? — хрипло спросила голова и стрельнула в Юрку заспанными серыми глазами.

— Проспал ты, дядя Коля, весь свет...

С печки спустились две ноги в ватных штанах.

— Ритусь! Носки высохли?

Юрка мысленно приставил к глянцевой лысой голове толстую косу и сразу уловил сходные черточки у дяди Коли и Маргаритки. «Папаша...» — решил он.

Лысый спустился вниз, и Юрка увидел, что правый рукав его гимнастерки пустой. Но он и при помощи одной руки в два счета оделся и, свернув козью ножку, прикурил прямо от печки и ушел.

— До нас слухи дошли, — сказал Константин Васильевич, задумчиво глядя на клевавшего носом Юрку. — Здорово ты фрицев заставил разгрузиться над болотом... А тот ленинградский парнишка? Стасик, кажется? Тоже с тобой был?

— Был! — живо откликнулась Рита. — Ему тетка потом так наподдавала веревкой — неделю помнил... А этот Гусь, он на вокзале сало утащил.

— Выкладывай ракетницу! — потребовал летчик. — Здесь с ней шутки плохи!

— Потерялась в лесу... Искал, искал — нету, — сказал Юрка, злобно поглядывая на Риту.

— Не врешь?

— Вот еще! — похлопал себя Юрка по карманам. — Где же она?

— Хочешь строить аэродром?

— Думаете, не смогу? — сказал Гусь. — У меня силенки хватит.

— А что ты умеешь делать?

— Могу снег расчищать... и...:

— Самолетам хвосты заносить... — подсказала Рита.

— Можно, я ей один раз дам как следует? — дрожащим голосом спросил Юрка.

— Отставить!

Летчик задумался. Отослать домой, к бабке? Опять удерет — упрямый! Да и бабка не справится с ним... Этому мальчишке нужна крепкая рука, мужская. А молотком он дрался тогда с ребятами. Один против всех.

И ничего, ни разу не пискнул. Потешный такой, растрепанный, с синяком под глазом, а ершится. . . Чем все-таки понравился ему этот Гусь?

— Ладно, — Константин Васильевич вытащил из-под кровати меховые унты, снял со стены ремень с пистолетом. — Давай, Юра, сразу договоримся обо всем. . . Идет?

Юрка кивнул, еще не зная, куда летчик клонит,

— Я слышал, ты с бабушкой живешь,

— Ушел. . .

— Одну бросил?

Юрка промолчал.

— Нехорошо, брат, получается, — покачал головой летчик.

— А чего она ухватом бьется? — насупился Юрка. — Не хочу. . . Не буду с ней жить. Вот и все!

— Тебя не ухватом — плеткой надо отстегать, — вмешалась Маргаритка. — Ты такой. . .

Юрка сжал кулаки и, прикусив губу, шагнул к ней. Дик наострил уши и негромко заворчал.

— Чего ей надо? — крикнул Юрка.

— Помолчи, — повернулся летчик к Маргаритке. — У нас мужской разговор. . . Работа на аэродроме найдется, — сказал он Юрке. — Но учти, брат, здесь военная дисциплина. А это штука серьезная. Придется старые замашки отставить! Тут нянчиться не будут. Чуть что — за шиворот и вон! Это на хороший конец. А может быть и похуже. . . Одевайся, пойдем к коменданту оформляться. Поручусь за тебя. Ну, а подведешь — не сносить и мне головы. . . Честно скажи, можно поручиться за тебя?

Рита делала вид, что ей нет никакого дела до их разговора, но золотистые паутинки над ее лбом дрожали от любопытства. Юрка смотрел на загнущиеся носы своих валенок и мучительно морщил лоб, не зная, что сказать. Хорошие слова так и вертелись на языке, но. . . тут эта Маргаритка!

На улице вокруг изб снова захороводила поземка. Полдня постояла хорошая погода и вот снова метель. Серые растрепанные облака катились над лесом. Взревел мотор и сразу заглох. Промычала в хлеву корова. Дик помчался мимо и скрылся в чужом дворе. Опять повстречались летчики, толстые, неповоротливые в своих кожанках.

— Бомбить полетите? — спросил Юрка.

— Не летная будет погодка, черт бы ее побрал! — Константин Васильевич далеко выплюнул окурочек. — Придется, как сусликам, сидеть в норе, а душа, Юрка, в небо просится...

ШТУРМОВИКИ УХОДЯТ В НЕБО

С аэродрома тяжело поднялся штурмовик, за ним — второй, третий. Юрка раскрыл рот, чтобы не оглохнуть от рева моторов, и стал считать взлетевшие самолеты. Девять! Нагруженные бомбами штурмовики сделали круг и низко над лесом пошли на запад.

— Во-он у самого первого на хвосте цифра одиннадцать. — Юрка наступил Кате на лопату. — Да погоди ты!

— Вижу... Ну и что?

— Северов на этом «Иле» полетел фрицам дрозда давать. Между прочим, друг, — сказал Юрка значительно.

— А можешь ты и меня познакомить со своим другом? — Катя, розовощекая, кареглазая, подмигнув подружкам, подбоченилась, повела круглыми плечами. — Иль я ему не пара?

— Он летчик, — серьезно сказал Юрка.

Колупая лопатой заледенелый снежный наст, он

нет-нет да и поглядывал на застрявшую над лесом гряду облаков. Что-то не возвращаются штурмовики...

Наконец над соснами показываются черные точки. Пять. Тревожно тукает сердце. Ага! Еще два шмеля выныривают из-за кромки порванного посередине облака. И совсем с другой стороны на посадку тяжело идет восьмой самолет. Нос его тянет вниз, на крыльях пробоины. Но этот сядет, а вот... Сколько Юрка ни шурит глаза на примолкшее небо, девятый штурмовик так и не показывается.

— Уж не твой ли друг не вернулся? — вздыхает Катя. Глаза у нее теперь не смешливые, печальные.

— Вернется, — неохотно говорит Юрка. — Северова не так-то просто сшибить. Он сам любого фрица угробит. — Юрка воодушевляется. Он всегда верит тому, что

говорит сам. — Летчики это... это самые лучшие люди... Ясно? Захочу — буду летчиком... Не смейся. Буду!

— Будешь, будешь, — соглашается Катя.

Притарахтел дядя Коля с пустыми санями. «Пох-пох-по!» — плевалась колечками синего дыма тракторная труба.

— А ну, навались в остатный раз, красавицы! — спрыгнул с гусеницы дядя Коля. Пустой рукав его фуфайки заткнут за ремень, на левой руке большая двупалая рукавица. Юрка с уважением посмотрел на него: с одной рукой, а таким тракторищем управляет!

Над летным полем стоял гул. Штурмовики, издали напоминающие огромных зеленых стрекоз, один за другим уползали в замаскированные сосновыми ветками ангары. Летчики потянулись через поле к деревне. Мимо не пройдут. Сделают крюк, но обязательно завернут сюда. Увидев летчиков, девушки стали без всякой причины громко смеяться и потихоньку прихорашиваться: одна платок поправит, другая фуфайку одернет.

Летчики поравнялись с девушками, остановились. Синеглазый Вася подошел к Юрке и, как со старым знакомым, поздоровался за руку.

— Не обижают? — спросил он, кивнув на девушек.

— Меня? — усмехнулся Юрка. — Пусть попробуют.

— Если что — скажи... Выручим.

Юрка уважал летчиков. А Вася нравился ему после Северова больше всех, но вести пустой разговор не хотелось. Не было настроения.

— Северова-то нет, — сказал он.

— Горючего хватит еще на шесть минут, — ответил Вася, взглянув на часы. — Прилетит.

Девушки работали спустя рукава. Подчищали снег и разговаривали с летчиками. То и дело и те и другие покатывались со смеху. Юрка не понимал: чего тут смешного? Ну ладно девушки... а летчики? Чего они-то зубы скалят? Юрка видел, как летчики наперебой заговаривали с Катей. Синеглазый красавец Вася уговаривал ее прийти на танцы в столовую.

— В сапогах? — улыбалась Катя. — Не стоит... После войны потанцуем.

— Долго ждать... А вы в сапогах приходите. Я вас приглашаю на первый вальс. И еще... на пять танцев.

— Не знаю, — сказала Катя и посмотрела на Юрку, как бы спрашивая у него разрешения. А тому безразлично было, пойдет Катя на танцы или нет. Юрка ждал Северова.

Над лесом потемнело небо. Снег стал синеть. На краю летной площадки вспыхнул прожектор, стегнул ярким лучом по глазам, пробежался по стволам деревьев и погас.

— Пойдем домой, Ежик? — позвала Катя. — Прилетит твой друг...

Женщины и летчики, поскрипывая снегом, напрямик пошли по присыпанной порошей тропке к смутно маячившим в сумраке избам. Чуть заметны были на густосинем фоне белоголовые пирамиды елей. Сквозь неплотную пелену показался туманный рог месяца и снова исчез, только светлый след заколыхался в облаках.

Летит! Красная ракета обожгла кроны елей. Ярким половиком выстлал поле прожектор...

И вот радостный Юрка, залезая в сугробы, семенит рядом с толстым мохнатым, как медведь, старшим лейтенантом Северовым. Летчик все еще возбужден, ему жарко. Он стащил с головы шлем, и черные пряди волос упали на лоб. На обратном пути, недалеко от фронтовой линии, его догнали три «мессершмитта». Дрался до последнего патрона. Один «мессершмитт» загорелся. А когда боеприпасы кончились, спустился к самой земле и буквально по макушкам деревьев добрался до аэродрома. «Мессершмитты», почуяв, что советский летчик остался без боеприпасов, сопровождали почти до дома. А когда сел, техник за голову схватился: самолет превратился в решето.

Юрка догадался, что другу пришлось нелегко, но навязываться со своими вопросами не хотел. Надо — сам расскажет.

— Бежать отсюда не надумал еще? — спросил летчик.

Юрка молчит. Врать не хочется: была такая мысль у него... От лопаты нажег на ладонях мозоли. Но не убежал ведь.

— Бабку надо проведать... — Юрка опустил плечи. — Мерзнет старая... А Шириха удавится — не даст ни полёшка!

Северов сбоку посмотрел на Юрку. Из-под низко нахлобученной ушанки с чужой головы виднелся мокрый покрасневший нос да блестели два зеленых глаза. Фуфайка ниже колен. На плече разорвана. Из дырки торчит кусок ваты. Надо бы парнишке теплый бушлат у техников раздобыть. Да разве подберешь на его рост?

Кажется, взялся Гусь за ум. Надо потолковать с бригадиром: как он там, на работе? Бабку, говорит, надо навестить... Не врет? Может быть, опять к старому потянуло. Попадет на станцию — и прощай!

— Был у меня один случай... До сих пор стыдно вспоминать, — раздумчиво сказал Северов. Юрка ждал, что он дальше скажет, но летчик молчал.

— Сбили? — спросил Юрка.

— Я в детдоме жил. А потом — летное училище. А случай вот какой был... — Северов полсжил руку Юрке на плечо. — Есть такой город Арзамас. Там находился наш детдом. Мне было тогда двенадцать лет. Как и тебе.

— Мне тринадцатый, — сказал Юрка.

— Однажды сидел я в кутузке за какую-то провинность, уже не помню, и вдруг из соседней камеры пьяный дядька сует мне в щель часы на золотой цепочке... Я взял эти часы.

— И цепочку?

— Дядька стал плакать, и я отдал ему цепочку.

— А часы спрятал?

— Спрятал.

— В дрова?

— Откуда ты знаешь?

— Мы в школе проходили этот рассказ, — ухмыльнулся Юрка. — Пантелеев написал. Он так и называется «Часы». А еще Пантелеев написал «Пакет». Я читал. Я вообще люблю про шпану читать.

— «Пакет» не про шпану, — сказал Северов. — Эта повесть про геройского парня.

— Он пакет сожрал, — сказал Юрка. — С сургучной печатью.

— Он не воровал...

Юрка исподлобья взглянул на Северова. Глаза у мальчишки стали колючими.

— Холодно, — сказал он. И прибавил шагу.

— Воровать — это последнее дело... Вор — это... тоже фашист! — Северов догнал Юрку. — Ты иди к бабке... Это ты правильно придумал. Сходи. Проведай.

Юрка с треском отломал от забора сосульку и положил в рот.

— Я ей дров раздобуду, — сказал он. — Сухих.

— Хорошо сегодня поработал? — спросил Северов.

Юрка рассказал. Между прочим, вспомнил и про Катю.

— Вот дурная, хочет познакомиться. Очень она тебе нужна!

— А как она из себя, ничего? — спросил Северов.

Юрка снизу вверх подозрительно посмотрел на него.

— Да нет! Глазищи большущие, толстая... .

— Холодно, оттого и толстая, — сказал летчик. — Я вот тоже толстый — сколько надето! А глаза? Что ж, когда глаза большие, это, брат, неплохо. Были бы добрые. А ты, я вижу, никак не можешь с женщинами ладить? И с Маргариткой все воюешь. Ты это, понимаешь, брось. Она тебе щи варит, а ты ешь да дерешься... Кто ей синяк на лбу поставил? Эх, ты! А еще летчиком хочешь стать.

— А ты погляди! — Юрка сорвал с головы шапку и потыкал пальцем в засохшую царапину возле уха. — Это что? У нее ой-ёй какие когтищи.

Тропинка побежала огородами вдоль плетня. Из-за угла, напугав Юрку, выскочил Дик и с маху бросился хозяину на грудь.

— Попался! — схватил его летчик за лапы, стараясь повалить. Началась веселая возня. Дик лаял, летчик хохотал. Юрка хватать Дика опасался. В общую свалку храбро влезла Маргаритка. С ее головы слетела пуховая шапочка, а красная жакетка скоро стала белой от снега. На ресницах тоже налип снег, коса распустилась.

В темных сенях Рита шепнула:

— А страшно было там в лесу, когда вас со Стаськой бомбили?

— А-а, ерунда!

— Я знаю, почему тебе не страшно было... Ты оглох и ничегошеньки не слышал! — ядовито предположила Маргаритка.

Юрка смолчал.

ГРИШКА АНГЕЛ

Дом бабки Василисы вроде бы похудел: выше стал, чернее. Окна оттаяли, но на наличниках еще держались припорошенные копотью снежные брови. Из трубы ввинчивалась в высокое небо синяя спираль. Юрка первым делом заглянул во двор. На утопанном снегу белели березовые осколки. Две поленницы мелко наколотых дров подпирали застреху.

— Эй, паренек! Ты что тут забыл?

На крыльце незнакомый военный. Рукава гимнастерки закатаны, на плече полотенце, в руках железная кружка.

— Я? Бабка дома?

— Петровна? В магазин ушла. А зачем она тебе?

— Я потом, — Юрка прикрыл калитку и, зажав под мышкой буханку хлеба, вышел на дорогу.

— погоди! — крикнул военный. — Ты не Юрка... этот, Гусь?

Юрка не ответил, он напрямик пошел через железнодорожные пути — к бензоскладу.

В густом ельнике, дожидаясь своей очереди, укрылись бензовозы. В сторонке дымили цыгарками шоферы. Чернобрового Семена нигде не видно. «Неужели уехал!» — испугался Юрка и тут же споткнулся о чьи-то ноги в новых кирзовых сапогах. Ноги торчали из-под бензовоза, наехавшего задним колесом на молодую елочку.

— Глаза дома оставил? — услышал он глухой голос.

Юрка присел на корточки и заглянул под машину. Там лежал розовощекий, большеносый боец, тот самый, который не захотел взять его в Градобойцы.

— А, это ты... — приветливо улыбнулся боец. — Будь друг — подай разводной ключ.

— А где он? — спросил Юрка.

— В кабине, под сиденьем.

— В кабине? — переспросил Юрка.

— Сверху лежит.

— Сам возьмешь, — сказал Юрка и отправился искать Семена. Семен куда-то исчез, а вот бензовоз его преспокойно стоял под высокой сосной.

Пересчитав машины, Юрка прикинул, что еще добрых часа полтора ждать, пока Семен заправится.

Меж столов замелькали товарные вагоны. Прибыл эшелон!

На станции гомон, суетня, где-то в конце состава наяривает гармошка. Солдаты в непривычных Юркиному глазу малиновых погонах разминают затекшие ноги.

— Клюква! Мороженая клюква! — снуют вдоль состава тетки.

Юрка поспешил спрятаться за чью-то спину: Шириха! В руках корзинка, прикрытая платком, на лице многозначительная улыбка.

— Крепенького не жалеете? — оглядываясь, воркует она. — Чиштенький... — И, отдернув платок, показывает бутылочное горлышко с длинной бумажной затычкой.

«Спиртом торгует!» — сообразил Юрка. Месяца два назад осколочная бомба повредила на путях цистерну. Из пробоев на снег хлынул спирт. Кое-кто не растерялся и, схватив посудину побольше, бросился на станцию. Юрка сам видел, как Шириха приволокла домой на коромысле два ведра.

Из дежурки вышел военный с тремя большими звездочками на погонах и маленьким-пистолетом на боку.

— Дядь, — дернул Юрка за длинную полу шинели. — Видишь, вон тетка стоит?

— Ну, стоит.

— У этой тетки в корзине спирт.

— Врешь, пацан!

— Вру! — фыркнул Юрка. — Зачем мне врать? Я спирт не пью. А вот солдаты... Ну, как они пьяные будут воевать?

— Да-а, дело серьезное, — согласился полковник. — Пьяный солдат — не солдат!

Спрятавшись за угол здания, Юрка видел, как к Ширихе подошли два военных и, не обращая внимания на ее крики, потащили в дежурку.

Чья-то рука легла на Юркино плечо. Юрка оглянулся.

— Ангел! — обомлел он. — Здравсти...

Плечи его сами полезли вверх, голова втянулась в ворот фуфайки. Юрка стал похож на щенка, увидевшего палку.

— Наше вам с кисточкой, Гусь! Мал-мал промышляем? Гляди, как разжился...

Парень ловко выхватил буханку. Он выше Юрки на целую голову. Над светлыми глазами — темно-русая

челка. Лицо будто кто-то в щелок окунул — все в белых разводах и шелушится. На парне серая кепка с пуговицей, коричневая с пролысинами меховая тужурка, крепкие хромовые сапоги с блеском.

— Зайдем-ка... — Ангел втолкнул Юрку в пустой, пахнувший карболкой зал.

— Еще что есть?

— Ни шиша больше нет, — насупился Юрка.

Длинная рука бесцеремонно залезла в Юркин карман и извлекла несколько кусков сахара, припасенного вместе с буханкой хлеба бабке Василисе.

Разгрызая крепкими желтыми зубами сахар, Ангел говорил:

— Смылся, паскуда? Хотел концы оборвать? Не выгорело? От Ангела не спрячешься... Ангел и под землей найдет!

Мимо окна, с кем-то разговаривая, прошел полковник. «Крикнуть? Может, и его, как Шириху...» — подумал Юрка, глядя на крепкие, мерно двигающиеся скулы бывшего приятеля. А Семен, наверное, уже под шлангом стал. Нальет в пузо своему бензовозу и... укатит на аэродром! А он, Юрка, останется здесь... с Ангелом. Ишь, собака, как жрет чужой хлеб! Заработанный. И бабке не оставит!

— Подавишься... Отдай хоть половину! — не выдержал он.

Ангел налил из железного бака кружку воды, выпил.

— На! Бери, — и протянул полбуханки и два куска сахара, — я не жадный... Где кантуешься?

— В деревне. На аэродроме работаю.

— Давай на пару. Летчики народ богатый!

Дернул паровоз и пошли стучать вагоны. Все быстрее и быстрее поплыли они мимо окон, мимо Юрки...

— Эй, Гусь?!

— Не хочу!

Глаза Ангела стали маленькими. Зубы ощерились, рука с наколкой (фиолетовая змея обвилась вокруг пузатой рюмки) потянулась к лицу. С Ангелом шутки плохи. Может прибить. Или ножом пырнуть.

— Ну чего ты? — чуть не плача, закричал Юрка. — Ну, давай на пару...

— Ну, ладно, — усмехнулся Ангел. — Я добрый... Но попомни мое слово: теперь не смеешься!

В сумрачном углу за высокой диванной спинкой кто-то всхрипнул. Ангел кошкой соскользнул со скамьи и замер.

— Мешочница, — шепнул Юрке. — Встань у окна! Кто пойдет — свистнешь!..

За будкой стрелочника, у переезда, они отдышались.

— Что-то легкая. — Ангел взвесил корзинку в руке.

Юрка равнодушно отвернулся.

— Колбаса, — сказал Ангел. — Колбасой разит. — Но размотав тряпку, выругался: — Чеснок!

Юрка фыркнул.

Ангел размахнулся и швырнул корзинку. Чеснок разлетелся по закоптелому ноздреватому снегу, влажный ветер на лету подхватил шелуху и, шурша, погнал вдоль путей.

Ангел упруго шагает по темным шпалам. Глянцевые сапоги дробят прозрачные, облизанные мартовским солнцем льдинки. Юркины тупоносые разбухшие валенки чиркают по снегу, словно терка.

— Там на аэродроме можно разжиться? — не оборачиваясь, спрашивает Ангел.

Юрка глядит на ненавистный бритый затылок, красные оттопыренные уши и неохотно бурчит в лохматую спину:

— Зубы обломаешь... Там летчики!

— Что мне летчик, я сам молодчик! — бахвалится Ангел. — Дорогу знаешь?

— Туда машины шпарят... Дорога известная — фронт!

Не доходя до вокзала, они сворачивают в сторону и носом к носу сталкиваются с милиционером Егоровым.

— Давненько не виделись, приятель! — Егоров без улыбки смотрит на Юрку. — Опять взялся за старое? Шпанишь?

Ангел шныряет глазами, весь как-то съеживается.

— Воруешь? — Егоров подносит Юркину руку к носу, нюхает: — А я уж было погрешил на тебя, — глаза милиционера добреют. — Думал, ты чеснок у бабы стянул.

Юрка пожимает плечами: очень надо!

— А с аэродрома прогнали?

— Не-е, работаю.

— Вижу...

— Я сюда на один день. Меня отпустили.

Егоров о чем-то думает.

— А как же бабка?

— Никак.

— Вот тебе и раз! — удивился Егоров. — Кормила-поила, а он...

— Она меня ухватом огрела.

— Ухва-а-том! За твои проделки давно пора тебя за решетку засадить. Корыто у Ширихи украл? Забор на дрова спилил?

— Ее саму надо засадить! — оживился Юрка. — Спиртом торгует... Ходит по вокзалу и всем говорит: «Крепенского не жалеете?»

Егоров поворачивается к Ангелу.

— А ты откуда залетел такой красивый? Тужурка-то чужая?

— Я к-к-контуженый, — заикаясь лопочет Ангел. — Меня, дяденька милиционер, вз-з-зрывная волна головой об забор ж-жахнула...

— Документы?

— Откуда? Я же м-м-маленький... У меня тетка в деревне живет... К ней в гости п-п-приехал.

Егоров пристально смотрит Юрке в глаза.

— Не брешет?

Юрка вздыхает, отворачивается.

— Приехал, — выдавливают он. — В гости...

— Только что с поездом... — у Ангела вмиг перестает трястись голова. — Т-тетка у меня в д-деревне.

— Ну, ладно. — Егоров, прихрамывая, идет дальше. Цепочка бьется о полу его черного полушубка.

— Отрываемся! — Ангел тянет Юрку за рукав. — По быстрому...

Юрка отмахивается от него, догоняет милиционера и сует ему в руки полбуханки хлеба и два захватанных куска сахара.

— Вот... бабке... Не украл! Заработал... Сам! — слова с трудом лезут у Юрки из горла. И когда он, набычившись, возвращается к Ангелу, в глазах его появляется выражение тоски и злобы.

КРАЖА НА ДОРОГЕ

Высоко над елями и соснами, над узкой, позолоченной снизу грядой облаков, кружатся «юнkersы». Побросав ломы и лопаты, рабочие уходят с летного поля. Далеко идти не надо. Лес рядом. На опушке штабеля длинных узких ящиков, сквозь рейки которых выглядывают тупорылые бомбы. Юрка не смотрит на бомбы. Эти не страшные. Свои. Его глаза прикованы к «юнkersам». Вот они, как бусы по нитке, скользят один за другим вниз, к земле, и снова тяжело карабкаются вверх. Там вдали

будто кто-то простучал в тугой барабан. Над лесом за-
колыхалось черное облако с огненной каймой.

— Ишь, собака, гвоздит! — негромко говорит кто-то.

Катя в белом шерстяном платке стоит рядом. Ее тонкие пальцы теребят, дергают на Юркиной фуфайке металлическую пуговицу. Юрка поводит плечом, отодвигается и наконец оборачивается:

— Верти свою... — и умолкает. Что это с ней? Круглые щеки побелели, глаза — синий лед.

— Мы таскали кирпичи на руках... — слышит Юрка сдавленный голос. — Кирпичик к кирпичику клали... Это была лучшая школа в районе. А он бомбит и бомбит! Я учительница... Я ребят хочу учить... Таких как ты, Ежик. А он бомбит и бомбит!

Бомбит, гад! И в бабку Василису может попасть, и в Стаську. Пусть лучше в Жорку...

Перестало в барабан стучать. Исчезли черные точки, растаяли в небе. Дымное облако расползлось, будто на него ногой наступили. Рабочие прямо по лужам молча пошли к недостроенным ангарам. Статная высокая Катя понурилась, платок сполз и вздулся на спине горбом. Юрка проводил ее взглядом и, пригнувшись, кромкой леса вышел на затопленную талой водой дорогу. За спиной заухали тяжелые ломы, долбя мерзлую землю. Заскрежетали по льду лопаты, взвизгнула пила, часто затюкали топоры.

«Не заметили!» — перевел Юрка дух. Он взобрался на скользкий бугор. И тут услышал Катин голос:

— Ежик, ты куда?

Юрка шлепнулся на лед да так и съехал на штанах вниз. Не затормози каблуком — прямо бы в лужу!

— Эй, Юра! Вернись!

Юрка отпустил «тормоз» и, закусив губу, сполз в ледяную ванну. Вскочил, будто пришпоренный, взлетел на бугор и, задрвав на спине фуфайку, заорал:

— Не видишь? — Он похлопал себя по мокрым отяжелевшим штанам. — В лужу вляпался! Пойду сушиться...

Ангел злился. Пятна на его щеках еще больше побелели, а оттопыренные уши покраснели. В мутной луже плавали три окурка.

— Ты как начальник! — пробурчал он. — С час торчу...

— Не слохнешь, — огрызнулся мокрый и злой Юрка. — Из-за тебя, — он кое-как отжал на себе набухшие зеленые галифе, — вот что делается! Знаешь, как за мной Катька-бригадир глядит?

— Гусь, — голос Ангела стал добрее, — жрать до смерти хочется. . . Вчера хозяйка подкинула тарелку баланды. И говорит: сам зарабатывай. На таких, говорит, контуженых пахать можно. Дура! Притащи, Гусь, пожрать, а?

— Где я тебе возьму? — удивился Юрка.

— Пошукай.

Они хлюпают по раскисшей дороге. Юркины просторные сапоги с подковками (подарок Северова) не промокают и не скользят. Он шагает впереди. Ангел в своих фасонных «хромочах» выписывает крендели на льду, то и дело хватается за Юрку.

— Стой тут, — Юрка подтолкнул Ангела к забору и затопал коваными каблуками по мокрым ступенькам.

Дик с ходу лизнул в губы. Толкнул тяжелыми лапами в плечи и от избытка чувств взял руку в зубы. Поздоровались.

— Опять удрал? — книжка летит на кровать, коса вслед за Ритой желтой змеей соскальзывает с подоконника. — Я расскажу Константину Васильевичу. . .

Длинноногая, стройная, ростом с Юрку, Рита стоит посредине избы и маленькие кулаки ее упираются в бока. В ясных серых глазах и злость, и смех, и любопытство. И не поймешь, чего больше.

— Дай хлеба!

— Фигу! Будешь вместе со всеми обедать.

— Я сейчас хочу.

— Ведь врешь!

— Я тебе паек отдаю?

— Ну и что ж? Я и кормлю.

— Вот человек! — пыхтит Юрка. — Нужно мне. Понимаешь?

— Скажи зачем?

— С голодухи помираю. . . от твоей проклятой баланды! И книжки твои барахло!

Дик, сидя на задних лапах, стрижет любопытными ушами. Ему хочется гавкнуть, но он не знает на кого.

У Риты покраснели уши и шея. В глазах испуг.

— Ты. . . ты вправду, Юра?

Она в первый раз так назвала его: «Юра»... И в голосе — ни тени насмешки! Юрка ошарашенно смотрит на нее. Ему только что хотелось отхлестать ее по щекам, оттащить за косу... И вот злость пропала. Такую бить нельзя. Стоит, хлопает своими длинными ресницами, вот-вот заплачет...

— Можешь плюнуть в рожу... — Юрка раздавил сапогом захрустевший уголек и даже не заметил. — А жратву дай.

— Бери.

Юрка не двигается с места. Глаза его нащупали на полу угольное пятнышко и прилипли к нему — не отодраться.

— Тип тут один... Ему надо.

— Ага, — кивнула Рита и, мазнув Юрку толстой косой по руке, проскользнула за просвечивающуюся занавеску. На полке матово сияли алюминиевые тарелки.

— Зубы у твоего типа есть? — Рита засунула голову в кухонный стол, и голос ее прозвучал, как из бочки.

— Есть... Как у лошади.

— Нашла, — поднесла она на ладошке кривой коричневый сухарь и тоненький ломтик сала, — больше не могу. Придут с работы голодные... Хочешь, опущу сухарь в щи?

— Не барин... И так схрумкает.

— А откуда этот тип взялся?

— Ниоткуда, — буркнул Юрка, отпихивая настырного Дика от двери. — Нельзя на улицу!

— Погоди, Юр. — Рита кошкой метнулась на печку и зашуршала в темном углу. — Лови! — занавеска колыхнулась, и в Юркину ладонь шлепнулась теплая золотистая луковица.

Выскочив за порог, Юрка спиной уперся в дверь, постоял немного. Дик царапал когтями, повизгивал.

— Не мог побольше сальца оттяпать? — проворчал Ангел и вонзил зубы в хрустящую луковицу. Он в две минуты покончил с сухарем и салом. Даже твердую, как резина, шкурку проглотил вместе со щетиной. Видно, крепко подвело живот у Ангела. И ведь сдохнет, собака, от голода, а лопату в руки не возьмет! Юрка один раз заикнулся об этом, Ангел оборвал: «Запомни! Работают лошади и дураки. А я вольная птица... Поклюю — и дальше!»

Ангел вытер жирные пальцы о голенища и, не стряхнув крошек с меховой груди, заскользил к околице.

— Видишь, сосна на бугре торчит? — говорил он на ходу. — Там большак делает поворот... Мы спрячемся за сосной. Я окопчик вырыл и веток набросал. Как только машина затормозит на повороте, ты — раз, — и в кузов! Пару мешков скинешь — и ладно. Больше все равно не уволочь.

— Чего это я должен прыгать? — Юрка остановился как раз посредине большой лужи. — Прыгай сам, а я в окопчике посижу.

— Ты погляди, — Ангел нагнулся и похлопал себе по голенищам. — Я и двух шагов не сделаю в этих корочках — носом шмякнусь!

«Хорошо бы!» — подумал Юрка.

В крохотном окопчике выступила вода. Сосновые ветки, набросанные под ноги, утонули под сапогами.

— Сам сиди тут, — проворчал Юрка. — Я лучше за сосну спрячусь.

С пригорка хорошо видна дорога. За дорогой ступеньками спускается в лощину лес. Над вершинами сосен и елей стелется голубовато-белесая дымка. Если все время идти и идти прямо, то где-то там, за лесами и озерами, есть один маленький городок. Его можно за час обежать. Посередине города — ворчливая речка — Ловь. В речке — гладкие камни-валуны. Ребята почему-то прозвали их китами. Вода вокруг камня бурлит. Когда лежишь на валуне и смотришь на облака, то кажется, что и вправду плывешь по океану на горбу чудо-юдо рыбы кит.

На берегу Лови стоял небольшой дом. Над ним день и ночь шумели клены и липы. Ветви лезли в окно. В дождливые ветреные ночи клен толкался, царапался, будто просился, чтобы его пустили в дом. Клен и барабанный бой дождя мешали Юрке спать. И тогда появлялись мягкие добрые руки, пахнувшие парным молоком и печным дымом. Руки дотрагивались до Юркиных волос, касались глаз, и он засыпал.

Эти руки штопали разодранные в драках рубашки, клали по утрам в школьную сумку завтрак, листали дневник. Иногда они, устав от забот и работы, бессильно падали на колени. Но когда Юрке грозила беда, руки наливались силой. Они оберегали его, защищали от всех жизненных невзгод и никогда не делали больно. И вдруг

в один грохочущий день в Юркиной жизни не осталось ничего: ни лип, ни дома, ни добрых рук...

— Гусь! Гусь! Да ты никак спишь? — Ангел из окопчика хватил кулаком по сапогу. — Продери глаза, едут!

Над придорожными соснами уже сумерки. От земли плотным белым пластом оторвался холодный туман и заколыхался у нижних ветвей деревьев. И лес пропал, — остались одни высокие пни, а из тумана, как из снега, торчали маленькие елочки — вершины. Первая машина выплыла из бело-молочного леса и сбавила скорость на повороте. На задних скатах машины лязгали о борта цепи. За передним ветровым стеклом мерцали два красных огонька, — курят! В кузове выше бортов — ящики и мешки.

Машины шли на близком расстоянии друг от друга. На одной из них из стороны в сторону покачивался перетянутый ремнем тулуп. Рукава тулупа обхватили карабин. Охранник. Когда последний грузовик поравнялся с сосной, Ангел толкнул Юрку.

— Пошел!

...Руки вцепились в борт, кованые подметки, ища опору, заскребли по доскам. Тяжело дыша, Гусь перевалился в кузов и ткнулся носом в бумажный пакет. «Сухари!» — Он схватил тяжелый пакет и швырнул в бегущий внизу снег. А глаза уже

нащупали квадратный картонный ящик. И ящик полетел за борт. «Хватит, хватит! — стучит в висках. — Солдатам везут...»

Машину подкинуло, и Гусь припал к мешку. Нужно прыгать! Вдруг машина остановится? Юрка знает, что сидеть в кузове опасно. Знает, но прыгать не хочется. Там Гришка Ангел. Наверное уже подобрал мешок и жрет сухари. И сытая рожа его лоснится от удовольствия. Увидел бы Северов, как Юрка сбрасывал мешки... Для кого? Для воруги Гришки Ангела.

По брезенту царапали ветви, снежная пыль обжигала

лицо. Въехали в ельник. Юрка облизал губы, оторвался от мешка и прыгнул в темноту.

Ангел нашел его на обочине лежащим в мокром снегу. Высокие ели островерхими головами заглядывали Юрке в лицо. И в глазах у него колыхался мокрый туман.

— Ты чего это скопытился? — спросил Ангел. — Я думал, тебя попутали... Знаешь, что в ящике? Сухая какава... Ух, до чего, зараза, сладкая!

Ангел сунул в Юркину руку несколько маленьких кубиков в блестящей обертке.

— Лопай!

Юрка, зажав кубики в кулаке, медленно поднялся. В сужившихся глазах — лютая злоба.

— Ты жри, Гусь, еще дам, — прожевывая какао, сказал Ангел. Губы его стали липкими, коричневыми от шоколада, на щеках и подбородке — крошки.

— Жри сам! — вдруг заорал Юрка и швырнул кубики в изумленное лицо Ангела. — На! На! Проклятый фашист! — изо всей силы тыкал Гусь кулаком в широкую меховую грудь. — Ты же фашист!!

И по щекам его катились злые горячие слезы.

АНГЕЛ ЖДЕТ ЮРКУ

Во дворе прокукарекал петух. Шумно, одна за другой, слетели с насеста куры и, постукивая коготками, стали разгуливать в снях. Рита растопила огромную русскую печь, налила из ведра в пузатый чугуи воды.

— Наша хозяйюшка уже за работой? — улыбнулся летчик. Он только что встал. Волосы на его голове стояли торчком. Забрав с собой полотенце, мыло, зубную щетку, Константин Васильевич пошел умываться во двор. Дик увязался за ним.

Юрка проснулся вместе со всеми, но встать не хотелось. Он слышал, как возилась у печки Рита, как лаял на улице Дик.

— Летный денек! — вернувшись в избу, сказал Северов. Его смуглое мускулистое тело порозовело от холода и жесткого полотенца. На сапогах блестели капельки

воды. — А ты все валяешься? — он стащил с Юрки одеяло. — Подъем!

Юрка кисло улыбнулся и не спеша стал одеваться. Он чувствовал себя разбитым и все еще не мог понять в чем дело. «Сухари!» — вспомнил он, и настроение сразу упало. Черт бы побрал этого Ангела! Опять втянул в аферу... А что если узнает Северов? Тогда сразу конец дружбе.

Летчик надел толстую кожаную куртку, взял подмышку меховые унты и помахал ребятам рукой.

— До вечера!

— А чаю? — выглянула из кухни Рита. — Я вам крепкого заварила.

Северов взглянул на часы, сожалеюще покачал головой:

— Не успею... Вылет.

Он ушел. Дик немного поскучал возле закрытой двери и, повесив голову, улегся у порога на половике. Юрка вместе с дядей Колей позавтракал. Тракторист свернул козью ножку, оделся и тоже собрался уходить.

— А ты? — спросил он.

— Иди, дядя Коля, я потом, — сказал Юрка.

Как только за трактористом захлопнулась дверь, он улегся на широкую скамью, заменявшую ему кровать, и стал смотреть на потолок. Не пойдет он сегодня на работу. Неохота. Пускай Катя позлится. Надоела она Юрке. Все спрашивает про Северова. И зачем он сдуру показал ей летчика.

А с другой стороны, Юрке легче стало жить. Катя ласковая такая, все время заботится о нем. Уже два раза сахар в карман клала... Надоест Юрке работать, скажет, что надо друга Северова проведать, Катя всегда отпустит.

На кухне, отгороженной занавеской, что-то загремело и оттуда на середину избы выкатилась алюминиевая тарелка. Дик вскочил с половика и обнюхал ее.

— Чего ты там? — спросил Юрка.

— Уронила.

— Надо глядеть, — наставительно сказал Юрка.

Снова что-то загремело громче прежнего и две тарелки подкатились к самой Юркиной кровати.

— Эй! — крикнул он. — Ты нарочно?

Рита молча подобрала тарелки и поставила на полку.

— Отстриги ты свою дурацкую косу, — сказал Юрка, — оторву!

— Дурак, — сказала Рита.

— Гляди...

— Боюсь я тебя.

Юрке лень было слезать с лавки. А то бы он живо проучил ее. Потом не хотелось ссориться с Диком. Пес терпеть не мог, когда они с Маргариткой дрались. Налетал на них, громко лаял, скулил. То Риту потянет зубами за платье, то Юрку за широкие галифе.

Рита стала прибираться в избе. Тряпкой собрала воду с подоконников, смахнула пыль с печи, потом взяла сухой березовый веник и, засунув конец косы в карман фартука, начала подметать пол.

— Тебя прогонят с работы, — не глядя в Юркину сторону, сказала она.

— Пускай.

— Думаешь, Константин Васильевич будет тебя кормить?

— А тебе-то что за дело? — сердито посмотрел на нее Гусь. — Давай мети себе пол да помалкивай в тряпочку.

За окном раздался свист. Юрка вскочил со своей скамейки, отдернул занавеску. По дороге разгуливал Ангел и, щуря глаза, посматривал на окна. Челюсти у Гришки двигались, пережевывая что-то. «Какаву жрет, собака! — догадался Юрка. — Чего ему надо?»

Встретаться с Ангелом не хотелось. Юрка отвернулся от окна.

— Кто это там свистит? — спросила Рита. — Тот тип?

— Тип... — пробурчал Юрка и подумал: «А вдруг еще сюда припрется?» Но, взглянув на Дика, сразу успокоился: пусть только попробует нос в дверь сунуть.

Рита сняла фартук, который сама себе сшила из старой отцовской гимнастерки, и уселась с книжкой на подоконник. Первое время она часто отрывалась от книги, поглядывая на «типа», разгуливающего у дома, но потом увлеклась и забыла про все на свете. Юрка ходил по избе: деться некуда. Дик, положив морду на лапы, с любопытством следил за ним. Над его глазами двигались маленькие серые бугорки.

Снова за окном свистнули. Рита подняла глаза от книги, посмотрела на Юрку.

— Ждет.

— А-а, плевать!

В стекло мягко стукнулся снежок. Рита положила книгу на колени и повернулась к Юрке.

— Он целый час тут ходит.

«Дика натравить? — подумал Гусь. — Ух, припустит!» Он сорвал с гвоздя фуфайку и ахнул: карман до самой полы был оторван. «Где же это я?» И вспомнил, когда переваливался через борт машины, что-то треснуло...

— Где у тебя нитки-иголки? — спросил он Риту.

— А зачем тебе?

Юрка показал на фуфайку:

— Вот рассадил.

Рита раскрыла круглую жестяную коробку.

— Каких тебе ниток? Черных или зеленых?

— Все равно.

Юрка неловко вдел в ушко иголки толстую нитку, завязал на конце узел и стал пришивать карман. Иголка воткнулась в палец, и он заорал:

— У, черт!

Рита, уткнув нос в книгу, тихонько засмеялась. Гусь свирепо покосился на нее.

— Юр, возьми наперсток! — сказала Рита и бросила ему маленькую блестящую штучку. Юрка повертел ее в руках.

— На палец надень, — подсказала Рита.

— Понятно, не на нос, — сказал Юрка.

Он надел наперсток на большой палец, но через минуту сломалась иголка.

— А-а, и без кармана проживу! — крикнул он, обрывая нитки.

— Дай-ка сюда! — Рита забрала у него фуфайку и в пять минут пришила карман.

— Это... ну, спасибо, — выдавил он из себя.

— Пожалуйста, — сказала Рита.

Юрка взял с подоконника книгу и прочитал на обложке:

— «Айвенго», Вальтер Скотт... Это какой еще Скот?

— Английский писатель... Знаешь, какая интересная!

— А про что?

— Про рыцарей.

Юрка вспомнил, что, когда еще учился в школе, он как-то начал читать книгу «Дон-Кихот». Там тоже было

про рыцарей, только Юрка не дочитал эту книжку до конца.

— Про рыцарей не люблю, — сказал он. — У тебя про шпану нет книжек?

— Про шпану книг не бывает, — ответила Рита. Ее задело Юркино пренебрежение к Вальтеру Скотту.

— Бывает, — уверенно сказал Юрка. — «Странники» читала?

— А кто писатель?

Юрка, морща лоб, стал вспоминать.

— Ага, есть, — обрадованно воскликнул он. — Этот... Шишкин!

— Шишкин — это художник, — Рита старалась быть серьезной, но губы сами складывались в улыбку, — а писатель — Вячеслав Шишков.

— Про шпану даже кино показывали... «Путевка в жизнь», — оживился Юрка. — И песня есть такая: «Мустафа дорогу строил, а Жиган по ней ходил... Мустафа по ней поехал, а Жиган его убил...»

В стекло опять ткнулся снежок.

— Чего ему надо? — нахмурился Юрка. И вдруг, взглянув Рите в глаза, набросил на себя фуфайку и, обманув бдительного Дика, который все утро терпеливо ждал, когда Юрка возьмет его на улицу, быстро выскочил за дверь.

— Какой-то ненормальный... — сказала Рита Диду и, пожав плечами, раскрыла «Айвенго».

Увидев Юрку, Ангел засунул руки в карманы, подошел вплотную и отрывисто сказал:

— Ты брось эти штучки!

— Какие штучки? — спросил Юрка.

— Час хожу под окном, а он, как барин!

— А-а, — протянул Юрка. — Я спал.

Ангел поддал ногой мерзлую голышку. Она далеко отлетела и стукнулась о забор.

— У тебя тут приятель есть, — спокойно сказал Ангел. — Ну, этот шофер с бензовоза... Как он?

— Семен? Хороший мужик. А что?

— Поговори с ним, пусть подбросит на станцию.

— Это всегда, пожалуйста, — обрадованно сказал Юрка. — Отрываешься?

Ангел с любопытством посмотрел на Юрку. И тот медленно опустил голову. Глаза у Гришки пустые и холодные. Неприятные глаза. Нет, не вырваться ему из Гришкиных лап...

И зачем он тогда связался с ним? Если бы не Ангел, может быть, Юркина судьба совсем иначе сложилась бы.

Познакомились они в детской трудовой колонии. Гусь попал туда впервые. Его сняли с поезда. Тогда Юрка еще не воровал и даже не знал, как это делается. Он просто ехал в тамбуре в уральский город Кунгур, где жила его родная тетка. Он не знал ее фамилии по мужу, точного адреса, но верил, что найдет. Кормился как попало. Военные выручали: то котелок каши дадут, то сушарей подкинут.

Милиционер, снявший мальчишку с поезда, знать ничего не хотел про уральскую тетку.

— Уже слышал, — сказал он. — Все вы едете к теткам.

И с рук на руки сдал Юрку начальнику колонии. Там и встретились Гусь с Гришкой, по прозвищу Ангел.

Гришка уговорил его бежать. А потом на воле свел с бойкими черномазыми мальчишками. Они слушались Ангела и делали все, что он приказывал им. Черномазыми они были оттого, что редко умывались. Некогда было. Курсировали на поездах: в собачьих ящиках, в тамбурах, на угольном тендере. Не успел Юрка оглядеться, как эта черномазая шайка вовлекла его в воровство. Сначала на стреме стоял, потом и сам научился в мгновение ока срезать на вокзале пухлые вещевые мешки со спин теток. Научился перед самым отходом поезда выхватывать из рук зазевавшихся пассажиров чемоданы и нырять с ними под вагон, когда колеса начинали вертеться.

А потом с Гришкой поссорился. У Ангела были здоровые кулаки, и он при случае пускал их в ход в «разговоре» с черномазыми разбойниками. Обычно он это делал при дележе добычи, когда его сообщники требовали свою законную долю. Гришка забирал себе все самое лучшее. И попробуй возразить! Кровью умоешься...

Юрка однажды сдуру дал Ангелу сдачи, но тут же пришлось раскаяться: Гришка так отлупил его, что он два дня не мог с тряпья подняться. Еще хорошо, что Ангел нож не вытащил.

Гусь решил отколоться от черномазой шайки. Он сел на первый попавшийся поезд и уехал куда глаза глядят, только бы подальше от Ангела... И вот снова Гришка стоит перед ним и смотрит Юрке в самую душу.

— Хоть режь меня, никуда я с тобой не поеду, — твердо сказал Юрка. — Мне здесь нравится.

Он ожидал, что Ангел рассвирепеет, начнет грозить, но ничего подобного не произошло. Гришка отвел глаза в сторону, усмехнулся.

— Живи, коли нравится... Мне-то что?

Юрка подозрительно посмотрел на него. «Крутит!»

— Здесь летчики... — сказал он. — Северов обещал меня в рейс взять.

— Куда же ты полетишь?

— На фронт, фашистов крошить.

— А-а, — протянул Ангел. — Ну-ну, слетай.

Юрка пощупал пришитый Ритой карман и спросил:

— Где какава?

— Сховал.

— Гони мою долю.

— Бери, — Ангел оглянулся и направился к крыльцу. Там, спрятавшись за дощатым забором, он выгреб из своих карманов десятка два блестящих кубиков.

— Хватит?

— Не жирно, — заметил Юрка.

— Потом еще дам, — сказал Ангел.

Юрка не понимал: что случилось с Гришкой? Сам пришел к нему и принес эти шоколадные кубики. Не рушается, добрый такой. Что он задумал?

Усевшись на мокрую ступеньку, Ангел потер меховым рукавом голенища хромовых сапог. В голенищах отразилась лужа, подступившая к самому крыльцу. С крыши срывались увесистые капли и со звоном разбивались о ледяной бруствер, опоясывавший избу. Капли выдолбили во льду круглые лунки.

С кладбища, что на пригорке приткнулось к деревянной церквушке, доносились отрывистые крики. Это галки кружились над высокими голыми березами и осинами. На деревьях чернели большие прутьяные гнезда. Издали они напоминали шапки, которые будто кто-то нарочно забросил на ветви.

— Гусь, — помолчав, сказал Ангел, — сегодня опять машины пойдут.

— Ну и что? — насторожился Юрка. — Они каждый день ходят.

— Еще бы пару ящичков какавы.

— А этого не хочешь? — Юрка показал Ангелу кукиш. — Работай один. В этом деле я тебе больше не помощник.

Глаза у Гришки стали злыми. Он готов был вскипеть, но сдержался.

— А я хотел погрузить продукты на машину твоему корешку — и будь здоров... На барахолку!

Юрка задумался. Ради того, чтобы развязаться с Ангелом, — он готов был еще раз забраться в кузов машины. Но Гришка хитрый... Загонит на барахолке продукты и опять сюда заявится.

— А потом махну в Сибирь, — словно читая Юркины мысли, говорил Ангел. — Там у меня есть...

— Тетка! — подсказал Юрка.

— А ты откуда знаешь? — удивился Ангел.

— Знаю.

— Какая тетка? — рассмеялся Гришка. — У меня там

дружок кантуется... Мы с ним прошлым летом такое дельце обтяпали!

«Дружок у него... — думал Юрка. — Заливает, собака!»

— Сам воруй какаву, — сказал он. — Я не буду.

И опять Ангел не стал спорить, поднялся с крыльца, запахнул на груди меховую тужурку.

— Ну и врать ты здоров, — усмехнулся он. — На фронт полетит с летчиком... Да тебя и близко к самолету не подпустят!

— Меня подпустят... — сказал Юрка.

Ангел ступил сапогом в лужу. И в луже все закачалось: синее небо, крыша, маленькое белое облако.

— Когда тебе принести твою долю? — уже у калитки спросил он.

— Можешь не приносить, — сказал Юрка. — Ты ведь на барахолку собрался?

— Погожу... — многозначительно сказал Гришка и, треснув расшатанной калиткой, зашагал прочь.

Юрка проводил его взглядом и тяжело вздохнул. Неспokoйно стало на душе. Не такой человек Гришка Ангел, чтобы по-доброму убраться отсюда. Жди беды...

Рита читала «Айвенго», а Дик дремал возле печки. На Юрку он не обратил никакого внимания. Видно, крепко обиделся.

— Противное лицо у твоего дружка, — сказала Рита. — Красное и все в белых лишаях.

— Наплевать, — Юрка нагнулся и достал из-под скамейки зеленый сундучок, где хранились его пожитки. Сложил туда шоколадные кубики с сухим какао. Подошел к Рите и пять штук высыпал ей на колени.

— Это тебе, — сказал он. — Говорят, сладкая штука.

Рита развернула кубики и откусила кусочек.

— Ага, — кивнула она, — сладкая.

Юрка тоже съел один кубик. А другой, развернув, протянул Дикю.

— Возьми!

Дик не шевельнулся. Тогда Юрка присел на корточки и положил кубик перед самой мордой. Дик, скосив глаза, посмотрел на шоколад, облизнулся, но не взял.

— Как хочешь, — сказал Юрка и отошел.

— Где ты достал? — спросила Рита.

— Ешь, — сказал Юрка.

— Хочешь, я сейчас приготовлю настоящее какао? — спросила Рита.

— Валяй.

Юрка услышал глухое ворчание. Дик не выдержал характера. Он оскалил пасть и, склонив набок голову, осторожно взял белыми зубами коричневый кубик.

НЕБО И ЗЕМЛЯ

Снег на аэродроме больше не нужно было расчищать. Под апрельскими лучами солнца он и сам весь растаял. Зато жидкая грязь широко разлилась кругом. Сухой была только взлетная дорожка. Она почти не пустовала, Штурмовики то и дело взлетали и садились. Юрка привык к реву моторов и больше не обращал внимания на самолеты. Он многих летчиков знал в лицо. Здоровался с ними. И они с ним здоровались, как полагается, за руку.

Своим стал человеком на аэродроме Юрка. Среди его знакомых Герой Советского Союза, весельчак и балагур Вася. Встречаясь с Юркой, он первый подавал ему руку и спрашивал как равного:

— Что новенького?

— Работаем помаленьку, — басовито отвечал Юрка.

Официантки из офицерской столовой нежно называли летчика Вася-Василечек.

Бригада, в которой работал Юрка, занималась дренажом летного поля. Копали неглубокие канавки, по которым отводили воду, вырубали из земли квадратные лепехи дерна и укладывали в поле.

Катя сбросила шубу и сразу стала стройной. Лицо и обнаженные до локтей руки успели загореть. К Юрке она по-прежнему относилась по-матерински. Работой не перегружала, но не давала бездельничать.

— Ничего, Ежик, — задумчиво глядя на него, говорила она, — кончится война, пойдешь в школу.

— Не пойду, — мотал головой Юрка. — Отвык.

— Сколько ты закончил?

— Четыре.

— Попадешь ко мне, — улыбулась Катя. — Я как раз веду пятые — седьмые.

— Сказал, не хочу учиться, — упрямо твердил Юрка. — Я буду летчиком.

— Кто же тебя, безграмотного, к самолету допустит?

— Никто... Северов.

— А ты поговори с ним, — не отвязывалась Катя. — Можно быть летчиком без образования?

Юрке такие разговоры не нравились. Он брал лопату и уходил от Кати подальше. Учительница, а не понимает такой простой штуки: пока Юрка будет учиться в школе, — война кончится, а он хочет сейчас летать.

Юрка лопатой подгонял в канаве желтую пенящуюся воду, когда вдруг увидел приближающегося к нему Константина Васильевича. Летчик был в расстегнутой куртке и забрызганных грязью хромовых сапогах. Шлем он держал в руке. Ветер шевелил на его голове черные волосы.

— Готов? — спросил Северов и заговорщицки подмигнул.

У Юрки бешено заколотилось сердце. Наконец-то! Летчик сдержал свое слово. Сейчас они вместе сядут в самолет и полетят фашистов бомбить. Он далеко отшвырнул лопату и зачем-то стал ладонью приглаживать волосы на голове.

— Ты куда это собрался? — строго спросила Катя, — с любопытством поглядывая на Северова.

— Я сейчас... — заторопился Юрка. — Я в один момент, тетя Катя, слетаю и... обратно.

— Куда слетаешь? — Катя не на шутку всполошилась. — Кто тебя возьмет?

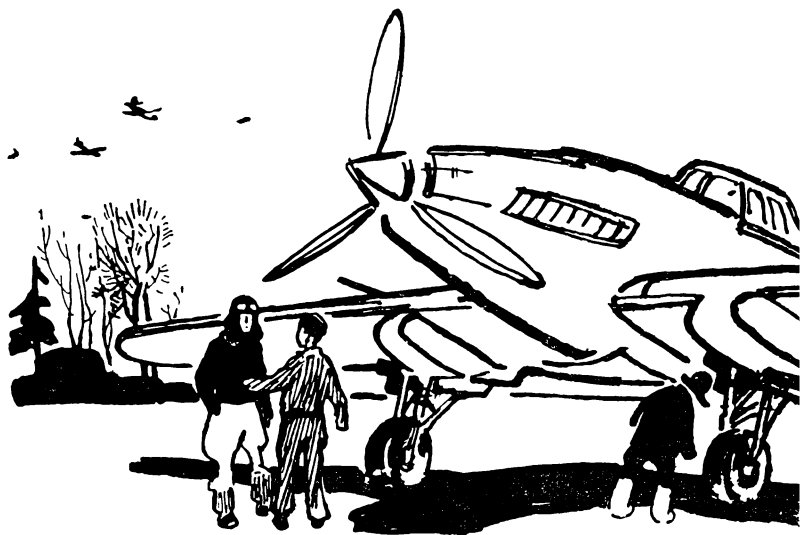
— Я, — улыбаясь, сказал Северов.

— Да кто вам... Какое вы имеете право? — Катины глаза стали гневными. — Я вам не позволю!

Летчик смотрел на Катю и улыбался. Он тоже загорел. Белый шрам еще заметнее выделялся на его смуглом лице.

— Ничего страшного не случится, — миролюбиво сказал он.

Юрка, широко раскрыв глаза, смотрел то на летчика, то на Катю. От страха, что Северов сейчас раздумает и не возьмет его с собой, у него слова застряли в горле. Как он рассердился в этот момент на бригадирку! Он готов был с кулаками наброситься на нее и заставить замолчать.

— Я полечу! — тонко, в сильном волнении выкрикнул он. — Полечу! — Схватил Северова за руку и потащил за собой. — Пойдем скорее!

Но летчик не спешил.

— Подожди, — сказал он. — Без разрешения начальства не имею права.

Тогда Юрка подбежал к Кате и, глядя ей в самые зрачки, выдохнул почти шепотом:

— Отпусти! Слышишь, отпусти!

И Катя уступила. Она поняла, что, если не отпустит, Юрка такой обиды не простит ей никогда. Есть в жизни мальчишек минуты, когда взрослые должны им уступать.

— А если разобьетесь? — сдаваясь, спросила Катя.

— Нет! — воскликнул Юрка. — Сами кого хочешь собьем.

— Все будет в порядке, — сказал Северов. — Через полчаса живым и невредимым доставлю вам его... Обещаю, товарищ тетя Катя.

Катя отвернулась от них и с силой вонзила лопату во влажную землю. Летчик смотрел на нее и улыбался. И улыбка была у него виноватая.

— Идите же, — не оборачиваясь, резко сказала Катя,

а когда они двинулись, негромко прибавила: — И все-таки глупо это.

— Сердитая она у тебя? — спросил Северов.

— Не-е, она добрая, — сказал Юрка.

Зло на Катю прошло. Наоборот, за эти несколько минут он как бы по-новому увидел «Катюку-бригадирку».

— Ничего она, — подумав, сказал он.

Потрепанный в воздушных боях двухместный штурмовик «ИЛ-2» стоял у ангара. Он только что прибыл из ремонта. На плоскостях, фюзеляже, выделялись свежие заплатки. Они были темнее, чем сам корпус самолета. Из кабины пилота торчала нога в кирзовом сапоге.

— Саша! — окликнул летчик. — Что там еще?

Нога исчезла и вместо нее появилось круглое белобровое лицо техника.

— Проверял аварийную сеть, товарищ старший лейтенант.

— Как?

— Полный порядок.

Техник выбрался на крыло, присел и ловко соскользнул на землю. Он оказался маленьким, коренастым, всего на голову выше Юрки. Синий замасленный комбинезон был расстегнут на груди. Из кармана торчала длинная отвертка с красной ручкой.

Юрка обошел штурмовик кругом, не нагибая голову прошелся под красноезвездным крылом. Солнце нагрело машину, остро пахло бензином и другими запахами самолета.

— Откуда взялся этот шпингалет? — удивился техник, наконец обративший внимание на Гуся.

— Полетит со мной, — сказал Северов. — Вместо стрелка. Обеспечить ему парашют.

Техник неодобрительно покачал головой и пошел в ангар за парашютом. Принес и положил возле шасси.

Юрка обнаружил на крыле короткую стальную трубку.

— Пулемет? — спросил он.

— Пушка, — неохотно ответил Саша. Ему не нравилось все это. С какой стати Северов берет с собой мальчишку? Как будто он, Саша, не мог полететь с ним... Покосившись на старую Юркину фуфайку, грязные сапоги, техник сказал:

— В таких сапожищах полезешь в кабину?

Юрка растерянно обозрел свои сапоги. Действительно, грязи на них налипло — воз.

— Оботри, — сказал Саша и, вытащив из кармана замасленную тряпку, протянул Юрке.

— Умеешь с парашютом обращаться?

— Там кольцо какое-то... — сказал Юрка. — За него надо дергать, да?

Саша молча надел на Гуся широкие лямки.

— Да-а-а... — протянул он. — Великоват. — И убавил белые брезентовые ремни.

Юрка едва был виден из-за двух твердых парашютных подушек. Саша обстоятельно объяснил, как нужно в случае аварии выбираться из кабины и за какое кольцо и когда дергать.

Гусь слушал внимательно, но ничего толком не запомнил.

— Все ясно, — сказал он. — Только нас не собьют.

— Само собой, — сказал Саша.

В солнечное небо взлетела тусклая ракета.

— За дело, ребята, — сказал летчик. Он вскарабкался на скользкое крыло, подал руку Юрке. Откинув толстый плексиглазовый колпак, который летчики почему-то называют фонарем, посадил Гуся на кожаное пружинящее сидение. Мягкое оно или нет, Юрка не знал, так как пришлось сидеть на парашюте. Над головой громко шелкнуло, и небо окрасилось в желтый цвет. Это Северов наглухо захлопнул фонарь. В кабине стало душно, запахло обшивкой самолета. Прямо перед Юркиным лицом торчали мягкие, обтянутые красной кожей рукоятки, повыше — металлической паутиной поблескивала прицельная сетка. «Пулемет!» — догадался Юрка.

Над головой вдруг снова засияло чистое весеннее небо, пахнуло смолистой сосной. Это техник открыл фонарь.

— Эй, авиатор! — сказал он. — А шлем забыл?

Он надел Юрке на голову кожаный просторный шлем, застегнул, всунул в гнездо маленькую черную вилку, от которой к шлему тянулся белый шнур.

— Держись, парень, за небо — не пропадешь! — крикнул Юрке в закрытое ухо техник и улыбнулся, показав белые крупные зубы. — Не трусишь?

Юрка замотал головой.

Взвизгнул стартер, и кабина сразу наполнилась знобкой дрожью и гулом. Гул все рос, ему уже не хватало места в кабине.

— У, черт, как ревет! — вырвалось у Юрки.

— В самолете ругаться не положено, — прозвучал в ушах насмешливый голос Северова. — Выруливаем на взлетную полосу. . . Говори в микрофон. Он у тебя под носом.

Голос летчика, немного измененный микрофоном, доносился из наушников, прикрепленных к шлему. Юрка приблизил лицо к черной штуке и крикнул:

— Северов, летим?

— Не так громко кричи, — сказал летчик.

Взревел мотор; когда гул достиг самой высокой ноты, самолет вздрогнул и небо над головой со свистом понеслось куда-то назад. Юрку прижало к спинке сидения. Он решил, что уже летит, но самолет чувствительно подбросило. Значит, еще на земле. Но вот бег стал мягче. Легкий толчок. Немного погодя еще толчок. . . и Юрка стал проваливаться вниз, ноги налились тяжестью, тело с силой вдавилось в сидение.

— Как самочувствие? — спросил Северов. Гусь сразу не смог ответить. Сейчас он не волен был распоряжаться своим телом. Перехватило горло, какая-то непонятная сила тянула вниз живот. Но очень скоро все это кончилось. Тянуть вниз перестало, назойливый гул мотора стал глуше, а потом исчез. Правда, стояло Юрке сглотнуть слюну, как гул снова врвался в уши, но он теперь не мешал.

— Хорошо, — сказал Юрка.

— Что хорошо?

— Самочувствие. . .

В кабине стало прохладно. Юрка осмелился поближе пододвинуться к фонарю и посмотрел вниз. Под крылом самолета проплывал лес. Сверху он казался ровно подстриженным. Сквозь зелень елей и сосен кое-где белел снег. На коричневых прямоугольниках полей, перемежавшихся с лесом, снега совсем не было. Блестящая лента с синим отливом разрезала лес, поля и, изогнувшись двойной дугой, вильнула в сторону. А потом снова вырвалась из леса и, неровная, вся в излучинах, побежала под крылом. Это река. В одном месте она вся была испещрена маленькими белыми пятнышками.

— Что это? — спросил Юрка.

— Ледоход.

Скоро Гусь научился сам узнавать земные предметы. Вот внизу деревня. Словно кто-то рассыпал на полянке спичечные коробки различной величины. Такие крошечные домики Юрка когда-то давно строил из кубиков. Светлая прямая полоска с поперечными ниточками — это железная дорога. Полоска потемнее, с блестками — шоссе с лужами. Крошечный жучок, едва ползущий по узкой ленте, — грузовик. Люди напоминали муравьев, поставленных на задние ножки.

В наушниках что-то захрипело. Наверное, Северов откашлялся.

— Приближаемся к фронту, — сказал он. — Могут появиться «мессершмитты». . . Не спускай глаз с хвоста. Как увидишь самолет, сразу скажи мне, понял?

— Ага, понял, — сказал Гусь.

Штурмовик вдруг начал проваливаться. У Юрки дух захватило. Так бывает, когда качаешься на качелях. Взлетишь вверх, а потом падаешь вниз. Такое состояние продолжалось недолго. Самолет приблизился к самым вершинам деревьев и на бреющем полете прошелся вдоль длинной ленты шоссе. Черные приземистые жуки чуть заметно ползли.

— Где же фронт-то? — спросил Юрка.

— Фронт? — помедлив, сказал летчик. — Пролетели.

Крыло самолета вдруг задралось, земля выгнулась, рванулась навстречу, и Юрка заорал:

— Ой, падаем!

Северов ничего не ответил. В наушниках что-то захрипело, шелкнуло.

— Как хвост? — спросил Северов.

— Целехонек.

— Я спрашиваю, самолетов не видно?

— Куда-то все попрятались. . . Домой? — немного погодя спросил Юрка.

— Уже надоело? — засмеялся Северов. — На печку захотелось? К немцам в тыл, Гусь, летим. В Берлин.

— Зачем? — встревожился Юрка. — Не стоит. Вдруг бензин кончится?

— А может, слетаем к Гитлеру в гости?

— Собьют, — сказал Юрка. — У нас бомбов нет. Забыли прицепить.

— Безобразия, — сказал Северов. — Без боеприпасов у немцев делать нечего.

Во время посадки Юрку с непривычки чуть не стошнило. Когда земля стремительно понеслась навстречу, ему впервые стало по-настоящему страшно. Показалось, что самолет обязательно промахнется и они врежутся в лес. Но все обошлось благополучно. Штурмовик приземлился по всем правилам, развернулся на месте и покати к ангару.

Северов, сдвинув фонарь и показав золотой зуб, сказал:

— С первым боевым вылетом!

Юрка, счастливый, смотрел на небо и наслаждался свежим ветром, тишиной. Он хотел встать и не смог. Ноги одеревенели, а тут еще парашют. Да и руки что-то плохо слушались. Спасибо, техник Саша помог. Он вытащил обмякшего Юрку из кабины, отстегнул какие-то крючки, и две тяжелые подушки упали к Юркиным ногам.

— Не умер? — спросил Саша.

— Мы на фронте были, — сказал Гусь.

— А как обстоит дело со штанами? Не мокрые?

— Пощупай, — обиделся Юрка и отвернулся от Саши.

— Говоришь, на фронте были? — не отставал техник. — В самом деле?

— Танки видел... Они, как жуки.

— Чьи танки-то?

— Немецкие. Чьи же еще?

— И зенитки по вам палили?

— Не слышал, — сказал Юрка. — Я за хвостом наблюдал.

— Серьезное дело... А ты знаешь, в какой стороне фронт?

Гусь неопределенно махнул рукой:

— Там...

— То-то и оно, — непонятно усмехнулся Саша. — Эх, ты, фронтовик!

— Ежик! — услышал Юрка взволнованный Катин голос. — Целый?

— А то еще какой же? — небрежно сказал Юрка.

Катя стояла рядом с Северовым, и они оба смотрели на него. Белый платок у бригадирки был повязан во-

круг шеи, в темно-русой пряди волос голубел мохнатый подснежник. Оживленная, красивая, она улыбалась Юрке.

— У нас бомбов не было, — сказал Юрка, — а то бы мы дали фрицам перцу.

— Сашка виноват, — сказал Северов. — Не подвесил. Техник фыркнул и полез на крыло.

— Пойдем, — взяла Катя Юрку за руку.

— Ну тебя, — вырвался он. — Не маленький.

Они рядом пошли напрямик через лётное поле. Высокая статная Катя с подснежником в волосах и маленький возбужденный мальчишка. Шли и молчали. Над головой слышался гул, но самолетов не было видно. Кое-где на обочинах зелеными хохолками пробивалась первая трава. В Юркиных ушах все еще гудело, стрекотало, земля ускользала из-под ног.

— Эй, приятель! — закричал Саша. — А шлем?

— Забыл. — Гусь стащил с головы кожаный шлем и побежал к самолету, у которого стояли Северов и Саша.

— И как это я? — сказал Юрка и виновато посмотрел на летчика.

Северов взял шлем, повертел его в руках и снова надел Юрке на голову.

— Носи, — сказал он. — Ты почти летчик.

БЕРЕЗОВЫЙ СОК

Береза, которую Юрка облюбовал, особняком стояла на пригорке. На ее нежной белой коре серыми бородавками выделялись бугорчатые наросты. Почки на ветвях вспухли, и кое-где из трещинок уже выглядывали зеленые маслянистые глазки. Береза была не очень толстая, но высокая. Если, задрав голову, долго смотреть на ее вершину, то голова начинает кружиться, а в глазах — зеленая рябь.

— Эту ковырнем, — сказал Гусь, присаживаясь на корточки у березового ствола.

Северов, широко расставив ноги, стоял рядом и задумчиво гладил кору ладонью.

— Красавица... А запах какой, а?

Юрка потянул носом: обыкновенный запах. Пахнет

талой водой, почками, лесом и... гуталином от сапог летчика.

— И не жалко тебе калечить березу? — спросил Северов, наблюдая за Юркой.

— Чего ей станет? — сказал Гусь и острым ножом сделал на стволе надрез. Затем содрал кору, обнажив запотевшую влагой желтую древесину, и глубоко воткнул нож. Сок не потек, а брызнул, омочив нож до самой рукоятки. Мутноватые капли посыпались на землю. Юрка, нагнув голову, подставил язык.

— Сладкий, — причмокнул он. Вырвав нож, забил черенком в трещинку тонкий пруттик, подставил бутылку. Сок струйкой побежал в горлышко.

— Порядок, — сказал Гусь и, поднявшись с корточек, осмотрелся. — Надо бы еще пару бутылок приспособить.

— Не жадничай, — усмехнулся Северов. — Одно-то не выпьешь.

— А ты? — удивленно посмотрел на него Юрка. — Только попробуй, за уши не оттащишь.

— Хватит нам одной бутылки.

— А Катьке? Знаешь, как обрадуется?

— Ну, хорошо, — сказал Северов. — Раз обрадуется, давай устанавливай свое хозяйство.

Он обнял березу, прислонился к гладкой белой коре щекой. И глаза у Северова стали какие-то другие, мягкие, лучистые. И сам он будто не летчик, а мальчишка в форме. Мальчишка с усиками. Даже не верится, что он летает и бомбит немцев.

— Кончится война — обязательно посажу под окном березу... — сказал летчик. — Пускай растет большая и красивая, как эта. И скворечник на березе прилажу. Ты любишь скворцов?

— Я собак люблю, — сказал Юрка. Он завертел головой. — А где Дик?

— Пускай разомнется, — сказал Северов и продолжал: — Утром встанешь, а береза шумит и скворцы на ней песни распевают... Ты любишь, когда скворцы поют?

— Не знаю, — сказал Гусь. — А как они поют?

— Хорошо поют... Заслушаешься.

— Где же Дик? — Юрка приложил ладони ко рту и крикнул: — Дик!

Из кустов, в глубине которых белел снег, выскочил Дик, очумело осмотрелся и, роняя с языка слюну, помчался в ельник.

— Учужал кого-то, — сказал Юрка. — Он зайцев ловит?

— Обязательно посажу березу, — сказал Северов. — И не одну. Много.

Они спустились с пригорка в ложину. Здесь березы стояли ствол о ствол с осинами, соснами, молодыми дуб-

ками. На полянках, где много света, густо разросся орешник. Под ногами шелестели прелые прошлогодние листья. Их было так много, что подошвы тонули, и казалось, что ступаешь по драному лоскутному одеялу. Из глубины леса потянуло болотной сыростью и муравьиной кислотой. Под толстой кривобокой березой стоял большущий гриб. Коричневая шляпка его сморщилась, края оплыли. Юрка дотронулся до гриба ногой, и он сразу осел, разваливаясь на проточенные червями куски.

— Скажи ты, — удивился Гусь. — Перезимовал.

Он чувствовал себя в лесу хозяином. Северов еще по дороге сюда признался ему, что очень любит лес, но там, откуда он родом, — голая степь. Огромная ковыльная степь без конца и края. Это у самого Каспийского моря. Юрка степь только с крыши вагона видел, а лес знал и умел в нем хорошо ориентироваться.

Попробовав сок у кривобокой березы, Юрка сморщился и плюнул.

— Бу-у, кислота!

Пристроив возле березовых стволов еще две бутылки, они снова поднялись на пригорок. Тут было сухо и солнечно.

— Поваляемся? — предложил Юрка и, не дожидаясь согласия, упал на устланный листьями луг. Северов опустился рядом. Он стал задумчив и молчалив. От мягкой кожаной куртки летчика почему-то пахло рыбьим жиром, который Юрка с детства ненавидел. А сейчас лежал, нюхал и было не противно. Наоборот, даже приятно. Сегодня у Северова выдался свободный денек. Его штурмовик опять здóрово изрешетило осколками: повредило жесткое управление, руль высоты. Техники, собравшись возле самолета, долго удивлялись, как ухитрился Северов сделать посадку. И вот уже второй день латают машину.

Тихо в лесу. Чуть слышно поскрипывают голые вершины деревьев. Ветра у земли не слышно, он где-то вверху бродит. Над головой негромко судачат птицы. Шумно вспорхнув, птицы перелетели на соседнее дерево и загалдели громче прежнего. У них красные грудки и коричневые головки с короткими глянцевыми клювами. Это снегири. «Кап-кап-кап», — доносится звонкая капель. Наверное, бутылка уже наполнилась березовым соком. Но Юрке лень вставать с мягкой прохладной земли. Не

беда, если и перелетит через край. Весной в березах соку много.

— Северов, — попросил Гусь, — возьми меня еще раз на фронт, а?

— Понравилось?

— Ты только научи меня из пулемета стрелять... Я ни одного гада не подпущу к хвосту!

— Ничего не выйдет, — скрипя кожанкой, Северов перевернулся на бок. — Дали мне нового стрелка-радиста.

— Жалко, — сказал Юрка. — Я бы тоже мог стрелять из пулемета.

— А что, в бригаде надоело? У тебя такой заботливый бригадир...

— Катька-то? Ничего... Скажи, Северов, а долго на стрелка учиться?

— Ты говорил, она толстая... Ничего ты не понимаешь! Красивая она.

— Я бы в два счета выучился.

— А какие глаза... Она не замужем?

— Катька-то? Она... Северов, а трудно стрелять из пулемета?

— Из пулемета? Нет, не трудно... Так она замужем?

— Кто? Катька-то? Нет. Она учительница.

Северов посмотрел на небо и улыбнулся.

— Чего смеешься? — спросил Юрка.

— Смотрю на небо, — сказал летчик. — Хорошо.

Юрка тоже посмотрел на небо. Мальчишке было не смешно.

— На ней никто не женится, — сказал он. — Она учительница.

— Учительница — это хорошо.

— Плохо, — сказал Юрка. — Пристает ко мне все время, говорит, учиться надо... А я хочу быть летчиком, как ты.

— Хороший человек твой бригадир.

— Обыкновенная. — Юрка сбоку взглянул на Северова и прибавил: — И глаза у нее обыкновенные. А потом ей никто не нравится. Она мне сказала, что никогда замуж не выйдет.

— Так уж и сказала?

— Спроси... Чего мне врать?

— Ты слушай учительницу. Она дело говорит.

— Ерунду говорит... Ну кто сейчас учится? Война.

— Война... — сказал Северов. — Ты чего же думаешь, век она будет? Война — это... К черту войну!

— А сам каждый день летаешь, — сказал Юрка. — Бомбы кидаешь. И из пушки строчишь почем зря.

— Нужно, — сказал летчик. — Я, Гусь, бомбы бросаю, танки зажигаю, машины. И все это для того, чтобы больше не было войны... А ты, Гусь, не лезь в это пекло. Не надо.

— Я не хочу березы сажать, — сказал Юрка. — Я хочу летать и бомбить гадов.

— Ты видел в кабине приборы? — спросил Северов.

— Ну и что? — нахмурился Юрка. — Ты мне только растолкуй что к чему — разберусь!

Северов встал на колени, расчистил землю от листьев и прутиком стал чертить контуры самолета. Юрка, словно галка, склонив черную голову набок, смотрел на него.

— Вот крыло самолета, — стал объяснять летчик, — с его помощью образуется подъемная сила, которая держит машину в воздухе...

— Ясно, — мотнул головой Юрка. — Без крыла далеко не улетишь.

— Вот площадь, а вот профиль крыла, — чуть заметно улыбаясь уголками губ, продолжал летчик. — Профилем крыла называется форма его поперечного сечения. Касательная к нижней поверхности профиля называется хордой крыла.

— Чем? — удивился Юрка.

— Хордой. А этот угол между хордой крыла и направлением скорости называется углом атаки...

Лицо у Гуся вытянулось, на лбу появились глубокие поперечные складки. Он слушал не перебивая и все больше мрачнел.

— Величиной аэродинамического коэффициента, — шпарил Северов, — называется...

— Хватит, — сказал Юрка. Не глядя на летчика, поднялся с листьев и пошел к березе. Вернулся он не скоро. Сначала прибежал Дик, потом появился Юрка. Протянул Северову бутылку с мутноватым соком.

— Пей.

Северов попробовал. Сок и вправду был сладкий, ароматный.

— Нектар, — похвалил летчик, — напиток богов...

— Каких богов? — усмехнулся Юрка. — Уж богов-то нет, это я точно знаю.

— А ты читал про Геракла?

— Ты пей сок, — сказал Гусь. — Еще две бутылки есть.

Северов посмотрел на Юрку. Глаза скучные, плечи опустил. Обиделся.

Гусь долго молчал. Надоели эти разговоры про школу. Как только Катя и Северов начинали толковать о школе, сразу между ними и Юркой ощущалось расстояние. Они взрослые, а он младенец.

Гусь отогнал мрачные мысли и посмотрел на сосну, которая стояла напротив. Сосна была высокой и гладкой. Сучья начинались метрах в четырех от земли. Юрка подошел к дереву, поплевал на ладони и полез вверх. Через минуту он важно восседал на суку возле самой макушки и сверху насмешливо поглядывал на летчика.

— Лезь сюда, — ехидно пригласил Юрка. — Потолкуем про эту... хорду.

— Не хочется сапоги снимать, — сказал Северов.

— Понятно, — ухмыльнулся во весь рот Гусь.

Северов обошел сосну, постучал носком сапога по стволу.

— Я бы, конечно, взобрался, да боюсь, сосенка не выдержит.

— Как же, сразу переломится... — Юрка ловко сбросил на Северова сосновую шишку.

— Держись, Гусь! — Северов уселся под сосной и стал стаскивать сапоги. Два раза съезжал летчик вниз по гладкому стволу, прежде чем добрался до первого сука. Но Юрку он все равно не достал. Гусь поднялся еще выше, к самой макушке. Он стоял на тонком гибком суке и плавно покачивался.

— Парашют бы, — задумчиво сказал Юрка. — Прыгнул бы...

— И носом в землю.

— С парашютом? — удивился Гусь.

— Расстояние до земли маленькое, — сказал Северов. — Не успеет раскрыться.

Юрка достал из кармана квадратик в блестящей обертке и протянул Северову.

— Какава... Попробуй!

Северов, обхватив сук рукой, привалился спиной к стволу, осторожно развернул пакетик.

— Шоколад. — сказал он.

— Ешь, у меня еще есть, — сказал Юрка.

— Где это ты разбогател? — спросил летчик, вертя в пальцах коричневый кубик. Если бы он в этот момент посмотрел на Гуся, то увидел бы, как лицо у мальчишки покраснело. Юрка разжал кулак и недоеденный шоколад полетел вниз.

— Ну чего мы тут сидим? — сказал Юрка. — Как филины.

К сосне подошел Дик, нашел шоколад и съел. Потом обнюхал ствол и, задрав морду, залаял.

— Маргаритку бы угостил, — сказал Северов. — Не догадался?

— Полезли вниз, — сказал Юрка. — Надоело.

Они спустились. Дик громким лаем поприветствовал их и снова умчался в кусты. Настроение у Юрки упало. Пока летчик обувался, он стоял в стороне и крошил в кармане шоколадные кубики. Северов поднялся с травы, посмотрел Юрке в глаза.

— Ребята угостили? — спросил он.

Юрка молчал.

— Где взял? — совсем тихо спросил Северов.

— Нигде, — сказал Юрка.

Летчик завернул шоколадный кубик в обертку, протянул Юрке.

— Ешь сам, мне что-то не хочется, — сухо сказал он.

Юрка зажал кубик в руке. На Северова он не смотрел. Стало тихо. Над головой медленно раскачивалась вершина сосны. Без скрипа, без шума. Где-то рядом тоненько гудела маленькая букашка. Юрка искал ее глазами, но не нашел.

— Я думал, — сказал Северов, — ты...

Тут из-под маленькой разлапистой елки выскочил голенастый заяц. Присел на задние лапы, постриг ушами и, высоко подпрыгнув, поскакал через поляну, подрыгивая хвостом — круглой белой пуховкой. Желтоватая шерсть свалилась на боках.

— Дик, заяц! — заорал Юрка, припускаясь за косям. — Возьми!

Дик с треском выломался из кустов, помчался за

зверьком, который, даже не прибавив прыти, спокойно углублялся в чашобу.

— Возьмет! — уверенно сказал Гусь. — Заяц какой-то квелый... Еле ноги волочит.

Но Дик скоро вернулся. Вид у него был немного смущенный.

Лес обрывался перед большим зеленым лугом, примыкающим к деревенским огородам. Кое-где на лугу рос мелкий кустарник. Посередине когда-то стоял огромный стог. От него остался длинный шест и прелое сено. В сене ковырялись черные грачи. Пока Юрка с Северовым сидели на сосне, небо заволокло белыми кучевыми облаками. Большие, рыхлые, они медленно плыли над самой головой. Иногда в голубые просветы выглядывал солнечный луч и снова исчезал. Там, где пряталось солнце, облака были подкрашены в розовый цвет, и на них было смотреть.

Этот негромкий прерывистый гул, даже, вернее, не гул, а добродушное сонное ворчание, они услышали одновременно.

— Фриц, — сказал Юрка и, приставив ко лбу ладонь, посмотрел на небо. Но там, кроме облаков, ничего не было видно. А гул слышался совсем рядом.

«Юнкерс» вывалился из пухлого облака, похожего на огромную скомканную подушку. Он летел так низко, что Юрка разглядел в прозрачном колпаке головы немецких летчиков. В следующий момент раздалось негромкое и совсем нестрашное стрекотание. Так стрекочут на полях в знойный день жатки. Перед самым Юркиным носом по траве с тонким свистом пробежал ветерок. «Пули», — подумал Гусь, все еще не веря в опасность.

— Ложись! — крикнул летчик. Его голос был резким, незнакомым. И тут мальчишку резанул страх. Юрка покослиному скакнул куда-то вбок и пустился бежать через поле. Он так и не понял, сам упал или Северов его сшиб на землю. Когда он открыл глаза, то увидел рядом встревоженную морду Дика. Он тоже лежал, вздыбив на загривке шерсть. Северов, распластавшись на земле, из-под руки смотрел на небо. И вдруг, выхватив из кобуры пистолет, всю обойму выпустил в самолет. Одна горячая гильза упала Юрке на грудь, скатилась на шею и обожгла. Но Юрка не сбросил ее. Он боялся пошевелиться.

Самолет, накренив серое крыло с черным крестом,

пропал за лесом, но через минуту снова появился с другой стороны. И опять Гусь увидел лакированные головы немецких летчиков. Маленькие, в шлемах, головы смотрели вниз. Негромко застрекотало. Зато рядом громко звякнуло. Юрка не удержался и посмотрел: бутылка с соком, выроненная вгорячах, была вдребезги разбита. Сок мутными каплями разбрызгался по траве.

Три раза исчезал за лесом и снова возвращался «юнкерс». Всякий раз, когда он приближался, Юрке хотелось зарыться, провалиться в землю. Самолет пролетал над ними. С неба слышалось спокойное стрекотание. Пули с шелестом зарывались в листья.

— Вот, сволочь, привязался! — ругался Северов, следя за самолетом.

«Юнкерс» в последний раз лениво описал круг и исчез. Еще с минуту, затихая, слышался гул его моторов. Потом стало тихо. И вот на дереве пискнула первая птица, за ней другая. Где-то далеко треснул сучок. Дик повел в ту сторону ушами.

— Не зацепило? — спросил Северов, подавая Юрке руку.

— Бутылку вдребезги, — сказал Гусь. — А вдруг опять?

— Улетел.

Юрка передернул плечами и сказал:

— Хорошо, что еще на нас бомбу не спустил.

Северов носовым платком стер с колен грязь, сплюнул:

— Обнаглели, мерзавцы! Ну, ничего... Скоро им наше небо с овчинку покажется.

Перед глазами все еще качались маленькие лакированные головки летчиков, высматривающих на земле его, Юрку, Северова и Дика.

Северов вставил в пистолет новую обойму и хотел было засунуть его в кобуру, но Юрка, глядя в землю, попросил:

— Дай выпалить!

Он повесил на сук свою шапку, отошел на двадцать шагов и, зажмурив левый глаз, одну за другой выпустил в нее все семь пуль. Потом долго вертел-крутил шапку, даже на свет посмотрел, но ни одной дырки не обнаружил.

— Все промазал, — сказал он с сожалением, протягивая тяжелый пистолет летчику.

— Куда целился?

— Под яблочко... То есть, под шапку.

— Спросил бы... Пистолет-то центрального боя. Посмотри, на дереве пробоин нет?

Юрка подбежал к осине и, широко улыбаясь, сообщил:

— Есть... Пять штук вклепил! Здорово бьет. На той стороне тоже дырки.

Мальчишка так и сиял. Северов смотрел на него и думал: «Настоящий ты человек, Гусь, или так — перекасти поле? Куда подует ветер, туда и ты... Но ведь было у тебя когда-то детство, родители. Что же все-таки произошло с тобой, ершистый ты Гусь?» И Северов решил спросить об этом Юрку. Как мужчина мужчине. Юрка не сразу ответил. Он шагал рядом и смотрел себе под ноги.

— Разбомбило мою мамку... Всю начисто. И хоронить нечего было. На третий день войны. Под Смоленском. И дом разбомбило. И все липы выдрало из земли... Один клен остался. А на клене том, на ветке, мамкины волосы...

— А отец?

Юрка еще ниже опустил голову. И снова надолго замолчал. В руках у него был тонкий травяной стебелек. Он не заметил, как съел его.

— Мой батька сволочь, — глухо сказал он. Слова с трудом лезли из горла. — Он мамку ногами бил... И меня по голове... Он сволочь... Северов, ты любишь клюкву?

— Кислая ягода, — сказал летчик. — Она на болоте растет?

Подходя к дому, Юрка увидел Ангела. Прыгая через лужи, Гришка шел навстречу. Вместо меховой тужурки на нем был длиннополый коричневый пиджак. Юрка нахмурился. Гришку дней пять не видно было. И Юрка решил, что он убрался отсюда.

Ангел молча прошел мимо. Он ничего не сказал, даже не кивнул. Но в его прозрачных глазах Юрка прочитал угрозу.

— Знаешь что, Северов, — мрачно сказал Гусь, — я украл эту какаву.

Летчик быстро взглянул на него и продолжал молча идти вперед.

— Мешок сухарей увел и ящик с сухой какавой... Ее на фронт солдатам везли. — Юрка с трудом слышал свой голос. Он стал какой-то хриплый, свистящий. Язык и губы против воли выговаривали эти слова.

Северов шагал впереди и молчал. Почему он молчит? Ну пусть остановится, развернется и врежет Юрке в ухо. Пусть Маргаритка, Катя-бригадирка, все узнают. Пусть!

— Вор я, вор! — крикнул Юрка в безмолвную, будто чужую спину Северова. — Ну, что ты молчишь?

Летчик передвинул назад кобуру с пистолетом, торчавшим из-под кожаной куртки. У дома стояла Рита. Она что-то сказала Северову, но он, не ответив, рывком распахнул калитку и скрылся в сеньях.

— Чего это он? — спросила Рита.

Юрка, даже не взглянув на нее, протопал по луже мимо.

— Ноги-то вытри, Гусь! — обиженно крикнула Рита. — Полы вымыты.

Но Юрка в избу не пошел. Достал из кармана бутылку с соком, осторожно поставил ее на верхнюю ступеньку. А сам прислонился плечом к крыльцу и задумался. Что-то теперь будет! Тяжко было на сердце у Юрки Гуся. Зачем он рассказал Северову? Этого Юрка и сам не мог понять.

Подошел Дик. Потыкался мокрым носом в ладонь, понимающе посмотрел в глаза и, невесело махнув хвостом, уселся рядом.

ЛУННАЯ НОЧЬ

С вечера Юрка долго не мог уснуть. Ворочался на своей жесткой скамейке, до боли сжимал веки, но глаза не хотели закрываться. Сквозь дырки одеяла, которым было занавешено окно в избу, скупно сочился голубоватый лунный свет. За окном шумели моторы. Это автомашины с продуктами и снарядами шли на фронт. Лунный блик не спеша полз по койке Северова. Ворсинки на шерстяном одеяле вспыхивали и снова гасли. Северова все еще нет. Как днем ушел в столовую, так до сих пор и не вернулся. На печке похрапывает дядя Коля, Рита спит

на кухне за занавеской. Форточка открыта и занавеска колыхнется. Дик не шевелится на своем половике.

Тоска гложет Юркино сердце. Хочется плакать, но он не умеет. Глазам горячо, а слез нет. Почему Северов ничего с ним не делает? Молчит, как будто в рот воды набрал. Хоть бы одно слово сказал.

Юрка спускает ноги со скамейки и нащупывает сапоги. Тихонько, чтобы никого не разбудить, выходит во двор. На улице светло и прохладно. Лужу, разлившуюся возле крыльца, затянула тонкая пленка льда. Луна стоит над лесом, освещая вершины деревьев. Звезды облепили все небо. Они суеются, мигают, пропадают из глаз и снова появляются. Где-то далеко в стороне на одной ноте гудит самолет. Слышно, как на аэродроме фырчат бензовозы, переливая в самолетные баки авиационный бензин.

Юрка потуже запахнул фуфайку, уселся на ступеньку и стал смотреть на луну. На ней, как на глобусе, обозначались какие-то туманные материки. С неба вдруг сорвалась одна звездочка и, прочертив яркий след, пропала. Юрке стало холодно. Он зябко передернул плечами, но уходить домой не хотелось.

И тут с дороги донеслись чьи-то голоса, раздался тихий женский смех. У калитки остановились двое. Северов! Юрка сразу узнал его. А вот кто с ним, никак не мог разглядеть.

— Я пойду, — услышал он знакомый и не знакомый голос. — Завтра чуть свет вставать.

Северов сделал шаг в сторону, и Юрка увидел Катю. Лунный свет засиял в ее волосах. Катя была в легком плаще и туфлях на высоких каблуках. Такой ее Юрка еще никогда не видел.

— Я тебя провожу, — сказал Северов.

— Мой дом рядом.

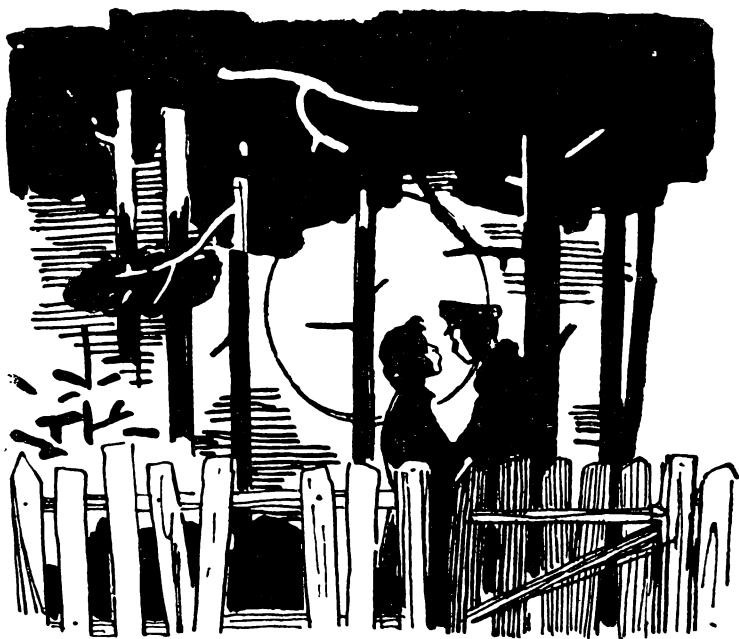
— Катя... — Северов близко придвинулся к ней.

— Не надо, Костя, — совсем тихо произнесла Катя и подняла вверх голову.

Они поцеловались.

Юрка не знал, что такое с ним происходит. Ему хотелось встать и закричать. Но он не пошевелился. Он знал, что мужчина и женщина могут полюбить друг друга, встречаться и даже целоваться. Но Катя и Северов?! Нет, такой подлости Юрка от них не ожидал. «Завтра же уйду, — подумал он. — К бабке... И без вас проживу!»

Юрка представил, как удивятся Катя и Северов, узнав, что он насовсем ушел с аэродрома.

А может быть, обрадуются? Им теперь вдвоем вон как хорошо... Но почему так сердце ноет?

У Юрки было такое ощущение, будто его обманули, предали. И кто? Самые близкие люди. А они все целуются!

Юрка поднялся с крыльца и увидел бутылку с березовым соком. Ту самую, которую приберег для своей бригадирки... Схватил бутылку и что было силы запустил в дощатый забор. Громко звякнуло стекло и по прихваченной морозцем земле зацокали осколки.

Краем глаза Юрка видел, как отпрянули друг от друга Катя и Северов...

До первых петухов не сомкнул он глаз. Но Северов в эту ночь так и не пришел домой.

Он пришел утром. Позавтракал, надел кожанку и, прихватив со стола планшет с зеленой картой, собрался уходить. На пороге задержался.

— Зачем ты ночью бутылку разбил? — спросил он Юрку.

Гусь тыкал вилкой в старый желтый стол и молчал.

— Нехорошо, друг, — сказал летчик.

Юрка молча царапал стол.

— Вилку ломаешь, — сказал Северов. — Пойдем, по дороге потолкуем...

— Нет, — упрямо мотнул головой Гусь. На него опять накатило что-то непонятное. Он хотел вскочить с табуретки и подойти к летчику. Хотел и не мог. А Северов смотрел на него и ждал.

— Идешь?

— Нет.

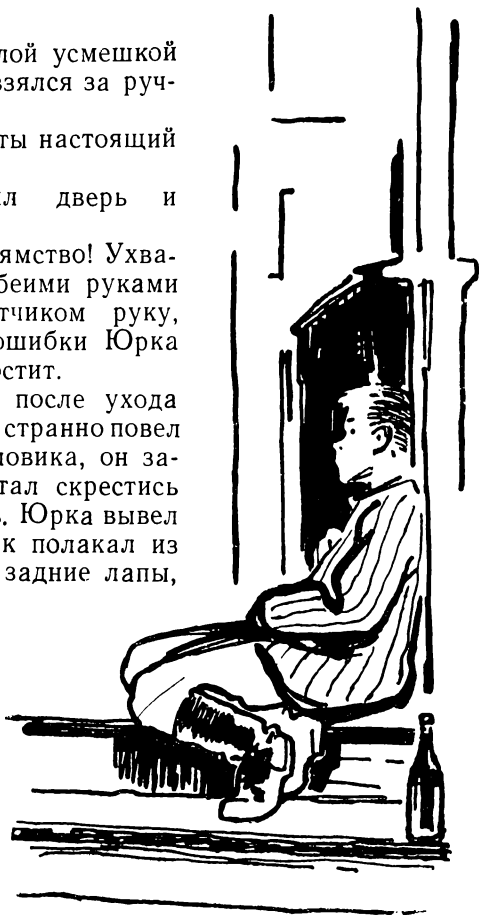
Летчик с невеселой усмешкой покачал головой и взялся за ручку двери.

— А я думал, ты настоящий парень.

Рывком отворил дверь и ушел.

О, проклятое упрямство! Ухватиться бы Юрке обеими руками за протянутую летчиком руку, а он... Нет, этой ошибки Юрка себе никогда не простит.

Часа через три после ухода Северова Дик очень странно повел себя. Вскочив с половика, он за метался по избе, стал скрестись в дверь, взвизгивать. Юрка вывел собаку во двор. Дик полакал из лужи и, присев на задние лапы,

стал громко лаять. «Уж не Ангел ли пришел?» — с неприязнью подумал Юрка и вышел на дорогу. Там никого не было. Лишь у колодца, согнувшись, стояла женщина и крутила визгливый ворот, доставая бадью.

Над головой висели редкие серые облака. Дождя не было, а вода в лужах морщинилась, будто сверху сыпался мелкий песок. Над аэродромом кружились штурмовики. Гул в небе сливался с ревом моторов на земле.

Юрка прислонился спиной к изгороди и стал смотреть через дорогу на лес. У самой его кромки босоногая женщина пахала. Седая костлявая кобыла, подавшись вперед, тащила железный плуг. Длинная черная борозда издали лоснилась. Откуда-то прилетел грач. Махая черными крыльями, важно приземлился и — сразу за дело: встал в борозду и пошел долбать крепким клювом земляные комки. Скоро грачу надоело ковыряться в одиночестве. Он резко крикнул, и на поле слетелись приятели.

Юрка услышал чьи-то быстрые шаги. Оглянулся и увидел Катю. Она бежала навстречу по дороге, не обращая внимания на лужи. Белая косынка слетела с ее головы и не спеша опустилась в лужу. Катя не подняла косынку. Широко распахнутыми глазами смотрела она на Юрку.

«Чего это она? — удивился Юрка. — За мной?»

Катя остановилась и, тяжело дыша, припала к изгороди.

— Ежик, — чуть слышно произнесла она, — что же это такое?

«Почему у нее губы такие серые?» — подумал Юрка. Он пристально смотрел на Катины губы и мучительно искал подходящее сравнение. «Ага, — нашел он, — такие губы бывают, если их мукой присыпать... Ржаной».

— Костя... Северов... — с трудом шевелились Катины губы. — Разбился... Насмерть!

Катя уткнулась лицом в промежуток между двумя жердинами и замерла. Голова ее раз вздрогнула, другой, третий.

«Северов? Разбился? — вяло подумал Юрка. — Че-пуха какая-то. Северов разбился. Ведь скажет же такое!»

— Ну чего ты плачешь? — грубовато сказал он. — Северов не такой летчик, чтобы... Он сам кого хочешь... Северов... Да не плачь ты! Слышишь?!

Юрка подскочил к Кате и дернул ее за руку.

— Северов любого фрица в щепки! — закричал он, и глаза его бешено округлились. — Не плачь, говорят! Я же летал с ним!

Юрка замолчал, попятился от Кати, упал в лужу, вскочил и, зажав рот ладонью, побежал.

Г О Р Е

Северова хоронили в Градобойцах. Под высокими, печально вздыхающими тополями вырыли могилу. Бледно-красный заколоченный гроб несли друзья-летчики. Хмурые, с сурово насупленными бровями, медленно шагали они по улице. Избы по обеим сторонам стояли притихшие. Они скорбно глядели окнами на шествие. Рядом, путаясь в ногах, трусил осиротевший Дик. Он задира морду вверх, становился на задние лапы, тонко и жалобно взвизгивал.

Далеко отстав от всех, за гробом шел Юрка. Его глаза горели на бледном, скуластом лице. Низко опустив голову, брел Юрка по дороге. Он спотыкался, ноги его заплетались, губы были плотно стиснуты.

У могилы собрался весь авиационный полк. Взвод бойцов выстроился под тополями. Ветер с хлопаньем полоскал большое красное знамя.

Юрка стоял позади летчиков и смотрел в темную глубокую яму, куда сейчас опустят его лучшего друга — Константина Васильевича Северова, летчика-штурмовика. У гроба стоял Вася-Василек, Герой Советского Союза. У него в руке на планшете лежали ордена и медали Северова. Юрка и не знал, что их было так много. Константин Васильевич никогда не носил их. Однажды Юрка спросил его:

— А чего это, Северов, у тебя орденов совсем нет? Летаешь, летаешь, самолет весь в дырках, а орденов не заработал?

Летчик улыбнулся, развел руками:

— Да-а... Тут я маху дал.

— И даже ни одной медали нет? — удивился Юрка.

— Есть... И медали и ордена, — сказал Северов. — Ну что за летчик без наград?

Юрка так и не понял тогда — есть все-таки ордена и медали у Константина Васильевича или нет.

А вон их, оказывается, сколько: орден Ленина, два ордена Красного Знамени, два «Красной звезды» и штук пять медалей.

Гроб медленно опустили в могилу. Грянул залп, другой, третий... Листья на тополях ожили, затрепетали. Командир взял горсть земли и бросил. Земля дробно раскатилась по гулкой крышке гроба.

Юрка увидел маленького техника Сашу. Он стоял у могилы на коленях и, потихоньку всхлипывая, сгребал ладонями землю в яму.

— Эх, Костя, Костя... — с болью в голосе произнес кто-то из легчиков.

И сразу заговорили все.

— Такой парень!

— Ас.

— Не надо было им бой принимать!

— Что оставалось делать? Не прими бой — всех бы, как куропаток, перестреляли... Кто был ведомый?

— Я... Бой нужно было принимать. Нас перехватили в сто третьем квадрате. Восемнадцать «мессеров». Боеприпасов в обрез, бензин на исходе. Костя говорит: идем на сближение. И радировал на аэродром, чтобы ястребков подослали... Опоздали ребята! Началась тут такая каша... На Северова надели трое. Двух он сбил, одного я пустил под откос... А их было восемнадцать.

— Ну и как его, Костю?

— В бензобак прямым попаданием... Гляжу, сближаются с «мессером». Лоб в лоб. А тут сверху спикировал на меня один. Пока с ним крутились, Костю и сбили.

— А парашют?

— Самолет вспыхнул сразу... Бак взорвался. Я видел, как отвалилось правое крыло. А больше ничего не видел. Меня подбил этот, с черной пантерой... Он, по моему, и Костю сжег.

— Командир обещал истребитель, — сказал Вася-Василек. — Найду я эту черную пантеру...

— У Кости боеприпасы кончились... Он бы не дался ему.

— Черная пантера, — повторил Вася. — Обрублю я ей хвост.

Под тополями вырос ровный земляной холмик. Техник

Саша и еще два бойца сняли с грузовика изогнутый обгорелый самолетный винт и установили на могиле. В центре винта — медная пластинка с надписью: «Старший лейтенант Северов Константин Васильевич. 5.XI.1920 — 17.V.1942 г.

Погиб смертью героя в воздушном бою!»

— На этом месте после войны памятник установят, — сказал командир полка. — Здесь похоронен герой.

Летчики, надев шлемы, двинулись к аэродрому.

— Совсем забыл! — остановился Вася-Василек. — А собака? Куда собаку денем?

Он подошел к Дик, который остервенело рыл лапами землю рядом с могилой. Дик зарычал и отпрыгнул в сторону.

— Эй, Дик! — позвал Вася-Василек. — Иди сюда, дурашка!

Дик снова зарычал. Юрка подошел к нему, обхватил руками за шею и глухо сказал:

— Не отдам!

— Собака-то не твоя?

— У меня никого нет, дядя Вася, — сказал Юрка. — Отдайте Дика... А?

Летчик с грустью смотрел на перепачканного желтой землей Юрку и овчарку. Дик не рычал. Он лег у Юркиных ног и положил морду на ком земли.

Видно, привыл он к этому большеглазому мальчишке. Попробуй заново приучать собаку. До дрессировки ли тут? На дню по два — три вылета...

— За собакой ухаживать надо.

— Буду.

— Ты знаешь, Дик летал с ним на «ИЛе».

— Я тоже люблю Дика.

— Как ребята, — сказал летчик. — Я поговорю.

Вася-Василек ушел. Юрка и Дик долго еще сидели на холодной земле. Над головой тихо покачивались зеленые метелки тополей. Сырой тяжелый запах глубинной земли перемешался с терпким ароматом молодой листвы. Сказали бы сейчас Юрке: полезай в яму, и тебя закопаем, он, ни слова не говоря, полез бы. Пускай закапывают. Второй раз на своем коротком веку испытал Юрка большое горе. Мать... и вот друг Северов. Еще совсем недавно они из одной бутылки пили березовый сок. Северов прутиком рисовал на черном песке самолет...

И снова, уже в который раз, казня себя, припоминает последние минуты перед смертью Северова. . . Невысокий, в кожаной куртке, стоял он у порога и держался рукой за расшатанную ручку двери. Шрам белой змейкой спу­скался к подбородку. Карие глаза внимательно смотрели на Юрку. . . «А я думал, ты настоящий парень. . .»

Юрка застонал и, скрипнув зубами, уткнулся горячим лицом в короткую шерсть Дика. Умер Северов. . . Умер, не простив Юрку! Ведь Северов так и не узнал, что Юрка не по доброй воле украл эти сухари и проклятые кубики с какао!

Юрка вдруг со всей отчетливостью представил Гришкино круглое белоглазое лицо с лишаями. . .

— Гад! Гад! — хрипло сказал Юрка. — Это ты. . . Ты!

Дик зашевелился и, обдав лицо горячим дыханием, лизнул Юрку в ухо.

— Ну, Ангел! — Юрка поднялся. — Посчитаемся. . .

Убыстряя шаги, он пошел по тропке. В кулаках за­жаты две горсти желтого могильного песку. Песок на штанах, фуфайке, сапогах. Вгорячах Юрка даже забыл про собаку. Дик еще с минуту постоял возле могилы, провожая его взглядом. А когда Юрка свернул с тропин­ки на дорогу, тихонько заскулил и, перемахнув через могильный холм, потрусил за ним.

СХВАТКА ЗА ОКОЛИЦЕЙ

Ангела долго искать не пришлось. Он бродил возле Юркиного дома и тихонько насвистывал. Из кармана порванного пиджака торчал козырек кепки. Темная ко­роткая челка косо спускалась на Гришкин лоб. Увидев Юрку с собакой, он остановился.

— Чей это зверь? — спросил он.

Юрка смотрел на Ангела и угрюмо молчал.

— Потолковать бы надо, — сказал Гришка.

— Машину обчистить?

— Дело есть. . . — уклончиво ответил Ангел.

— Говори.

Гришка посмотрел на дорогу. Навстречу им, гремя пустыми ведрами, шла женщина. За ней виднелись еще люди.

— Прогуляемся? — предложил Ангел.

В другое время Юрка Гусь вряд ли согласился бы идти с ним далеко от изб, но сейчас было на все наплевать. А потом ему тоже хотелось кое-что сказать Ангелу.

— Пошли, — сказал Юрка.

Ангел впереди, за ним Юрка, направились к околице, сразу за которой начинался высокий сосняк. Дик потрусил за ними. Гришке это не понравилось. Он остановился, поднял с дороги камень.

— Эй, псина, поворачивай оглобли! — крикнул он и размахнулся. Дик, вздыбив загривок, зарычал. Ангел растерянно опустил руку. Камень гулко стукнулся о землю.

— Никак бешеный!

Юрка чуть приметно усмехнулся.

— Боишься?

— Я? Боюсь? — Ангел захохотал. — Жалко, под рукой нет подходящего дрына... Я бы ему живо ребра пересчитал!

— Полегче, — сказал Юрка.

Настроение у Гришки упало. Он часто оглядывался назад — не идет ли кто за собакой.

Дорога сразу за околицей сделала крюк, и они вышли к лесу. На пригорке стояли сосны. Это здесь месяц назад Ангел вырыл в снегу окопчик. Снег растаял, а от окопчика на земле остались пожелтевшие сосновые ветки. Сквозь них проросла молодая трава.

Ангел присел на черный, заплесневелый пенёк. Юрка, засунув кулаки в карманы, остановился напротив.

— Ну? — сказал он. — Чего ты хотел?

Ангел вытащил из-за пазухи начатый круг сухой колбасы, с хрустом отломил порядочный кусок и протянул Юрке:

— Кусай.

Юрка, не изменяя позы, покачал головой.

— Богато живешь? — насмешливо сказал Ангел и, покрутив колбасу за веревочку, бросил Диду.

— Ангел, — негромко сказал Юрка, — уходи...

— Что?! Ты что-то сказал, или мне показалось?

— Уходи!

— Так... — сказал Ангел. — Я хотел с тобой по-хорошему. А ты, поганка...

Он стремительно шагнул к Юрке и — раз-раз! — хлестнул его по щекам.

— Прибавки хочешь? Подставляй котелок...

Юрка совсем близко увидел бешеные глаза Ангела, белые сухие пятна на щеках. Маргаритка говорит, что это лишай...

— Ты уйдешь отсюда, — упрямо сказал Юрка и прищурился, ожидая удара. Ангел ударил наотмашь по правой скуле. Глазу сразу стало горячо. Гнев толчками шумел в голове, кулаки окаменели.

— Заткнулся? — удовлетворенно сказал Ангел и круглые лишай на его щеках задвигались, показались желтые нечищенные зубы. — С Ангелом шутки плохи...

Он не договорил. Юрка изо всей силы ударил. Гришкино лицо перекошилось, голова резко мотнулась назад, нижняя губа отвисла, а между зубов выступила кровь.

— Ай да Гусь! — криво усмехнулся Ангел. — Мальчику просто надоело жить... Мальчик хочет бай-бай!

Гришка ощупал губу, кровью сплюнул и рукавом обтер рот. Голос у него был спокойный. Ангел знал, что Юрка в его руках, и не спешил.

— Из гада рыбину не сделаешь, — говорил он. — А ну-ка, Гусь, развернись, покажи твои перышки...

Ангел пошевелил плечами, со свистом втянул сквозь зубы воздух и ударил. Юрка отлетел назад и, не удержавшись на ногах, упал в пыль. Ангел поставил колено ему на грудь.

— Мальчику не удобно? — спросил он, снова замахиваясь. — Получай, мальчик!

Юрка выбросил вперед руку, но до Гришкиного лица не достал. Уклоняясь от ударов, он вертелся на земле, как ящерица. А Ангел, тяжело придыхая, гвоздил и гвоздил Юрку тяжелыми кулаками. Дик стоял на обочине дороги и переводил взгляд с пахучего куска колбасы на дерущихся ребят. Он уже успел привыкнуть к частой возне Юрки, Маргаритки и Северова и не подозревал, как сейчас тяжело приходится его другу.

А Юрка совсем забыл про Дика. Все еще валяясь на земле, он молча ногами отбивался от Ангела.

— Проси, Гусь, пощады, а то убью! — нагнулся к нему остервеневший Гришка.

Юрка изловчился и сильно толкнул его в живот ногой. Ангел сел на землю, сморщился и не спеша достал

из-за голенища маленькую финку с разноцветной наборной ручкой.

Юрка, не отрывая взгляда от блестящего изогнутого лезвия, задом пополз по дороге. Ангел встал и поднял руку...

Но удара не последовало. Раздался пронзительный крик, финка вылетела из рук Ангела и воткнулась в землю у самых Юркиных ног. Дик впился клыками в Гришкину руку и потянул ее вниз. Ангел рухнул на дорогу и, извиваясь, пытался стряхнуть с себя овчарку. Свободной рукой он хватал землю, колотил собаку по голове, но Дик не отпускал. И тогда Гришка Ангел закричал тонко и жалобно, как раненый заяц. Ноги его в пыльных хромовых сапогах царапали землю, голова моталась из стороны в сторону.

Юрка с трудом поднялся. Загрел сапогами пыль, подошел к Ангелу. Вот он, враг, лежит на земле и корчится от боли. Глаза вылезли на лоб, белки порозовели, нижняя губа вздулась. Что, Ангел, не нравится?

— Отпусти, — Юрка погладил взъерошенного пса.

Овчарка нехотя разомкнула челюсти и, возбужденно дрожа, стала настороженно смотреть на Гришку.

— Паскуда, сволочь, — сказал он, ощупывая запястье.

— А теперь давай винты отсюда, — угрюмо сказал Юрка. — По-быстрому!

Ангел встал, задрал рукав пиджака и, припав губами к укушенному месту, стал высасывать кровь.

— Бешеный, — сплевывая, сказал он.

— Еще раз сюда придешь — натравлю, так и знай! — Юрка положил руку на голову Дика. — Разорвет.

Ангел молча высасывал кровь. Пиджак его под мышкой лопнул, на темной челке — дорожная пыль. Он попытался было припугнуть Юрку.

— Ну, Гусь...

Юрка, насмешливо глядя ему в глаза, сказал одно слово:

— Дик!

Ангел сдался.

— Ладно, я уйду, — вяло сказал он. — Только придержи этого зверя... А то снова вцепится.

Гришка осторожно сделал несколько шагов. Возле торчащей из земли финки остановился, хотел поднять, но Дик зарычал. Ангел шарахнулся в сторону и, больше не оглядываясь, зашагал по дороге прочь от деревни, в лес.

Дик подошел к финке, обнюхал ее и повернул голову к Юрке — дескать, что с этой штукой делать: взять ее или здесь, на дороге, оставить? Юрка выдернул из земли финку и посмотрел на свет сквозь прозрачную, составленную из разноцветных кусочков плексигласа ручку.

— Была ваша — стала наша... Мальчик! — передразнивая Ангела, сказал он и сунул финку за голенище сапога.

С аэродрома донесся гул моторов. Сосны, что стояли по обеим сторонам большака, вздрогнули и снова застухли. За спиной что-то гулко треснуло, словно на сучок кто-то наступил; уж не Ангел ли? Но Юрка даже не оглянулся. Теперь сам черт не страшен. Он опустился на колени рядом с Диком, взял его голову в руки и звучно поцеловал в шершавый холодный нос.

БЕРЕЗА У МОГИЛЫ

Погода стояла летняя, и знойное небо дрожало от самолетного гула. Над аэродромом изредка пролетали на большой высоте немецкие разведчики. Они напоминали маленькие серебряные кресты. Самолет пролетел,

а в небе, расплзаясь вширь, долго висел рыхлый белый след.

Юрка от летчиков слышал, что этот след образуется в разреженном воздухе. Стоит самолету опуститься пониже, и следа не будет.

В Градобойцах распустилась сирень. Ветви, отяжелевшие от гроздьев, перевалились через жерди низких палисадников. Вечерами, когда становилось прохладно, тонкий запах сирени ощущался особенно остро. Цветы никто не рвал, и сирень все ниже опускала ветви к земле. Машины, проезжая мимо, поднимали пыль. Серая занавеска долго висела над дорогой. К вечеру сирень становилась рыжей. А утром, обильно умытая росой, снова празднично зеленела.

Хорошая погода стояла на дворе, а Юрка Гусь не находил себе места. Разделяя тоску, верный Дик неотступно следовал за ним. Грустный стал Дик. Он часами лежал у Юркиных ног, уткнув морду в лапы. Иногда он вздрагивал и тихонько скулил. А то, близко сдвинув на переносице карие глаза, грозно рычал, показывал страшные клыки. Не на Юрку рычал, а на кого-то другого, невидимого. Наверное, на фашиста, который сбил Северова...

Рита не одну ночь всхлипывала на кухне за занавеской. Утром глаза ее были опухшими и красными. У нее все валилось из рук. Гороховый суп почти весь выкипел. Тарелки и ложки падали на пол, когда она накрывала стол. Каждый раз, когда что-то падало, Дик нехотя поднимался и обнюхивал.

После обеда Рита не стала посуду мыть. Раскрыла книгу и уткнулась в нее.

«Читает... — с раздражением подумал Юрка. — Северова нет... а она читает».

— Брось, — сказал он.

Рита не пошевелилась, будто и не слышала. Юрка сорвался с места, подскочил к ней и вырвал книгу.

— В печку! — крикнул он, размахивая кулаком.

— Спички на шестке, — сказала Рита.

Плечи у Риты опустились. Она отвернулась к окну и стала водить по стеклу пальцем.

И Юрка остыл. Повертев в руках книгу, он захлопнул ее и положил на подоконник.

— Это я... так, — сказал он. — Читай, если хочешь.

Рита взяла книгу и, не глядя на Гуся, стала листать.
— Читай, — повторил Юрка.
— Когда ему памятник поставят? — спросила Рита.
— Война кончится — и поставят.
— Он герой. Ему обязательно памятник поставят.
— Угу, — сказал Юрка. — Только ему наплевать на памятник — мертвый ведь.
— И ограду поставят, — сказала Рита. — Я буду цветы на могилку носить.
— Нужны ему твои цветы!
— И птичкам корм буду давать.
— Каким птичкам? — стал злиться Юрка. — Давай о другом говорить.
— Ладно, — согласилась Рита. — О чем же?
— Уйду я отсюда, — сказал Гусь. — Как увижу летчиков, так... Уйду!
— А где этот тип с лишаями? Ну, который еще снег в окно бросал?
— Ангел? — нахмурился Юрка. — Нет его. Испарился.
— К бабушке Василисе пойдешь?
Юркино лицо подобрело. Он посмотрел на Дика и сказал:
— А не прогонит она меня с ним?
Рита не успела ответить: в сенях послышались шаги, распахнулась дверь и в избу вошли два летчика. Юрка хорошо знал Васю-Висилька. Второго не знал. Он сразу догадался, зачем они пришли. Он знал, что они придут. И все-таки побледнел.
Вася-Василек за руку поздоровался с Юркой, улыбнулся Рите:
— Чаем, хозяйка, угостишь?
— Угощу, — сказала Рита и юркнула за занавеску.
Летчики уселись за стол. Переговариваясь, поглядывали на Юрку, Дика. Чернявый, с обожженной щекой, особенно внимательно разглядывал Дика.
— Добрый пес, — сказал он.
Юрка промолчал.
— Эй, Дик, — позвал чернявый, — ко мне!
Дик поднял морду и угрюмо взглянул на него.
— Встать! — приказал чернявый.
Дик стриганул ушами и заворчал.
Чернявый повернулся к Васе-Васильку:

— А ты говорил, ученый... Он простой команды не понимает.

— Он тебя не знает, — сказал Вася-Василек. — Грош бы ему цена была, если бы он любого слушался...

Вася-Василек достал из кармана пакет, развернул и протянул Дик укус вареного мяса:

— На, Дик.

Дик подошел, осторожно взял клыками мясо, хамкнув, проглотил. Вася-Василек погладил его и ласково сказал:

— Лежать, Дик.

Дик смотрел ему в глаза и стоял.

— Лежать! — повысил голос Вася-Василек.

Дик боком отошел от него и сел.

— Лежать, лежать!

Дик приподнял черную верхнюю губу, сморщил нос и показал клыки.

— Ученый, — усмехнулся чернявый.

— Вот какое дело, Гусь, — сказал Вася-Василек. — Мы тут посоветовались и решили овчарку взять. Она состоит в полку на довольствии. Будет при кухне.

— Пищевлок сторожить, — прибавил с обожженной щекой. — О чем толковать? С этим зверем взрослому-то не справиться, — а тут мальчишка... Забираем.

Юрка стало жарко. Сейчас пристегнут к ошейнику плетеный поводок и — прощай Дик! Что же делать?

— Дядя Вася, — всем телом повернулся Юрка к летчику, — он ко мне здорово привык... Он меня слушается!

— Ну, если слушается, — подмигнул Васильку чернявый, — то другое дело... Может быть, малыш, ты нам продемонстрируешь свое умение?

Юрка растерянно замолчал. Теперь все пропало. С какой стати Дик его будет слушаться?

— Начинай, — сказал чернявый. — Будет пес тебя слушаться — твой. Нет — забираем. Договорились, малыш?

Это был последний и один-единственный шанс. И Юрка решился.

Он подошел к Дик, прижался к его морде щекой и прошептал: «Дик, ну, Дик?»

— А что я ему должен говорить? — спросил он.

— Подавай команды, — сказал чернявый.

Гусь потерся щекой о морду собаки, погладил и ото-

шел к порогу. Дик (он все еще сидел недалеко от ножки стола) проводил его взглядом.

— Ко мне, Дик! — сглотнув слюну, позвал Юрка.

Овчарка внимательно смотрела на него, но с места не двигалась. «Эх, Дик, — с болью подумал Юрка. — Ну, что же ты?» И снова позвал, вернее, не позвал, а попросил:

— Дик, ко мне.

Юрка не верил своим глазам: овчарка встала, подошла к нему и села у левой ноги.

Летчики переглянулись. Чернявый потер обожженную щеку и сказал:

— Это случайно... А ну, подай другую команду.

— Лежать! — ликуя, произнес Юрка. Он теперь был уверен, что Дик сделает все, что он ни попросит.

Дик лег, выбросив вперед сильные лапы.

— А теперь какую? — обернулся счастливый Юрка к летчикам.

Он повторял за чернявым самые различные служебные команды, и Дик четко выполнял их. Радость захлестнула Гуся. Страх прошел, и голос его звенел на всю избу. Рита давно налила чай в стаканы и, забыв про гостей, изумленно смотрела на Юрку и Дика. Дик вошел во вкус и по первому приказанию охотно бегал, ползал, лаял, приносил аппорт, охранял вещи.

— Пошли его в военторг за папиросами, — сказал чернявый, — да смотри, чтобы сдачу принес...

Летчики рассмеялись.

— Что ты будешь делать с ним? — спросил Вася-Василек. — Одному не прокормиться, а с овчаркой совсем пропадешь.

— Он кости любит, — сказал Юрка. — Я буду в столовой брать кости.

— А хлеб, мясо?

— Накормлю.

— Дик мало ест, я знаю, — ввернула Рита.

— Говорю, не пропадет, — сказал Гусь. — Свой обед отдам, а голодать не будет.

— Ты выиграл, малыш, — сказал чернявый. — Дик — твой. Но если будет с едой туго, — не губи собаку. Сразу приводи к нам.

— Идет, — кивнул Юрка. А про себя подумал: «Как же, приведу. Мой Дик!»

— Приходи в столовую за довольствием, — сказал Вася-Василек. — Котелок у тебя есть?

— А у вас кашевар не жадный? — спросил Юрка. — Даст?

— Бери котелок побольше.

Летчики выпили по два стакана чаю, поблагодарили.

— Хочешь, я тебя на штурмовике прокачу? — предложил чернявый Юрке.

— Я с Северовым летал, — сказал Гусь. — Вот был летчик!

— Как хочешь, — усмехнулся чернявый. — Ну, будь здоров, малыш.

Они ушли. Юрка гладил Дика и размышлял: почему чернявый летчик все время усмехается? Слово скажет и сразу усмехнется. А вообще он, видно, мужик хороший. Где это его так крепко обожгло? В самолете, наверное. И Вася-Василек хороший. Только он совсем на летчика не похож. Какой-то стеснительный, как красна девица. И глаза у него синие, девичьи, и румянец все время играет на щеках, — все и зовут его Вася-Василек. Имя совсем для летчика, да еще Героя Советского Союза, неподходящее. Это он на земле такой. . .

Хороший народ летчики. Но уходить надо. Работы на аэродроме закончились. Ничего больше копать не надо. Солнце высушило всю воду. На летном поле выросла высокая редкая трава. Когда издали смотришь на взлетающий самолет, то кажется, что он по ржаному полю бежит. Трава стелется позади самолета, волнами разбегается вокруг. Летчики сбросили толстые меховые куртки и надели легкие кожаные. И унты сняли. Пришло лето. Жарко на земле. А в небе никогда не бывает жарко. Там прохладно. И чем выше, тем холоднее. А если подняться совсем высоко, куда штурмовики не поднимаются, там в любую жару — мороз. Это техник Саша говорил. Юрка встретился с ним на могиле Северова. А потом они пошли на аэродром. Саша готовил к вылету штурмовик, а Юрка подавал инструменты. Самолет был новый. И летчик летал на нем молодой, незнакомый. Только что прибыл из авиационного училища. Высокий, с длинным носом и огромными ступнями. Таких больших ног Юрка еще ни у кого не видел. Он спросил Сашу, какой размер обуви носит летчик. Саша сказал, что «сорок последний». И еще спросил Юрка: как этот лет-

чик, ничего парень? Саша пожал плечами и неохотно сказал:

— Поживем — увидим.

О Северове Саша мог рассказывать часами. А Юрка мог слушать сколько угодно. Он слушал Сашу и гордился другом.

Катя на другой же день после похорон ушла из Градобойцев. Юрка проводил ее до леса. Лицо у Кати побледнело, осунулось, а черные глаза вроде бы еще больше почернели. В них была такая боль, что Юрка не решился первый заговорить с Катей. Они молча миновали мост. Речка была в этом месте мелкая и дно просвечивало. Круглые камни, ржавые железяки усеяли речку. А рыбы не видать. Даже мальков. За мостом на пригорке стояли березы. А дальше — околица.

— Я пойду, — сказал Юрка.

Катя остановилась, как-то странно посмотрела Юрке в глаза и сказала:

— Ежик, зачем ты меня познакомил с ним?

Юрка растерялся. Он даже сразу не нашелся, что ответить.

— Он про тебя все время спрашивал, — немного погодя сказал он. — Интересовался.

— Почему так случилось? Почему?!

— Снарядом в бак, — сказал Юрка.

— Ежик, ты не будешь летчиком. . .

— Буду, — сказал Юрка.

Катя нагнулась, в губы поцеловала Юрку. И быстро зашагала по тропинке мимо берез, кустов.

— Он сказал, что ты красивая, — вдогонку сказал Юрка. Но Катя не остановилась. Наверное, не слышала.

Ушла Катя. И Юрке нужно уходить. Он вспомнил, как они ходили за березовым соком, как их обстрелял «юнкерс». Чудак все-таки Северов. Гладил березу и что-то толковал про скворцов. Поют, говорил, хорошо они. И когда утром под окном береза шумит, тоже хорошо. . .

Вернувшись домой, Юрка отыскал в сарае ржавую лопату. Хотел один уйти, но раздумал. Остановился на пороге и сказал Рите:

— Эй, пойдём в лес.

Он почему-то никак не мог назвать ее по имени, хотя

и чувствовал, что такое обращение, как: «Эй! А ну-ка ты, послушай!» обижают девочку.

— В лес? — удивилась она. — Думаешь, грибы поспели?

— Эти... цветочки Северову.

— Цветы руками рвут, — сказала Рита. — Зачем лопата?

— Пойдем, — сказал Юрка.

Трещинка на березе почернела. По краям ее желтыми бугорками затвердел сок. На том месте, где была бутылка, высоко поднялась трава. Северов стоял вот тут и гладил ствол. А вон на той лужайке их обстреляли.

— Здесь что-то цветов не видно, — осмотревшись, сказала Рита. — Я пойду подальше.

— Скажи, красивая эта береза? — спросил Юрка, разглядывая ствол.

— А ты слепой?

— Красивая, — сказал Юрка. — Ее без трактора не дотащишь. . .

Он подошел к другой, молодой тонконогой березке и покачал ее за ствол. Листья вздрогнули.

— Шумит, — сказал Юрка и, поплевав на ладони, с маху вонзил лопату в твердый дерн.

Выкопать березу оказалось делом нелегким. Она успела глубоко врасти в землю. Стряхнув с корней лишнюю землю, Юрка взвалил дерево на плечо.

— А цветы? — спросила Рита.

— Бери лопату и пошли, — скомандовал он.

Березу посадили рядом с могилой.

— Полить надо, — сказал Юрка и стал озираться: нет ли рядом подходящей посуды. Ничего не увидев, он стащил с головы подаренный Северовым шлем и спустился вниз к речке.

Шлем был кожаный и вода из него не вытекала. Раз пять спускался Юрка к речке за водой. Рита, присев на корточки, ладонями разравнивала вокруг березы сырую желтую землю.

— Огромная вырастет, — сказал Юрка. — Ни одного корня не повредил. . . После войны я сюда скворечник приколочу. В нем будут скворцы жить и чвирикать. . . Он говорил, что любит, когда скворцы чвирикают.

Они долго сидели рядом и смотрели на речку, что плескалась внизу в пологих берегах. Три больших утки полоскали широкие клювы в затянутой ряской воде.

Молодая береза расправляла на вешнем ветру ветви.

ЗДРАВСТВУЙ, БАБКА ВАСИЛИСА!

Юрка нашел Семена за гаражом. Шофер в синих галифе и сапогах лежал на траве. Солнце пекло выпуклую грудь. Лицо было прикрыто пилоткой. На плечах и руках синей тушью были выколоты самолеты, пропеллер и орел с синей женщиной в синих когтях.

Юрка обошел Семена кругом, присел на корточки; интересно, на спине тоже что-нибудь нарисовано? Ему больше всего понравился самолет. Орел тоже ничего, но вот женщина совсем уж ни к чему. А потом, разве орел сможет поднять этакую толстую тетю?

Грудь шофера вздымалась, он, наверное, задремал. Юрка сорвал зеленую былинку и пощекотал ему нос. Нос сморщился, задвигался, но не чихнул. Семен головой подбросил пилотку, и два дремотных черных глаза уставились на Юрку.

— А-а, это ты, Огурец, — заулыбался Семен. — Молодец, что не забываешь.

— Выколи и мне такой самолетик, — попросил Юрка. Шофер покосился на свое плечо.

— Не надо, — сказал он. — Пакость это... Да и больно.

— Не бойся, пищать не буду, — сказал Юрка. — Орла с бабой не надо, а самолет наколи.

— Говорят, пакость это... Я бы с удовольствием избавился, да вот беда — намертво въелось.

— Жалко?

— Отстань, Огурец, не умею я.

— Ты только нарисуй мне, а я разведу в кипятке сажу и сам иголкой наколю.

— Вот привязался, — рассердился Семен. — Дураки этим делом занимаются!

— И ты дурак? — усмехнулся Юрка.

— Дурак... был, — сказал Семен и перевернулся на живот. На спине наколок не было.

Юрка сбросил с себя гимнастерку, расстелил ее (он боялся муравьев) и улегся рядом. Сразу за гаражом, расположенном в сосновом перелеске, начинался заливной луг. Он спускался к реке и продолжался на том берегу до соснового бора. Трава на лугу росла высокая, сочная. Круглые головки куриной слепоты сияли желтыми светлячками. Зеленые, еще не распутившиеся бутоны белой ромашки упруго раскачивались на тонких длинных стеблях. Над лугом висели маленькие жаворонки и, трепеща крыльями, свистели в свою звонкую свирель. Над речкой низко шли редкие облака. Солнце свободно просвечивало сквозь них и от облаков на луг падали быстро бегущие тени. И если бы не гул моторов и не острый запах бензина, — ничто бы не напоминало войну.

Юрка дотронулся рукой до густых черных волос цыганистого Семена и спросил:

— Когда на станцию?

Семен, по-узбекски подобрав под себя ноги, уселся

на примятой траве, закурил. Запах бензина смешался с запахом крепкой махорки. На аэродроме взвыл мотор. Сейчас штурмовик выйдет на взлетную дорожку. Над соснами повиснет тусклая ракета — и пошел! Когда самолетный рев на миг оборвался, в небесной синеве вновь послышался чистый звон жаворонка.

— После обеда, — сказал Семен и посмотрел на часы. — А точнее — через полтора часа. Устраивает?

— Ага, — кивнул Юрка.

— Бабку проведать? — помолчал, спросил Семен.

— Ты знаешь, я совсем отсюда.

— Что так? — Семен быстро взглянул на Юрку и пилоткой смахнул с плеча черного кузнечика.

— Делать здесь больше нечего, — неуверенно сказал Юрка. — А потом...

— Что потом?

Юрка сорвал крупный стебелек кислицы и стал жевать. Во рту стало кисло, но он жевал, пока скулы не свело.

— А ты, когда вздумаешь, заезжай ко мне, — сказал Юрка. — Ладно?

— Хочешь, я с завгаром поговорю, — подышет тебе работенку в гараже?

— У меня собака, — сказал Юрка. — Ученая. Овчарка, зовут Дик.

— Зачем тебе собака?

— Она у меня все понимает. Что скажу — все делает.

— А как она жрать?

— Больше пуза не съест, — резонно заметил Юрка.

— Это да, — засмеялся Семен. — Гляди, как бы она тобой не позавтракала. Здоровая, говоришь?

— Во-о, — показал Юрка себе на грудь. — Как теленок.

— Так как насчет гаража-то, а? — опять спросил Семен.

Юрка выплюнул изжеванный стебель, поднялся. Натянул на горячие плечи гимнастерку. На голову надел шлем.

— Пойду я, — сказал он. — Надо пожитки собрать.

— Шлем-то сыми — жарко. — Семен снова улегся на траву и лицо пилоткой прикрыл.

— Я тебя на дороге буду караулить, — сказал Гусь. — Гляди не проскочи мимо, ладно?

Семен ничего не ответил. На его пилотку снова вспрыгнул кузнечик и засучил длинной ногой.

Юрка подождал немного: Семен лежал и не шевелился. Видно, опять задремал.

... Семен что-то долго не ехал. Юрка присел на тугой вещевой мешок и задумался. Четыре месяца пробыл он в Градобойцах. Намахал лопатой снега, наверное, с пятиэтажный дом. Сначала было лихо. А потом привык. Вон они, трудовые мозоли на руках. И с Маргариткой последнее время перестал ругаться. В мешке у него лежит книжка «Айвенго». Про рыцарей. Это Маргаритка подарила. Начни читать, говорит, не оторвешься... Надо будет прочитать. Да, а что это она еще завернутое сунула?

Юрка не поленился развязал мешок и достал сверток. Развернул и удивился: в свертке лежала синяя майка и черные трусы. Маленькие, как раз его размер. Так вот, значит, что два дня подряд шила за занавеской Маргаритка! А он ей ничего не подарил. Нет у него ничего. Как говорится, вошь в кармане да блоха на аркане. Неудобно получается: ему одежду, книгу, а он — фигу...

Фыркнула машина. Юрка поднял голову: бензовоз! Но машина не затормозила, прошла мимо. В боковом опущенном окне кабины он увидел широкое большеносое лицо. Шофер смотрел вперед и делал вид, что не замечает Юрку. Это Егор из отделения Семена. Он в жизнь никого не посадит. Уж такой он человек. А с виду добряк, каких поискать, — лицо добродушное, веселое. Все время балагурит. А в гараже его никто не любит. Семен называет его кулаком.

На дороге показался второй бензовоз. Это Семен. Юрка свистнул Дика. Пес перемахнул через жидкий плетень и в несколько прыжков оказался рядом.

Юрка искоса взглянул на дом. На крыльце стояла Маргаритка. Она покусывала кончик своей толстой косы.

— Ай да пес! — сказал Семен, открывая дверцу кабины. — Куда мы его посадим?

— В кабину, — сказал Юрка.

— Ничего себе пассажир. — Семен сдвинул пилотку на затылок, махнул рукой: — Садись!

Юрка забрался в кабину, за ним Дик. Тут к бензовозу подбежала Маргаритка и, взмахивая длинными ресницами, сказала торопливо:

— Мы с папой тоже скоро вернемся на станцию... Он еще с месяц поработает — и домой. Ты, Юр, приходи к нам с Диком. Я ему корм буду давать. — Маргаритка разжала маленький кулак и протянула Диду на ладони кусок сахара.

— Я ему овсяную похлебку буду варить, — прибавила она.

Юрка степенно молчал. При Семене ему казалось неудобным разговаривать с девчонкой. Мало ли чего подумает. А ему на нее наплевать. Что есть Маргаритка, что нет ее, — все одно. Конечно, борщи она вкусные умеет готовить, и вообще по хозяйству у нее здорово получается, но зато язык — пропеллер. Ей слово — она пять. Да все ехидные... Правда, последнее время они перестали ругаться, но все равно Юрка девчонку не любит и с ними по-настоящему дружить нельзя. Вот Стаська — это да! Это человек. Давненько они не виделись.

— Трогай, — сказал Юрка Семену. — Чего стоим?

Семен хитрыми черными глазами прищурился на Маргаритку, улыбнулся:

— Куда спешить? Успеем.

— Вот человек рассуждает! — потрянул головой Юрка (он старательно избегал смотреть на Маргаритку). — А штурмовики? Они тебя ждать будут, да?

— До свидания, Дик, — сказала Рита.

Юрка не оглядывался, но знал, что Маргаритка стоит на дороге, покусывает кончик косы и смотрит вслед. Он не вытерпел и высунул голову в полуопущенное окно: за бензовозом стояло плотное пыльное облако. Оно заволочло не только Риту, но и дом, в котором Юрка прожил несколько месяцев.

Когда проезжали мимо могилы Северова, Юрка посмотрел на свою березку. Рядом с высоченными тополями она казалась особенно тоненькой и хрупкой. На могильном холме щедро рассыпана сирень. Это Катя принесла. Такую даль пришла!

Семен смотрел на дорогу и молчал. Его большая загорелая рука делала незаметное движение, и машина плавно поворачивала, следуя всем изгибам узкой выби-

той дороги. Иногда сильно встряхивало, и Юрка ожидал, что еще толчок — и он головой пробьет железный верх кабины.

Сосны, сосны. Снизу они заросли грубой замшелой корой, а ближе к вершинам кора все тоньше, краснее. Стволы прямые, как на подбор. Нижние ветви отмерли и сами собой отвалились. А верхние шумят, качаются высоко-высоко. Если на такую сосну забраться, то можно всю округу верст на десять обозреть. Говорят, что немцы в этот сосновый бор диверсантов забрасывают: они ночью на парашютах спускаются, а потом бродят по лесам, ищут склад боеприпасов. Одного женщины-колхозницы в риге обнаружили. Диверсант, зарывшись в солому, спал. Его привели в штаб, в Градобойцы. Сначала он отпирался, говорил, что корову искал и заблудился, а потом все рассказал.

Семен подвез Юрку к самому дому.

— Надумаешь в гараж, — знаешь, где меня найти. — Он еще что-то хотел сказать, но Юрка уже захлопнул дверцу.

— Ладно, — сказал он. — Найду.

Когда машина тронулась, Юрка спохватился и крикнул:

— Эй, Семен, пока!

Бензовоз завернул возле четырех сосен и покатил в перелесок, на склад. А Юрка с мешком в руках стоял на дороге и с тревогой смотрел на старый бабкин дом. Раз стекла целы, — значит, бабка жива и здорова. Сквозь изгородь виднелись грядки. На них топорщился лук, качался высокий укроп. За грядками цвела картошка. Дик подошел к изгороди и стал обнюхивать запыленную траву.

Юрка несмело толкнул расшатанную калитку и вошел во двор. Ноги сами побежали по тропинке к крыльцу. В сенях в нос ударил запах керосина. Дверь в избу была открыта. Юрка перешагнул через порог и увидел бабку Василису. Она стояла на коленях перед табуреткой и лила из бидона желтую маслянистую жидкость в керосинку.

— Здравствуй, бабушка, — негромко сказал Юрка и облизнул губы.

Бабка поставила круглый бидон на пол, тяжело поднялась и посмотрела на Юрку.

— Керосин-то давнишний, — сказала она, — не знаю, будет ли гореть...

— Я тебе авиационного бензина достану — хоть залейся!

Юрка брякнулся на колени, развязал мешок и протянул бабке две буханки белого хлеба и кулек сахару.

— Это к чаю, — сказал он. — А хочешь, ешь сейчас — у меня еще сухари есть... — Он пододвинул мешок к бабке: — Бери. Это все тебе. Заработал.

На пороге появился Дик. Он, вытянув морду, стал втягивать воздух в себя.

— Это мой Дик, бабушка, — торопливо сказал Юрка. — Он ученый. Смотри, какие он штуки делает... Дик, голос!

Овчарка, не обращая внимания на Юрку, подошла к бабке и понюхала ее руку.

— Пошел вон из избы! — замахнулась бабка.

Дик шарахнулся к порогу. Юрка схватил его за ошейник и, повернув расстроенное лицо к бабке, сказал:

— Он умный, бабушка. Он мне как друг. Это Дик. Он ничего со стола не берет. Он ученый.

Но бабка уже забыла про Дика.

— Небось, голодный? — хлопотала она. — Ужо чайку тебе разогрею. Попьем с сахаром. Вроде росточком-то повыше стал. И лицо сурьезное. Жить у меня будешь? Али проведать зашел?

Юрка не успел ответить. Громкий лай, фыркание и шипение наполнили избу. Это состоялось знакомство Дика с Белкой.

— На что нам собака? — говорила бабка. — Кошка хоть мышей ловит, а собака? Да еще такая большенная. Она, небось, прорву сожрет. Караулить нас от воров неча. Зачем она?

Юрка с Диком вышел на крыльцо. У него было легко на душе, словно после долгой разлуки он вернулся в родной дом. Это чувство было новым, незнакомым. Уж сколько времени Юрка не знал, что такое родной дом. А с Диком обойдется. Бабка добрая. Не прогонит. Вот только надо собаку с кошкой примирить. А то будут царапаться...

— Гляди-ка, мать честная, Гусь заявился! — услышал он удивленный возглас.

У забора стоял рыжий Жорка и, прижав конопатый нос к жердинам, глядел на Юрку.

ФЛАГ НАД БАШНЕЙ

Напротив бабкиного дома стоит водонапорная башня. Василиса говорила, что с этой башни можно край света увидеть. Башня до половины сложена из серого, грубо отесанного гранита, а выше — из кирпича. Крыша обита красным железом. На крыше еще одна маленькая башенка с трубой. На трубе флажок — флюгер. Куда подует ветер, туда и повернется флажок. В любое время из окна можно определить направление ветра.

Летом крыша нагревается и воздух над башней струится, дрожит. И облака, которые проплывают мимо, тоже дрожат. Если подойти к самой башне и посмотреть вверх, то кажется, что башня валится набок. В жаркий день в расщелинах между гранитными плитами прячутся небольшие крепкие жучки. У них цепкие лапы и длинный нос. Сельские ребята называют их слониками. За час можно прутом наковырять целый спичечный коробок. А потом начинается игра: каждый выбирает слоника покрупнее и дает ему попробовать поднять щепку. Сначала полегче, а потом все тяжелее. Победителем считается тот, чей слоник поднял самый тяжелый груз.

Ребята лежали на траве около башни и испытывали силу своих слоников. Солнце нещадно пекло их макушки, грело через рубахи тело. Юрке надоело возиться с цепкими жуками, но все равно делать было нечего, и он играл, лениво перебрасываясь словами со Стасиком.

На этот раз выиграл Колька Звездочкин. Он вытряхнул из спичечного коробка слабеньких жуков и любовно посадил туда слоника-чемпиона.

— Не жук, а трактор-тягач, — удовлетворенно сказал Колька.

— Усач может в пять раз тяжелее щепку поднять, — заявил Жорка. Он был рассержен на своих слоников. Они оказались никудышными. Ни одной приличной щепки поднять не смогли.

— В пять раз, говоришь? — переспросил Стасик.

— В четыре, — подумав, сказал Жорка.

— Сейчас проверим. — Стасик поднялся с земли и направился к бревнам, сгруженным неподалеку на широкой лужайке. На этих бревнах любили греться на солнце продолговатые жуки-усачи.

— Давай поспорим, что не поднимет? — предложил Юрка.

— Поспорим... — усмехнулся Жорка. — Твои штаны распорем, а мне новые сошьем.

Жорка по-прежнему не нравился Юрке, но так как он больше про ракетницу не заикался, Гусь мирился с его обществом. А потом с Жоркой было полезно отношения не портить: он нет-нет да подбрасывал Диду то мозговую кость, то горбушку хлеба. Правда, не задаром. Юрка за это давал ему ракеты. Их осталось еще больше чем пол-

ящика. А без ракетницы ценность их стала невелика. Конечно, если проковырять в картонной гильзе дырку и вечером поджечь, то зеленая ракета может взлететь в небо. Только не высоко. Метра на три — четыре. Но это, конечно, не то, что из ракетницы.

Возле бревен, где Стасик искал жука-усача, остановился хромой милиционер Егоров и фельдшер Комар.

Милиционер был в новой синей форме. Ворот гимнастерки расстегнут, фуражка в руках: жарко Егорову. Фельдшер размахивал руками и что-то говорил. Милиционер кивал головой и улыбался. А Стасик, разинув рот, стоял и смотрел на них. Он вдруг, боднув воздух кудрявой головой, высоко, козлом, подпрыгнул и припустил к ребятам.

— Ура! — заорал он, подбегая. — Наши остановили немцев на всех фронтах... Теперь начнут их крошить. И блокаду вот-вот прорвут. По радио передавали.

— А жука принес? — спросил Жорка.

Стасик удивленно посмотрел на него своими синими глазами:

— Немцев бьют.

— А-а, — равнодушно сказал Жорка и почесал свой конопатый нос. — Гусь спорить хотел, что усач...

— Заткнись, — оборвал его Юрка и повернулся к Стасику: — Эх, была бы ракетница — салют устроили бы... Может, поищем?

— Пустое дело, — сказал Колька Звездочкин. — Твоя ракетница у дяди Васи. Он ее из снега вытащил.

— Давайте лучше флаг повесим, — предложил Стасик. — Ведь это праздник.

— Куда? — спросил Юрка.

— Можно на наш дом, — сказал Колька. — У нас дядя Вася живет. Он помощник коменданта гарнизона.

— Подумаешь — шишка, — усмехнулся Юрка. Он был зол на дядю Васю за ракетницу.

Стасик задрал голову вверх и сказал:

— Хорошо бы на башню... Все бы увидели.

— Кишка тонка, — сказал Жорка. — Башня-то на замке.

Юрка обошел башню вокруг. На дверях висел большой белый замок. До окон высоко. Потом, они заколочены досками. Вверх по отвесной стене тянется толстый витой провод громоотвода. Через каждые два метра —

костыль, поддерживающий провод. Юрка подпрыгнул, ухватился за костыль. Крепко сидит в камне. Если и остальные так же вбиты, то можно, держась за провод, добраться до самого верха...

Пока Юрка обследовал башню, ребята молча следили за ним.

— Где флаг? — спросил Юрка.

— Брось, все равно не залезешь, — сказал Колька. — Знаешь, какая она высокая?

— Сто метров, — подсказал Жорка.

Стасик, прищурив глаз, окинул башню взглядом:

— Самое большое — сорок.

— Есть флаг, — сказал Юрка и выразительно посмотрел на майку Стасика.

Эту красную майку тетка только вчера достала из сундука. Долго смотрела на своих ребятишек, прикидывая, кому отдать. Выбор почему-то пал на племянника.

— Носи на здоровье, — сказала тетка. — Еще совсем новая.

Стасик медленно стянул с себя майку, стряхнул с нее травинки и протянул Юрке:

— У меня рубаха есть... С дырками, но носить можно.

Юрка безжалостно разорвал майку по шву, крепко привязал к длинной жердине, выломанной из забора.

— Привяжи к спине, а то неудобно будет лезть, — посоветовал Стасик.

Юрка так и сделал. И еще попросил Стасика обвязать лоскутками от майки ладони, чтобы провод больно не врезался, и полез.

— А может, не стоит, Юр? — вырвалось у Стасика.

Но Юрка уже держался за второй костыль.

— Убьешься, Гусь, — сказал Колька.

— Никто его не просил залезать, — не спуская глаз с Юрки, проговорил Жорка. — Уж если трахнется, — костей не соберешь.

Стасик не слушал их. Он смотрел на Гуся и мысленно вместе с ним карабкался по выпуклой каменной груди башни. Когда Юркина нога срывалась с гранитной плиты, сердце Стасика сжималось, а глаза помимо воли закрывались. Колька и Жорка тоже примолкли. Даже дыхание придерживали. Глаза их впелись в Юрку, высоко висящего на проводе.

До середины башни, пока босые ноги ощущали шероховатый бугристый гранит, Гусь добрался благополучно. Один раз только соскользнула нога, и он по проводу метра полтора скользил вниз до костыля. Даже сквозь тряпки обожгло ладони огнем. Мелькнула мысль бросить эту затею. Но, вспомнив, как медленно снимал майку Стасик, он стиснул зубы и снова полез вверх.

С середины пошел кирпич. Он был гладкий, и нога напрасно искала опоры. А до очередного костыля было с полметра. Юрка попробовал рывком дотянуться до костыля, но чуть было совсем не съехал вниз.

— Слезай, Юр, — услышал он взволнованный голос Стасика.

— Не дури, Гусь, — сказал Колька Звездочкин. — Слазь, пока жив.

Юрка прикусил нижнюю губу и, упираясь пятками в кирпичную стену, полез выше. Вот и костыль! С минуту передохнув, двинулся выше. Жердина со смотанным флагом болталась за спиной, стукалась в затылок. Но держалась крепко: Стасик на совесть прикрутил к штанам. Краем глаза Юрка видел железный карниз крыши и большое дымчатое облако, напозавшее на флюгер. Ему казалось, что облако напозавает на него, а труба с флюгером оторвалась от крыши и падает на голову. Он не стал смотреть вверх. А вот и последний костыль. Нужно до него дотянуться рукой и... тут что-то черное стремительное вырвалось из-под карниза и, мягко махнув по лицу, исчезло. Юрка едва не выпустил провод. Придя в себя, он сделал сильный рывок и ухватился за последний спасительный костыль...

Крыша была горячая. Она жгла ступни, ладони, и некуда было деться. Гусь поднялся еще выше, на маленькую башенку-шапку. Обхватив теплую трубу рукой, он сел и свесил ноги вниз. Над головой черными молниями носились потревоженные стрижи. Это один из них, вылетев из гнезда, напугал Юрку.

Минут пять обессиленный сидел он на куполе крыши и не видел ничего. Перед глазами плыли зеленые, волнообразные круги, небо качалось, как молоко в горшке, стрижи чертили в небе замысловатые линии.

Внизу бегали ребята. Они размахивали руками и что-то кричали. Сверху они казались маленькими и сплюснутыми.

— Юрка-а, — кричал Стасик. — Фла-аг...

«Ах да, — вяло подумал Юрка, — флаг...»

Он всунул древко в узкую трубу, и откуда-то взявшийся ветер обрадованно заполоскал неровное красное полотнище. Там, где у майки была шея, осталась полукруглая простроченная выемка.

— Ура-а-а! — орали внизу ребята и прыгали, как игрушечные болванчики, которых дергают за веревочки.

Юрка осмотрелся. По обе стороны башни уxo-

дило за горизонт железнодорожное полотно. Если идти по линии к речке Ладыженке, то идешь-идешь, а всякого моста и не видно, а тут речка оказалась совсем близко. Переезд, семафор — и красный железнодорожный мост. И поселок отсюда казался совсем маленьким. И лес подступил к нему со всех сторон. Лес был без конца и краю. Он начинался сразу за избами и сливался с голубой чертой горизонта. Оцинкованная крыша вокзала сверкала, как большое зеркало. Юрка перевел взгляд на бабкин дом. Дранка на крыше почернела и осыпалась. Печная труба глядела в небо черным квадратным жерлом.

И Юрка вдруг ощутил прилив гордости. Он один сидит на круглой макушке башни и видит то, что недоступно другим. Он выше всех. Ему захотелось встать и закричать во весь голос: «Эй, люди, это я тут стою, Юрка Гусь! Эй, бабка, погляди в окно: я стою на башне и вижу край света...»

До Юрки донесся отдаленный гул мотора. «Везу-у... везу-у...» Над облаком появился серебряный крестик. Самолет! Увеличиваясь, он летел прямо на Юрку. «Костыль!» — определил он тип немецкого самолета-разведчика.

«Костыль» высоко пролетел над башней и скоро серебряный крестик растаял в голубизне неба. Разведчик исчез, а гул еще с минуту слышался. Улетел самолет, и Юрка почувствовал себя на крыше сиротливо. Ему захотелось вниз, к людям, которым он только что сверху хотел крикнуть глупые хвастливые слова.

Держась за провод, он сполз с крутой башенки на горячую покатую крышу и посмотрел вниз. Перед глазами опять поплыли зеленые круги. Провод отвесно убежал вниз, в землю. Расстояние между спасительными костылями казалось огромным. Юрка понял, что он ни за что на свете не заставит себя спустить ноги с крыши.

— Юр, — звал Стасик, — слезай!

Юрка покачал головой и снова взобрался на круглую башенку. Здесь хотя можно было присесть и вытянуть ноги,

Ребята о чем-то посовещались. От них отделился Колька Звездочкин и побежал к железнодорожной казарме, спрятавшейся за тополями. «Куда это он?» — подумал Юрка, глядя на толстого маленького Кольку, смешно семенящего через лужайку.

— Посиди, мы сейчас, — крикнул Стасик.

Солнце все сильнее припекало макушку. Юрка поймал полотнище флага и прикрыл им голову. Стало легче. Из казармы вышли Колька и бородатый машинист водокачки. Звездочкин показывал рукой на башню и что-то говорил. Машинист увидел Юрку и, хлопнув себя руками по штанам, быстро пошел вперед. Одновременно с ним со стороны вокзала спешил к башне милиционер Егоров. Алюминиевая цепочка от нагана блестела на синеве новых диагональных брюк. «Ну, сейчас будет дело!» — подумал Юрка.

Егоров остановился возле ребят, а машинист стал отпирать дверь. Юрка слышал, как топали гулкие сапоги по лестнице. Тягуче заскрипело, отворилось круглое окошко, и в нем показалась черная борода машиниста.

— Полезай сюда, — сердито сказала борода.

— А бить не будешь? — спросил Гусь.

Борода грозно молчала. И Юрка замолчал, не двигаясь с места.

— Кому говорят?

— Драться не будешь? — снова спросил Юрка.

— Вот чертов сын, — сказала борода. — Не буду...

Юрка сунул голову в круглое черное отверстие, осмотрелся. В башне царил полумрак, пахло сыростью. Машинист, уступая место, спустился по железной винтовой лестнице ниже.

Слово он свое не сдержал. Как только Юрка поставил ногу на первую железную ступеньку, он сгреб его за шиворот, тряхнул и не очень больно стукнул по шее.

— Нелегкая занесла тебя, — проворчала борода. — А ну брысь отсюда!

Гусь затарахтел пятками по гремучим ступенькам.

— Еще раз такое сотворишь — душу выну! — пригрозил машинист.

Не успел Юрка ступить на землю, как попал в руки Егорова.

— Опять народ полошишь? — спросил он, заглядывая Юрке в лицо.

Гусь отвел глаза в сторону, посмотрел на башню. Красная майка трепыхалась на ветру, как заправский флаг.

— Какое же это баловство? — сказал он. — Это флаг. Красный.

— Наши немцев бьют, — вступил в разговор Стасик. — Мы и решили повесить флаг.

— Гусь решил, — ввернул Жорка.

Колька Звездочкин дернул его за штанину и молчком показал кулак.

Егоров посмотрел на флаг, потом на Юрку. Отчаянный, чертенок! Забраться на такую башню по громотводу... И как он себе бесшабашную голову не свернул?

— А где флаг взял? — спросил он.

Юрка кивнул на Стасика, стоявшего рядом в одних штанах.

— Его майку.

— Чертенята, — сказал милиционер.

Из темного проема двери высунулся машинист.

— Сымать тряпку-то? — спросил он.

Егоров посмотрел на ребят. Притихшие, с серьезными лицами, стояли они рядом с Юркой и глядели на милиционера. Ждали, что он скажет. На коричневых плечах Стасика выпирали ключицы.

— Не тряпка это, Илья, — сказал Егоров. — Флаг.

„ИСТРЕБИТЕЛИ“

Ночью немецкий самолет сбросил у железнодорожного переезда две крупные фугаски. Сначала со скрипом качнулся дом, потом два раза громыхнуло. Бабка проснулась и молча стала креститься. Юрка выскочил в сени, выдернул из скобы дубовый засов и, наверное, с час стоял на крыльце, тараща глаза в сиреневую предрассветную тьму. Над лесом полыхнуло что-то желтое. Юрка долго ждал взрыва, но так и не дождался. Наконец он сообразил, что это утренняя зарница.

А когда небо над высокими соснами побагровело, а южный ветер погнал вдоль железнодорожного полотна остатки утреннего тумана, он снова забрался под стеганое одеяло и сразу заснул.

Проснулся от громового лая. Дик поставил передние лапы на стол и зубами старался дотянуться до Белки. Кошка, изогнув спину ершистой дугой, шипела и махала когтистой лапой. Никак не могли эти двое поладить. Дик еще туда-сюда, а Белка не хотела признавать его. Округлив свои желтые глаза, фырчала на него, шипела, царапалась. Так и е́сть, неспроста Дик лает на нее: на носу у него глубокая царапина. Опять ухитрилась хватить лапой!

— Дик, место! — приказал Юрка. Гавкнув еще раз, овчарка послушно отошла от стола. Хорошо еще, бабки дома нет, а то досталось бы Юрке на орехи. Сама никогда не видит, что во всем Белка виновата, и знай только ругает Дика.

Юрка не стал дожидаться бабку (она ушла к Звездочкиным за молоком и, как всегда, засиделась), быстро позавтракал. Налил Дику в чашку вчерашнего супа, накрошил туда хлеба и, подождав, пока он расправился со своим скромным завтраком, вышел с ним на улицу.

Стасик еще спал. Когда его тетка скрылась во дворе, Юрка пробрался в просторную комнату, где поперек деревянной широкой кровати спали трое сопливых теткиных сынов и Стасик, потянул приятеля за плечо.

— Ух и попало мне от тетки за майку, — сказал Стасик, протирая кулаками глаза. — Теперь, говорит, до осени будешь ходить без рубахи.

— Слыхал, каких под утро два гостинца спустили? — спросил Юрка.

— Я чуть с кровати не скатился.

— По тонне каждая, — сказал Юрка. — Айда, поглядим?

Стасик надел штаны, схватил со стола кусок хлеба и две картофелины.

— Тебя тетка видела? — спросил он.

— Я тихонько.

— Пошли скорее, а то...

Стасик не успел договорить, как дверь отворилась и на пороге показалась его тетка, высокая худощавая женщина с запавшими глазами и длинными желтыми руками.

— Это ты, вражий сын, майку моего мальчика разодрал и на башню повесил? — решительно двинулась она на Юрку.

— Я сам ему отдал, — сказал Стасик, выступая вперед. Но тетка легко отодвинула его в сторону и продолжала наступать на Юрку.

— Эй, тетя, — сказал тот, отодвигаясь к раскрытому окну. — Молоко ушло...

Тетка оглянулась на затопленную печь, а Юрка вскочил на подоконник, оттуда прыгнул прямо в мокрую капусту — и был таков.

Стасик догнал их с Диком за станцией.

— Не хотела пускать, — сказал он. — А я все равно ушел. — И незаметно потерял плечо, на котором отпечатались теткинны пальцы.

— И рубаху не дает? — спросил Юрка, видя, как на голом теле приятеля выступила гусиная кожа. Солнце еще где-то пряталось в облаках и было прохладно.

— Она хоть и сердитая, а ничего, — сказал Стасик. — У ней и так трое, да я тут еще...

— Хочешь, я тебе свою рубаху отдам? — предложил Юрка. — Помнишь, ту с цветочками.

Стасик вспомнил и улыбнулся:

— Это, за которую тебя «бабьей кофтой» прозвали?

— Не помню, — небрежно сказал Юрка. — Рубаха хорошая. Надо только с рукавов эти... (он пощелкал пальцами, не в силах подобрать нужное слово) штуки содрать... Тогда никто тебя бабьей кофтой не назовет. Возьмешь?

— Ладно, — кивнул Стасик. — Спасибо.

Юрка не ошибся: две фугаски, каждая весом в тонну, упали рядом с железнодорожным полотном. Не две воронки, а два больших пруда подступили к самой насыпи. На дне уже просочилась мутная зеленоватая вода. Едкий запах взрывчатки еще не успел рассеяться. Вокруг воронок косо опрокинулись деревья. Вырванные с корнем, они не упали на землю: их поддерживали уцелевшие.

— Не надо ходить на речку, — сказал Юрка. — Здесь можно купаться.

— Юра, смотри, — Стасик показал на толстую, срезанную пополам сосну, — бомба!

У высокого пня черным боровом лежала крупная неразорвавшаяся фугаска. От удара о ствол корпус ее лопнул и взрывчатка желтыми ядовитыми каплями осыпалась на росистую траву.

Они стояли на почтительном расстоянии от бомбы и совещались.

— Раз упала — теперь не разорвется, — предположил Юрка. — В сосну врезалась.

— А вдруг — замедленная? В Ленинграде, знаешь, сколько замедленных накидал? Зароется в землю, а потом как бабахнет.

— Послушаем? Если тикают часы, то замедленная.

— Как рванет...

— Я пойду послушаю. — Юрка решительно направился к бомбе. Черный боров наполовину зарылся в землю. Он грозно молчал.

— Не слышно? — шепотом спросил Стасик. Он шел следом за Юркой.

— Вроде что-то тикает, — неуверенно сказал Гусь. — Айда ближе!

Они подошли к самой бомбе. Юрка опустил на колени и приложил ухо к холодному металлу.

— Тикает?

— Не-е.

Это тикали их сердца.

Сразу осмелев, Юрка засуетился вокруг бомбы.

— Сколько добра пропадает, — сказал он. — Давай толу наковыряем?

— Очень надо!

— Рыбу будем глушить и мало ли на что сгодится... Куда положим?

— У меня одни штаны, — сказал Стасик.

Юрка стащил с плеч гимнастерку, завязал узлами ворот и рукава.

— С пуд влезет!

Сидя верхом на бомбе, они сосновыми суками выковыривали взрывчатку. Лес пробудился. В траве затрещали кузнечики, по ветвям запрыгали птицы. Слышно было, как в поселке орали петухи. Откуда-то прилетела черноголовая сорока и, усевшись на поваленную сосну, стала с любопытством смотреть на мальчишек. Видно, ей тоже захотелось покопаться в желтой взрывчатке.

Со стороны станции послышались голоса. Сорока первая увидела людей. Заверещав, она взлетела выше макушек деревьев и спикировала в кусты. Дик тоже настрожил свои остроконечные уши. Он в два прыжка поднялся на насыпь и осмотрелся.

— Отрываемся, — сказал Юрка, соскакивая с бомбы. Они нырнули за куст орешника и лесом, в обход, побежали в поселок. Дик, помахивая хвостом, затрусил за ними.

Тол спрятали на чердаке. Юрка долго тряс гимнастерку, а когда надел, стал отчаянно чесаться: пылинки взрывчатки раздражали голое тело. Юрке не терпелось испробовать тол в деле.

— Кусок бы шнура и пару детонаторов, — сказал он. — Можно и на рыбалку.

Стасик молчал. Ему не нравилась эта опасная затея. В памяти еще было свежо несчастье, приключившееся этой весной с Вовкой Усатовым. Он привинтил к противотанковой гранате рукоятку от ручной и хотел бросить в реку. Граната разорвалась в руке. Вовку подобрал мельник, возвращавшийся со станции к себе на хутор. Он услышав взрыв и поспешил к речке. Вовку отправили с товарным в Бологое, в больницу. И вот недавно он возвратился домой. На костылях. Отрезали правую руку по локоть и ступню.

Возле поселкового совета толпился народ. Все больше молодежь. Юрка и Стасик перешли через дорогу и, оставившись поодаль, стали слушать. Говорили о шпионах, которых опять этой ночью сбросили над лесом. На траве перед поселковым советом лежал вываленный в земле шелковый парашют. Его принес из леса длинный, как телеграфный столб, мужик. Он утром возвращался из деревни в поселок и сквозь кусты увидел что-то белое. Разрыл кучу сухого валежника и нашел парашют. Он бы мог его сразу домой отнести, бабе и дочкам по хорошей юбке выйдут, да вот принес в сельсовет. Может, какое следствие будут наводить.

Отряд «истребителей» собирался прочесать лес. Из сельсовета вынесли три старых винтовки и два охотничьих ружья. Вооруженные таким образом парни вышли на дорогу. И тут кто-то вспомнил:

— А патроны?

В сельсовете нашли четыре обоймы и патронташ с охотничьими патронами. Но, как потом выяснилось, калибр ни к одному из ружей не подошел.

— Гляжу, торчит белое... Неужто, думаю, косой? — уж в который раз рассказывал подходившим сельчанам длинный, заросший рыжей бородой, мужик. — Не-е,

гляжу, не косою. Косою долго на одном месте не будет сидеть... Уж я-то заячьи повадки знаю. Сколько их настрелял... Помню...

— Дядя Федя, ты про парашют, — мягко говорили мужику.

— Потянул это я за белое-то, думал, платок, а оно лезет и лезет...

Пощупав шелк и стропы, народ стал расходиться.

— Уж на что моя баба почтенная в размерах, а не только ей на юбку хватит, но и дочкам с лихвой... — рассказывал словоохотливый дядя Федя.

— В лес! — скомандовал высокий белокурый парень в широченных галифе и без сапог. На ногах у него были синие резиновые тапочки.

— А как же парашют-то? — спросил мужик. — У меня дочки и баба без этого... Каждой по юбке выйдет. А шнуры я принесу. На что они мне, шнуры-то?

— Забирай... со шнурами, — сказал парень. — Приодень в шелк дочек, может, красивше станут...

Парни дружно грохнули, а мужик обрадованно сгреб парашют и бегом направился к дому, где его нетерпеливо ждала жена с двумя дочками.

— Эй, дядя Федя! — крикнул ему вслед белокурый парень. — Так, говоришь, недалеко от Хотяевского моста нашел?

— Во-во, у моста, — не оборачиваясь, ответил мужик.

Дик поглядел ему вслед и негромко гавкнул. Парни остановились и стали разглядывать собаку.

— Никак овчарка? — спросил белокурый.

— Чистокровная, — с гордостью сказал Юрка.

— Твоя?

— Летчики подарили.

Белокурый парень, начальник отряда, подошел к Диду и хотел погладить. Дик шелкнул клыками, и рукав рубахи у парня лопнул до самого локтя.

— Ого! Серьезный, — сказал парень, отскакивая в сторону.

— Не надо гладить, — заметил Юрка. — Это не кошка.

Парни стали о чем-то тихо совещаться. Начальник отряда, поглядывая на Дика, подошел к Юрке.

— Ну, как жизнь? — спросил он.

Юрка удивленно уставился на него.

— Помаленьку... Живем не горюем.

— Красивая псина, да, видно, дурная, — насмешливо сказал белокурый парень.

— Сам ты глупый, — обиделся Юрка. Пока Дик рядом, он мог, не опасаясь, разговаривать как хотел.

Начальник отряда смущенно оглянулся на своих ребят и снова спросил:

— Небось, только и умеет, что на луну брехать?

Гусь отвернулся, не удостоив его ответом.

— На луну дворяжки лают, — сказал Стасик. — А Дик — овчарка. Он все умеет делать.

— А по следу ходит?

— Юр, покажи, — попросил Стасик.

Юрке и самому хотелось доказать этим парням, на что способен Дик, но он ответил:

— Неохота.

— Ясно, дурной пес, — усмехнулся парень.

Юрка не выдержал.

— Дурной, да? — сказал он. Достал из кармана гильзу от ракеты, дал Дику понюхать и протянул парню: — Прячь.

Парень ушел за сельсовет и долго не появлялся. «Ну, сейчас запрячет, что и десять собак не найдут», — подумал с беспокойством Гусь.

— Пускай, — наконец скомандовал парень.

Юрка, обхватив шею Дика, посмотрел в его желтоватые глаза и сказал:

— Ищи, Дик!

Овчарка пружинисто вскочила на ноги и стала обнюхивать землю. Длинный хвост ее поднялся до уровня спины и замер. Морда стала озабоченной, одно ухо оттопырилось вбок. Несколько секунд понадобилось Дику, чтобы найти нужный след. Опустив хвост, он скрылся за углом дома. Все бросились за ним. Дик кружил возле большого красноватого камня, лапами пытался сдвинуть его с места. Он начал тихонько повизгивать, потом улегся рядом с камнем и, поглядывая на Юрку, залаял.

— Здесь, — сказал Гусь.

«Истребители» перевернули камень и увидели гильзу. Картонная часть ее сплющилась. Начальник «истребителей» хотел взять гильзу, но Дик зарычал. Тогда Юрка поднял ее и положил в карман.

— Дурной пес... — насмешливо сказал он и погладил Дика.

Начальник «истребителей» вдруг стал серьезным. Он подтянул повыше свои необъятные галифе и заявил официальным тоном:

— Вот что, паренек, собаку твою мы мобилизуем... Это ищейка, и она должна быть при деле.

— Мобилизуй, — сказал Юрка. Повернулся к «истребителям» спиной и зашагал к дому. Дик рысью направился за ним.

«Истребители» снова быстро посоветовались.

— Эй, Юра! — совсем другим тоном крикнул начальник. — Погоди...

Юрка остановился у калитки.

— Чего еще?

Начальник подошел к нему и доверительно сообщил:

— Ночью в лес двух диверсантов сбросили... Пойдем с нами ловить их? Мы тебя в свой отряд примем. Будешь «истребителем».

— А его примете? — кивнул Юрка на Стасика.

Парень посмотрел на кудрявого большеголового мальчишку и неопределенно произнес:

— Диверсантов ловить — это опасная штука.

— Не глядите, что он дохлый, — сказал Юрка, — он жилистый.

— Вот мускулы, — с готовностью согнул тонкую коричневую руку Стасик. — Потрогайте.

Он смотрел на начальника «истребителей» и смущенно улыбался. Ему было неловко за свою худобу и маленький рост. Юрка всего на полголовы выше, а выглядел вдвое крепче и сильнее.

— Он не струсит, — сказал Юрка.

Парень молчал. Рука Стасика разогнулась и беспомощно повисла вдоль тела.

— На деревья лазать умеешь? — спросил начальник.

— Это ему раз плюнуть, — ответил Юрка.

Начальник «истребителей» выжидающе смотрел на Стасика.

— Не умею, — сказал Стасик, не глядя на Юрку. — Я научусь... Вот увидите.

Начальник решительно мотнул белокурой головой:

— Примем и тебя, но больше — крышка! Это все-таки отряд...

— Айда ловить шпионов, — обрадованно сказал Юрка.

П О С Л Е Д У

Начальник отряда, его все звали Тимка Груздь, сказал Стасику:

— Гольшом в лес? Не чуди, друг..

— А сам-то? — вступился за приятеля Юрка. — В галифе, а без сапог... Начальник называется!

Тимка Груздь рассвирепел:

— Мы тебя приняли в отряд?

— Ага, — кивнул Юрка и посмотрел на Дика.

— Кто в отряде командир?

— Ты, — сказал Юрка.

— Верно. Ну вот, запомни: с командиром так разговаривать не полагается. Приказ командира — закон. Еще раз скажешь такое — накажу.

— В угол поставишь? — серьезно спросил Юрка.

«Истребители», внимательно слушавшие этот разговор, так и покатались со смеху. Тимка Груздь не знал, что делать: тоже засмеяться или рассердиться.

— В чулан посажу, — стараясь сохранить достоинство, сказал он.

Юрка хотел возразить, но Стасик дернул за рукав:

— Ты обещал мне подарить рубашку.

Гусь сорвался с места и побежал, но у калитки остановился и спросил:

— Эй, командир, можно?

Тимка Груздь покосился на «истребителей», махнул рукой.

— Ладно, чего уж там..

Отряд запыхал по дороге к лесу. Впереди — командир, за ним восемь «истребителей», примерно одного возраста. Тимка Груздь был самый старший. Ему шел семнадцатый год. Он был не только командир, но и секретарь комсомольской организации. В кармане широченных галифе у Тимки Груздя лежал настоящий наган с барабаном, заправленным настоящими патронами.

Юрка и Стасик шагали на некотором расстоянии от замыкающего. Так велел Тимка Груздь. Он не сказал почему, но и так было ясно, что командир не хочет, чтобы сельчане считали мальчишек членами отряда.

Но как только дорога свернула в лес, он позвал ребят. С любопытством поглядывая на Гуся серыми с желтой крапункой глазами, сказал:

— У диверсантов автоматы. Как даст очередь...

— И ручные пулеметы есть, — добавил один из «кистребителей».

— И пушки, — сказал другой.

— А танки есть? — спросил Юрка и зевнул. Он зевнул нарочно, чтобы не рассмеяться: очень уж потешно выглядел Стасик в бабкиной васильковой кофте. Он еще больше Юрки походил на девчонку, кудрявую, большеглазую.

— Что ты будешь делать, если увидишь диверсантов? — спросил Тимка Груздь.

— А ты? — посмотрел на него Юрка.

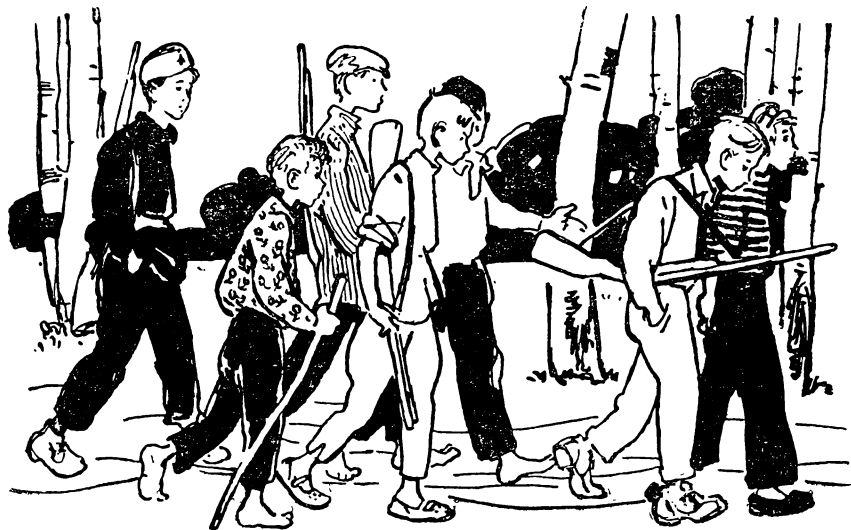
— Давай отвечай.

— Что надо, то и буду делать, — сказал Гусь. — У тебя вон наган, а у меня — пустая гильза. С ней даже на испуг не возьмешь. Вот была бы у меня ракетница... Это другое дело.

— В лесу от меня ни на шаг, — приказал Тимка Груздь. — Собака пойдет по следу, а мы за ней. Будет она лаять, когда выследит?

— Не знаю, — сказал Юрка. — Я с ней по следу не ходил.

— Не спугнула бы... Поводок у тебя есть?

— Дик и без поводка все как надо будет делать, — неуверенно сказал Юрка. — А если залает, тогда что?

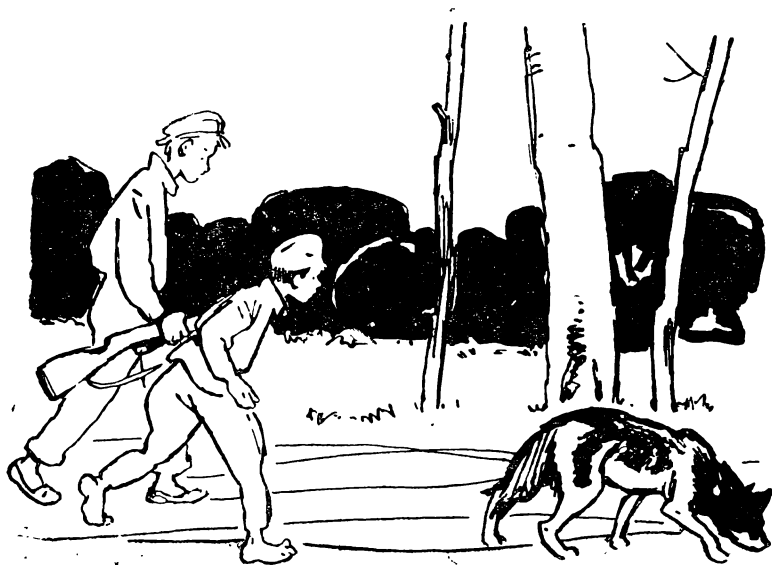
— Диверсантов надо врасплох накрыть. Понял?

— Накроем, — сказал Юрка.

Сосновый бор поредел. Высокие деревья отодвинулись от дороги, уступив место ольшанику. Скоро и кустарник поредел. Сквозь осоку и камыш блеснула вода. Черный ручей. Низенький бревенчатый мостик перекинулся через него. Вода в ручье темно-бархатная. Меж больших голышей ходили окуни, величиной с ладонь. У берегов толпились кувшинки. Под ними прятались полосатые щурята. Когда «истребители» спустились к воде напиться, один щуренок с перепугу выплеснулся на широкий лист кувшинки и, облитый солнцем, затих. Он так лежал секунду. Затем хищный рот его открылся, хвост задвигался и живая полосатая палочка бесшумно скользнула в воду. И пропала, оставив чуть заметный струящийся след.

Здесь, в ста метрах от Хотяевского моста, ночью приземлился диверсант. Он, может быть, тоже пил из этого ручья...

Разрытую кучу валежника нашли сразу. Она виднелась с дороги. Кто-то давно срубил куст ольшаника, и

в зеленой гуще образовалась прореха. В эту прореху и увидел дядя Федя парашют.

Тимка Груздь внимательно обследовал замшелую, усыпанную хвоей землю. Никаких следов различить было невозможно. Мох и вереск немного пружинили и не оставляли вмятин.

— Зови овчарку, — сказал командир. Лицо его стало серьезным и сам-то он вроде повзрослел.

— Ищи, Дик, — приказал Юрка. Овчарка послушно подошла к разрытой куче валежника и стала обнюхивать землю. Несколько раз нос ее отрывался от земли и шумно втягивал воздух. «Истребители», не шевелясь, наблюдали за собакой. Раза три обойдя кучу вокруг, Дик уверенно направился по следу. Юрка и командир побежали за ним.

— Плохо без поводка, — на ходу сказал Тимка Груздь. — Не догнать...

Дик вышел на дорогу и, уткнув нос в землю, побежал к станции. Все за ним. Не останавливаясь, Дик вел «истребителей» обратно к дому. Командир с беспокойством посматривал на Юрку, но молчал. Наконец он не выдержал:

— Отчаянный этот шпион... — сказал Тимка. — Шпарит прямо на станцию.

— В сельсовет, — прибавил другой «истребитель».

— Напилс водички и ждет нас, — стали ехидничать и остальные. — Нервничает, почему мы задерживаемся.

— Постойте, — сказал Стасик, тяжело дыша. — Дик нас ведет по следу этого... который принес парашют.

— Стой, Дик! — заорал Юрка.

Молча вернулись назад, и снова Дик беспокойно зарыскал вокруг кучи прутьев. На этот раз он взял другой след, который тоже вывел на дорогу, только в другом месте. По этому следу Дик вел неуверенно, часто терял его, возвращался, подолгу кружил на одном месте, но в конце концов, когда все уже считали, что все пропало, снова находил и бросался вперед. След вел в деревню Хотьяево.

Сосны все ближе подступали к дороге. Солнце с трудом пробивалось сквозь колючие ветви. Оно словно попало в цепкие сосновые лапы и не могло вырваться из них. В том месте, где находилось солнце, зеленые иголки ослепительно сияли, а небо почему-то казалось черным.

Дик снова потерял след. Он заметался по дороге, свернул в лес и сразу пропал за толстыми корявыми стволами. Выскочил метрах в ста дальше и замер, поджидая Юрку.

— Чего это он? — шепотом спросил Тимка Груздь.

— У него что-то во рту, — издали заметил Стасик.

В пасти у Дика была смятая коробка из-под папирос. Командир «истребителей» взял из Юркиных рук находку и стал внимательно изучать.

— Беломор, — разочарованно произнес он, выбрасывая коробку.

— Ну и что же? — сказал толстый Борька, заместитель командира. — Он специально наши курит... Надо быть дураком, чтобы в тылу курить немецкие сигареты.

Тимка Груздь почесал белый затылок и приказал Гусю:

— Сохрани у себя улику.

Дорога круто пошла вверх. Лес оборвался. И сразу начались колхозные поля. Зеленая яровая рожь. Медоносная гречиха. Большое поле справа не было засеяно. На нем буйно поднялись сорняки. Высокий осот, овсюг, конский щавель царили над разнотравьем. По обе стороны дороги пучками росла полынь. Ее горький запах перемешивался с пылью, щекотал в носу. Над полями от края до края стоял пчелиный гул. Тысячи крошечных моторчиков работали на одной низкой ноте. В этот ровный мелодичный гул диссонансом врывалось похожее на далекую пулеметную очередь стрекотание кузнечиков.

Поднялись на желтый песчаный холм и увидели деревню. Она лежала в ложине меж рослых тополей, приветливо белели наличники изб.

— Шесть километров отмахали и не заметили, — сказал Тимка Груздь, незаметно смахивая со лба капли.

Дик, мягко окуная лапы в пыль, бежал впереди. Запыхавшийся Юрка то и дело окликал его. Дик садился и, не отрывая носа от земли, недовольно крутил хвостом.

Он привел их к калитке спрятавшегося в яблоневом саду дома. Дом был небольшой, но крепкий. Крыша, в отличие от других, покрыта белой черепицей. Над крышей на длинном шесте — новый скворечник.

Дик тыкался мордой в калитку, скреб лапами доски, негромко рычал.

— Это дом агронома Мосина, — сказал Тимка Груздь. Он крутнул железное кольцо, и калитка, тонко скрипнув, отворилась. Дик рванулся вперед и исчез в кустах черной смородины.

— Поводок надо, — сказал Тимка. — Так разве удержишь?

— Дик знает, что делает, — сказал Юрка. — Учужал.

У него тревожно заняло сердце. Что-то будет. Стасик стоял рядом и пристально смотрел на куст, за которым исчез Дик.

— А вдруг его убьют? — тихо спросил он.

— Иди, — сказал Юрка командиру. — У тебя наган...

— Кто там? — откуда-то из-за гуши яблоневого веток послышался спокойный мужской голос. И в ту же секунду настороженную тишину сада разодрал крик, треск ломаемых кустов, глухие удары, злобное рычание.

Тимка Груздь и Юрка одновременно кинулись по узкой тропинке к дому. За ними тяжело загопали «истребители». Перед домом в тенистой беседке уже окончилась борьба. Дик стоял на груди поверженного человека и, оскалив пасть, злобно рычал ему в лицо. Рядом, возле опрокинутого стула, стоял другой человек с железными граблями в руках. Но ударить собаку не решался. Как только он пытался поднять грабли, шерсть на загривке Дика вставала дыбом, он весь подбирался, готовясь к прыжку. И человек опускал свое острозубое оружие.

— Да вы что? — обрушился он на «истребителей». — В своем уме? В чужой дом с собакой... Как вы там, Иван Сергеевич? — повернулся он к лежащему на земле. — Не поранила она вас?

— Уберите, — глухо произнес человек, не двигаясь.

— Слышите? — сердито посмотрел на Тимку Груздя человек с граблями.

— Дядя Илья, мы шли... — начал было объяснять командир «истребителей», но агроном перебил:

— Чья собака?

Юрка растерянно взглянул на командира и сказал:

— Это след сюда привел... Мы диверсанта ищем. — И посмотрел на лежащего в траве человека.

— Я ей сейчас голову проломлю... — сказал агроном, поднимая грабли.

Юрка подошел к Дикю и отвел его в сторону. Человек

медленно поднялся, ощупал правую руку и вдруг широко улыбнулся:

— Силен, бродяга... Вместе со стулом опрокинул.

Он нагнулся и поднял вилку.

— Это из-за нее мне попало, — сказал он. — Пес, очевидно, решил, что это холодное оружие, и схватил меня за руку... Так, говорите, диверсанта ищите?

Человек был высокого роста, широк в плечах. Темные волосы коротко подстрижены, чисто выбритые крепкие щеки отливали синевой. На нем была льняная толстовка со стоячим воротником.

— Ну и собака у вас! — в первый раз улыбнулся агроном, невысокий лысый человек в очках с черной оправой. — Нашла топор за лавкой...

Дик сидел рядом с Юркой и не спускал злых глаз с высокого. Редкие усы на его морде вздрагивали, шерсть все еще топорщилась.

— Кто это у вас, дядя Илья? — спросил Тимка Груздь, опуская наган.

— Об этом вам нужно было подумать, прежде чем собаку спускать, — сказал Мосин. — Этак она всех честных людей перекусают.

— Мы ее не спускали, — Тимка Груздь сунул ненужный наган в карман. — Она сама...

— А этот товарищ — старший агроном из Райзо. Сегодня утром прибыл из Бологого. С попутным эшелоном.

— Покажите документы, — на всякий случай потребовал Тимка Груздь.

Агроном из Райзо, улыбаясь, смотрел на него.

— А у вас есть документы? — спросил он. — С какой стати я должен вам предъявлять удостоверение? Кто вы такие?

— Мы «истребители», — ответил Тимка Груздь и достал из кармана сложенную вчетверо бумажку.

Иван Сергеевич ознакомился с ее содержанием и полез в карман синих брюк.

— Пожалуйста, — протянул он коричневую книжечку. — А вот мое командировочное удостоверение. Кстати, у вас печать при себе есть? Жаль, а то бы отметили...

Тимка Груздь долго вертел в руках документы. И лицо его все больше становилось смущенным. Теперь будет разговор на все село: «истребители» ворва-

лись в чужой дом, собака покусала районного начальника... Эх, зачем он только связался с этими шпингалетами?

— Она вас укусила? — спросил он, возвращая удостоверение.

— Пустяки, — сказал Иван Сергеевич. — Возмещение убытков с вас не потребую, — он посмотрел на разодранный рукав толстовки. — Спасибо, что еще штаны не спустила.

«Истребители» смущенно заулыбались. Облегченно вздохнул и Тимка Груздь. Вроде не сердится. Видно, мужик ничего... Другой бы разорался на всю деревню. На руке-то кровь. Крепко прихватил чертов пес!

— Извините, что так получилось. — Тимка Груздь боком двинулся к калитке. — Вы не бойтесь — собака не бешеная. Она... просто дурная.

Агроном Мосин молчал. На ребят не смотрел. И на «до свидания» ничего не ответил. Стыдно было агроному за «истребителей» перед районным начальством.

До околицы «истребители» дошли молча. А когда последняя изба скрылась за тополями, Тимка Груздь остановился и сказал Юрке:

— Дурак твой Дик! Опозорил нас на весь район... А если бы он его насмерть загрыз?

— Дик знает, что делает, — упрямо сказал Юрка.

— Знает, — зло усмехнулся Тимка Груздь. — Если он такой умный, то чего же на своих бросается

— Дик у него бумаги не проверял, — защищал друга Юрка. — Откуда он знает свой это или чужой? У него на лбу не написано.

— Должен знать.

— А ты знал?

Тимка Груздь повернул к ребятам рассерженное лицо:

— Что делать будем? Исключим из отряда? Пользы ни на грош, а хлопот... — командир безнадежно махнул рукой и отвернулся.

«Истребители» молчали. Они тоже не знали, что делать. Этот Юрка Гусь — парнишка бойкий, вроде не трус. А собака... Разве виновата собака, что со следа сбилась? Мало ли кто с утра прошел по дороге? А собака, что и говорить, — стоящая. Такого дядю с ног свалила!

— Надумали? — спросил командир. — Как скажете — так и будет.

Заместитель Борька потер ладонью свою толстую щеку и басисто сказал:

— Только что приняли и прогонять? Не дело это. А потом не нарочно ведь?

— Вы поглядите на малого, — ухмыляясь, произнес Владька Корнилов, стройный быстроглазый парень. — У него кофта-то бабья... Хорош «истребитель»!

— Позор, — откликнулся Тимка Груздь.

— Чего ржете-то? — сердито блеснул на «истребителей» зелеными глазами Юрка. — Из его майки флаг сделали.

— Это который на башне?

— Ему тетка за эту майку чуть уши не оторвала, — сказал Юрка. — Верно, Стась?

Стасик стоял посредине дороги и пальцем ноги чертил в пыли какие-то знаки.

— Откуда ему взять рубаху? — все больше злясь, заговорил Гусь. — У его тетки трое ребятишек... А кофта вовсе и не бабья. Надо только это... что на груди и на рукавах, спороть — и все в норме... Чего вы прицепились? Сами позвали в отряд, а теперь... Ну и исключайте. Мы и без вас поймаем шпиона. И никакие вы не «истребители», а... — Юрка не нашел, что сказать и продолжал: — А Дик — не дурак. Он не виноват, что такой след... И без вас не пропадем. Был бы у нас наган, мы бы уже сто шпионов поймали.

— Кончил? — тихо спросил Тимка Груздь. Его задели за живое Юркины слова.

— А ты, Тимка, не выпучивай на меня глазищи-то... Не боюсь! — Гусь повернулся к командиру спиной и сказал Стасику: — Ну их к богу в рай... Пошли.

Они, не оглядываясь, затопали по дороге. Позади о чем-то громко разговаривали «истребители». Басистый Борькин голос перекрыл другие.

— Зря ты, Тимка, их... — расслышали они.

Груздь что-то быстро заговорил, но они слов не разобрали.

— Видали мы таких «истребителей», — возмутился по дороге Юрка. — Думают, маленькие, так нам можно на шею сесть. Шиш! Захотим, и без них свой отряд... сформируем. Знаешь, как назовем? «Штурмовики».

Стасик, морща загорелый лоб, старался разобраться в произошедшем. Он так обрадовался, когда их приняли в отряд, и вдруг — все лопнуло, как дождевой пузырь в луже.

— У тебя тоже язычок ого-ого! — сказал он. — Молчал бы уж... «Штурмовики!» Да у нас никакого оружия нет. Выследит Дик диверсанта, а мы что? «Дяденька, — скажем, — пойдёте с нами в сельсовет». Не надо было ругаться с командиром.

— А ему можно?

— Он командир.

— А чего он говорит, что Дик дурак?

— Не надо было спорить, — сказал Стасик и замолчал.

Километра два шли молча. Над головой плыли белые пушистые облака. По полям наперегонки бежали тени. Когда облако закрывало солнце, мир делился на две части: прохладную, неприветливую и теплую, солнечную. Большая крылатая тень убегала по полям, лесам дальше, а солнце, тепло оставались.

— Давай еще раз попробуем? — заговорил Юрка. — След-то остался.

— Надо было дать ему понюхать парашют, — сказал Стасик. — А теперь поздно. Всю землю истоптали.

— Не всю, — возразил Юрка. — На одну сторону никто не заходил.

— Эх, а здорово было, если бы мы поймали... Тимка Груздь так и шлепнулся бы в своих галифищах на землю.

Дорога сузилась и нырнула в лес. Теперь облака плыли над зазубренными вершинами сосен. Дик обогнал ребят и скрылся за ольховым кустом.

— Тетка уже, наверное, ищет меня, — сказал Стасик, прибавляя шаг.

— А быстро Дик нашел гильзу от ракеты!

— Есть что-то хочется...

— У него нюх — будь здоров!

— У нас оружия нет, — остановился Стасик. — Ухлопают, мигнуть не успеешь.

— Боишься?

— Ах, боюсь? — сказал Стасик. — Снимай ремень.

Юрка удивленно уставился на него.

— Поводок сделаем, — пояснил Стасик. — Без поводка опять... что-нибудь приключится.

КАПИТАН

Еще с дороги ребята услышали в лесу голоса.

— Юр, это там... — сказал Стасик и в нерешительности остановился. — Это не «истребители». Я видел — они пошли через луг, напрямик.

Гусь не успел ответить: Дик рванулся вперед и самодельный поводок выскользнул из рук.

— Будет дело, — пробормотал Юрка и, свернув с дороги, помчался по колкому мху наперерез. Стасик побежал за ним.

У кучи валежника стояли бойцы. Человек пять — шесть. Среди них — длинный дядя Федя, тот самый, который парашют нашел. Коренастый большеголовый командир что-то говорил им. Дик и Юрка появились почти одновременно.

— Ко мне, Дик! — закричал Юрка, опасаясь, что он набросится на кого-либо. Но Дик, не обращая на них внимания, замер возле груды сдвинутых с места веток.

— А где остальные? — резко спросил Юрку командир.

— Мы от них откололись, — сказал Гусь. Он посмотрел на командира и незаметно подтолкнул Стасика: перед ними стоял помощник коменданта гарнизона капитан дядя Вася.

— Здравсте, — кивнул Юрка. — Шпиона ищете?

Капитан сурово смотрел на них и молчал. Они не виделись с зимы. Тогда перепуганный Юрка толком не рассмотрел его, но теплый запах овчинного полушубка, который капитан набросил на его плечи, до сих пор помнил. Глаза у дяди Васи были небольшие, но острые, колючие. Лицо коричневое от загара, а широкие скулы — совсем черные. На большой светловолосой голове — старенькая, добела выгоревшая пилотка. Почему он так смотрит? Неужели не узнал? Юрка хотел ему напомнить про болото, бомбежку, но почему-то этого не сделал. В глубине души он чувствовал, что капитан не мог забыть, а раз не хочет узнавать, — его дело. Он, Юрка, не будет навязываться. Это Колька Звездочкин все время хвастает своим постояльцем, а ему, Юрке, незачем это.

— Эй, Дик, — сказал Юрка. — Пошли.

— погоди, — капитан положил Юрке на плечо руку. — Были в Хотяеве?

— Нет там шпиона, — сказал Гусь. — Дик следы перепутал... Какого-то главного агронома вместе со студентом... Ну, Тимка Груздь и прогнал нас.

Капитан ближе придвинул Юрку к себе. Лицо его стало еще суровее.

— Здоровый этот агроном?

— Головы на две выше вас, — с удовольствием сказал Юрка, но капитан даже глазом не моргнул. Он все больше хмурился. Скулы его, похожие на две печеные картофелины, задвигались.

— Волосы черные?

Юрка не ответил. Он начал что-то соображать. Неужели этот...

— Черные, — ответил за него Стасик. — А рубашка белая. У него на лбу царапина. И когда с нами разговаривал, одну руку в кармане держал.

— Тимка Груздь сказал... — начал было Гусь, но капитан сердито оборвал:

— Дурак твой Тимка! — И, повернувшись к бойцам, скомандовал: — К машине!

Бойцы бегом бросились к дороге. Сучья под их сапогами трещали, ветви цеплялись за гимнастерки.

— Как оно... Командир! — послышался басистый голос дяди Феде. — Материю не надо сдавать в сельсовет? Бабам бы на одежду... Можно?

Капитан даже не посмотрел в его сторону. Остался дядя Федя столбом стоять у кучи валежника и тереть редкую рыжую бороду, раздумывая: отдать от греха подалее шелковый парашют в сельсовет или пожаловать дочерям?

— И чего он такой злой? — спросил Юрка.

— А ты думал, он будет с тобой целоваться? — сказал Стасик. — Человек на работе.

Ему за воротник попала сосновая иголка, и он никак не мог от нее избавиться.

Они видели, как бойцы вскочили в крытый брезентом грузовик. Капитан сел в кабину.

Грузовик подпрыгнул и, ломая кусты, с рёвом покати́л на дорогу.

— За агрономом, — сказал Стасик.

— Так он и ждет их... Без Дика не найдут.

Дик подошел к дяде Феде и стал обнюхивать его дражные сапоги. Но дядя Федя не смотрел на собаку. Он смо-

трел на дорогу. Грузовик уехал, а пыль стояла над кустами столбом.

— Эхма, вот она штука-то какая, — сказал дядя Федя.

— Какая? — спросил Юрка.

— Эхма, — сказал дядя Федя. — Надоть идтить.

Он вразвалку зашагал в обратную сторону, на станцию. А Юрка со Стасиком остались стоять в лесу. Они не знали, что делать. Хотелось посмотреть, как капитан сцапает диверсантов, но разве машину догонишь?

— Мало, что ли, в лесу шпионов, — сказал Юрка.

— Бродят где-нибудь.

— Пускай агронома ловят, — сказал Юрка. — Мы захотим, тоже поймаем.

— Кого? — спросил Стасик.

— Сороку, — рассердился Юрка. — За хвост.

— Сороку можно, — сказал Стасик. — У нее нет оружия. Один клюв.

— А Дик на что?

— Убьют Дика, — сказал Стасик. — Тут нужна дрессировка.

— Чего стоять попусту? — сказал Гусь. — Пошли.

Домой идти не хотелось. У Стасика было мрачное настроение. Да и у Юрки не лучше. Из «истребителей» выгнали. И капитан не взял с собой. Дик, почувствовав, что приятели загрустили, тоже повесил хвост. С пригорка чуть виднелась деревня Хотяево. До нее километра три. Если изо всех сил припустить по дороге, то, может быть, успеешь...

— Бежим, — сказал Юрка. — Посмотрим.

Свистнул Дика и помчался по дороге. Стасик побежал за ним. Скоро он выдохся, но все-таки бежал. В боку закололо, воздуха не хватало. А он бежал, всасывая воздух сквозь стиснутые зубы. Рожь кончилась. Показалась большая, крытая соломой колхозная рига. От риги к избам через огороды тянулась узкая тропинка. Грузовика нигде не видно. Наверное, оставили в лесу. А где же бойцы? Юрка остановился. Дик, он далеко вырвался вперед, нехотя вернулся. Стасик, отдышавшись, спросил:

— Не стреляли

— Услышали бы, — сказал Юрка. — Куда они запрятались?

— Во дворе, — кивнул Стасик на дом агронома Мосина. — Ищут.

И тут ребята в огороде заметили зеленую пилотку. Боец лежал между двух капустных грядок. Автомат был прижат к плечу. Боец не спускал глаз с забора.

— Поближе, — сказал Юрка и двинулся к дому с белой крышей. Дика взял на поводок. До забора оставалось метров сто, но тут их заметил боец. Он сделал свирепое лицо и погрозил автоматом.

— Лежи себе и помалкивай, — пробурчал под нос Юрка. Но дальше не пошел. За забором послышались голоса. Калитка распахнулась и на тропинке показались капитан, бойцы и агроном Мосин. Высокого из района не было. Мосин низко опустил свою лысую голову и что-то бормотал. Позади шел боец с автоматом.

— Куда он побежал? — резко спрашивал капитан. — В какую сторону?

— Через забор — и больше я его не видел, — отвечал Мосин. — Откуда мне было знать, что он парашютист? Прикинулся своим, шельма. Да я бы его... Своими руками!

— Иди, иди, — подтолкнул автоматом толстяка боец.

Капитан увидел ребят, и лицо его еще больше нахмурилось.

— За каким чертом... — он не договорил. Дик вдруг зарычал и бросился к риге. Дверь была плотно закрыта. Овчарка встала на задние лапы и залаяла. Капитан кивнул бойцам. Двое подошли к двери, автоматы у них были наизготовку. Но не успели отворить, как из риги послышался голос:

— Придержите этого дьявола, сам выйду...

Юрка схватил Дика за ошейник и стал оттаскивать от двери. Старая дверь заскрипела и медленно отворилась. На пороге стоял «районный агроном». В волосах его торчала белая солома. «Агроном» достал из кармана парабеллум и бросил на землю к ногам капитана.

— Автомат и все барахло у него, — сказал он, кивнув на Мосина.

— Не верьте! — взвизгнул тот. — Нарочно топит, сволочь!

— На чердаке, — сказал «агроном». — В ящике с луком.

— Я не видел, — визжал Мосин. — Знать ничего не знаю. Не верьте!

Грузовик стоял в перелеске, недалеко от дороги. «Агрономов» посадили на скамью рядом. Бойцы с автоматами уселись напротив них. Шофер завел машину. Капитан подошел к ребятам. Лицо его просветлело.

— Отличная собака, — сказал он. — Знает службу. Он впервые улыбнулся, и лицо его сразу стало мягче.

Пилотки на голове не было. Потерял в огороде. Волосы разлохматились и сияли на солнце, будто покрытые лаком. Бойцы смотрели из машины и тоже улыбались. Не улыбались только «агрономы».

— Где, Гусь, взял собаку?

— Летчики подарили... С аэродрома, — сказал Юрка. — Насовсем.

— Отличная собака, — повторил дядя Вася и, заметив, что Юрка стал мрачнеть, перевел разговор на другое: — Как уши-то? Не гудит: ду-у-у!

— Не гудит, — заулыбался Юрка. — А ракетницу мою вы прихватили. Я точно знаю.

— Конфисковал, — сказал капитан. — Опять захотелось пострелять в небо?

— Зачем зря палить...

Капитан перевел взгляд с Юрки на Стасика.

— Я думал, тогда зимой у тебя нос отвалится.

Стасик серьезно посмотрел на капитана и сказал:

— Не отвалился.

— А если бы вас тогда разбомбило?

— Не разбомбило ведь, — сказал Стасик. — В Ленинграде каждый день бомбили.

— Ленинградец, значит, — сказал дядя Вася. — Геройский народ.

— Он был как глиста, — ввернул Юрка. — А сейчас ничего. Драться может.

— Могу, — сказал Стасик. — Только зачем?

— Эх вы, разведчики... — задумчиво сказал дядя Вася. — В школу бы вам надо, а вы... Черти вы мои полосатые!

Капитан забрался в кабину. Юрка и Стасик смотрели на него и молчали.

— Чего стоите? — сказал дядя Вася. — Полезайте в машину.

Ребята вскарабкались в кузов. Дик побегал внизу, а когда машина тронулась, махнул через борт. Сел рядом с Юркой и стал колотить его длинным хвостом по ногам. Глаза у Дика были злые. «Агрономы» сидели рядом и угрюмо молчали. Льняная толстовка у высокого лопнула на плече. Мосин весь обмяк, низко опустил лысую голову. При каждом толчке зубы его клацали. «Вот они какие, шпионы! — во все глаза смотрел на них Юрка. — Сразу и не отличишь...»

ДИК, КОЛБАСА И ЮРКА

В доме нет ни крошки хлеба. До конца месяца еще четыре дня, а на Юркиной хлебной карточке не осталось ни одного талона. Вот уже два дня втроем держались на скудном бабкинском пайке. Каждое утро Юрка с ребятами бегал в лес за грибами. Белых еще не было, зато сморчков — прорва. Эти сочные коричневые грибы с синим отливом были очень неказисты на вид. Они росли большими семьями. Черви в сморчках не водились. В них водилось кое-что похуже: ядовитые паутинки. С тех пор, как в лесу нашли первый сморчок, в селе уже четверо насмерть отравились.

Бабка говорила, что они сами виноваты. Прежде чем жарить сморчки, их нужно в кипятке отварить. Ядовитая паутинка погибнет, и ешь себе на здоровье. Юрка ел и еще ни разу себя плохо не почувствовал. Бабка говорила, что вообще-то сморчки — самые вкусные грибы. Нужно только уметь с ними обращаться. Когда отравился путевой обходчик с четырнадцатого километра, бабка пошла по соседям и стала учить их правильно обращаться со сморчками. Год был голодный, а сморчков росло много, и люди каждый день таскали их из лесу корзинками.

Юрке-то что, он и без хлеба жить будет, а вот какво Дик? Грибы он не ест, а хлеба нет. Скучный стал Дик. Брюхо втянулось, ребра выперли, вроде бы и морда стала длиннее. Глаза голодные. И не поймешь — злые они или печальные. Правду говорил Вася-Василек, — не прокормить Юрке собаку. Но и расстаться нет сил. . .

Юрка и Стасик как-то настреляли из рогаток воробьев и сами сварили Дик в солдатском котелке воробьиный суп. Остудили и дали. Дик съел, а ночью его вырвало. Видно, воробьи пришлись ему не по нутру.

По утрам Дик будил Юрку. Подходил к кровати и совался холодным носом в лицо. Дескать, кончай валяться, соня! Юрка переворачивался на другой бок, натягивал на голову одеяло. Но от Дика не так-то просто избавиться: он брал край одеяла в зубы и стягивал. Юрка толкал Дика ногой, но пес чувствительно прихватывал за ступню и Юрка окончательно пробуждался. Дик смотрел, как он одевается, чистит зубы. Зубы Юрка чистил так: мокрым пальцем проводил по белой

печке — и в рот. Вместо щетки — палец, а вместо порошка — мел.

Бабка уже истопила печку. Это она делала каждое утро по привычке. Варить нечего было. Они пили жиденький чай с каким-то крепким привкусом. Чай пили без сахара.

— От воды может пузо лопнуть, — сказал Юрка. — Ну какая от этой бурды польза?

— Пей, сынок.

— Пью, а что толку?

— Чай согревает в середке.

— Хлеба бы...

Бабка лезла в буфет и отрезала Юрке малюсенький кусочек хлеба.

— Это на обед, — говорила она, пряча остатки на место.

Дик сидел у порога и голодными глазами косился на Юрку и бабку. Но есть не просил. Знал, что в доме ничего нет. А чай Дик не нравился.

Лучше всех жила Белка. Она совсем не отошала. Шерсть ее лоснилась. Хитрая желтоглазая морда была довольной. Белка, вытянув ноги, лежала на полочке и шурилась. Она была сыта по горло. Ночью на чердаке она отлично поужинала. Поймала три мыша. Могла бы поймать и крысу, но связываться не захотела. Крыса была старая и голодная. Она, Белка, в любое время может забраться на чердак и плотно закусить. А Дик пускай завидует и зубами щелкает.

После чая бабка принесла из сеней горшок с молоком, налила Юрке полстакана, немного себе и Белке в блюдечко. Кошка решила покапризничать. Она даже не посмотрела на молоко. Наоборот, взяла и глаза зажмурила. И тогда Дик не выдержал: встал и решительно направился к блюдечку. Белка сначала открыла один глаз, потом второй. Белка вознегодовала: как он смеет! Вскочила и — хвост трубой — пошла на Дика. Но уже было поздно: Дик два раза высунул язык, и молоко с блюдечка исчезло. Глаза у Белки округлились. Она подскочила к Дик и лапой стукнула его по морде. Но пес сделал вид, что ничего особенного не случилось. Белка обнюхала порожнее блюдо, фыркнула и, оскорбленная, гордо удалилась, задрвав к потолку пушистый хвост.

— Подохнет животи́на, — сказала бабка, видевшая всю эту картину. — И зачем она тебе, Юрушка? Гляжу я, нет никакого проку от нее. Одни блохи.

— Чистый он, — сказал Юрка. — Нет блох. Мы со Стаськой с час искали — ни одной.

— Отдай ты его от греха подальше... Этакий волчище. Чего доброго, нас сожрет с голодухи-то.

— Человеков собаки не едят.

— Белку.

— И кошек не едят.

— Отдай солдатам на кухню. Там хоть еда ему найдется. Ишь, брюхо-то подтянуло.

— Нельзя солдатам... — загорячился Юрка. — Летчики подарили. Понимаешь?!

— Не отдавай, — сказала бабка. — Мне что... Сдохнет псина. Кожа да кости. Я бы отдала.

Не понимал Юрка, за что бабка Дика не любит. А Дик, дурак, так и ходит в избе за ней по пятам. Куда бабка, туда и Дик. Но как-то раз все прояснилось. Юрка прибежал откуда-то и видит — сидит бабка перед Диком на корточках и подает по одной мозговой косточке. А кости лежат у нее в переднике. Дик деликатно берет из рук кость и в два счета расправляется с ней. А бабка подает следующую и приговаривает да так ласково:

— Ешь, дурашка... Гляди не подавись. А зубищи-то, бог мой!

Юрка стоял у нее за спиной, и ему хотелось расцеловать бабку. Так вот почему Дик ходит за ней. Подкармливает потихоньку. Наверное, полдеревни обежала, а костей раздобыла где-то. Ай да бабка Василиса!

— У Ширихи достала? — спросил он.

Бабка вывалила из передника кости, кряхтя поднялась.

— Не твоя забота, — ворчливо сказала она. — За водой бы сходил. Носит тебя где-то.

Вечером к бабке на постой пришли два солдата и старшина. Лица у них круглые, сытые. Форма новенькая, сапоги с блеском. Они развязали вещевой мешок, достали из него буханку хлеба, круг колбасы, банку свиной тушенки.

— Бабуся, — обратился к хозяйке старшина, — будь добра, вздуй нам самоварчик.

— Гляжу я, идут, едут по дороге туда служивые — все в пыли, почерневшие, а вы белые, чистые... — сказала бабка. — Иль у вас должность иная?

Бойцы рассмеялись. Старшина с сухим треском разломил колбасу на три части и ответил:

— Мы, бабуся, по продовольственной части... Из интендантского взвода.

— Не воюете, значит... При кухне?

Бойцы опять рассмеялись.

— Чтобы солдат мог воевать, — сказал старшина, — он должен быть сытым. А если брюхо пустое, — у солдата из рук винтовка валится. Вот и соображай, бабуся, при чем мы: при кухне или при фронте...

— А мой сынок, Мишенька, на передовой. Уж второй год пошел.

Один из солдат вытащил из черных ножен финский нож и крупными ломтями накромсал хлеб. Юрка, глотая слюни, ждал, когда его и бабушку пригласят за стол, но солдаты что-то не спешили. Они накладывали на хлеб розовые пахучие ломти свиной тушенки и, посолив, откусывали по громадному куску. Когда с тушенкой было покончено, принялись за копченую колбасу. Ели ее не очищенную. Жевали долго, со вкусом, Юрке казалось, что у них сейчас скулы отвалятся. Ничего, не отвалились даже после второго круга колбасы.

Запах колбасы бил Юрке в нос. Дик уже минут пять носился по избе, стараясь не смотреть на стол. Он чуть слышно скулил.

— Красивая собачка, — с полным ртом сказал старшина. — Только худая.

— Эй, песик! — позвал солдат. — На...

Он отломил кусок хлеба и бросил Дикю. Дик, опустив хвост, подошел к хлебу и в мгновение ока проглотил. Постоял на месте, обнюхивая пол и поглядывая на солдат, потом, виновато взглянув на Юрку, отошел к порогу. Юрка его не винил. Он бы и сам...

— Он настоящего шпиона поймал, — сказал Гусь.

— Умница, — ласково посмотрел на Дика второй солдат и, отломив кусок хлеба побольше, обмакнул его в банку из-под свиной тушенки. — Как звать-то его?

— Дик.

— Иди сюда, Дик, — позвал солдат. — Иди, я тебе кусочек...

— Возьми, Дик! — подтолкнул овчарку Юрка.

Дик подошел и впился голодными глазами в хлеб, который высоко держали над его носом.

— Служи, — сказал солдат.

Юрка не успел сказать, что Дик таким пустякам не обучен, овчарка прыгнула и схватила хлеб вместе с пальцем. Солдат тоже подпрыгнул не хуже Дика и заорал:

— Кусил... Сволочь!

Старшина и другой солдат схватились за животы.

— Ой, худо мне, — стонал багровый от смеха старшина. — Служи, говорит... Это же овчарка, дубина!

Солдату было не до смеха. Из пальца текла кровь. Он очень рассердился. Схватил пустую банку и замахнулся.

— Не стоит, — сказал Юрка. — Еще не так хватит.

Солдат сердито посмотрел на Гуся.

— На цепь посади... такую зверюгу!

Отношения были испорчены. Хотя старшина и другой солдат подсмеивались над товарищем, но и они поглядывали на Дика с опаской. Больше никто из них не предложил ему хлеба.

Закипел самовар. Старшина достал из мешка кулек с сахаром, банку с маслом, сухие коричневые галеты.

— Выпейте с нами чайку, бабуся, — наконец догадался пригласить он.

Юрку к столу никто не звал. «Столько жратвы в мешке, а жмутся...» — подумал он. Вспомнил капитана и его ординарца. Недели две назад они ночевали здесь. Им еще было сутки добираться до части, а на стол выложили все, что было в мешке. И Дику перепало. Юрка с бабушкой целую неделю чай с сахаром пили.

— Садись, — сказала бабка, наливая Юрке чай.

Гусь пил чай и разглядывал постояльцев. Сразу видно, что по продовольственной части: толстомордые. У старшины брюхо ремень оттопыривает. И едят много. Солдаты-фронтовики не такие. Тоже поесть любят, но не так. И потом фронтовики не жадные. Сами за стол садятся — всех сажают. А эти сожрали всю колбасу, а потом: «Выпей чайку, бабуся...»

— Собака-то не того... не бешеная? — спросил солдат.

— Скажет такое! — усмехнулся Гусь. — Она шпиона поймала.

— А чего это она на меня?

— Дразнил.

Старшина убрал хлеб и кулек с сахаром в мешок. Один кусок протянул бабке.

— Это тебе, бабуся, за чай.

Солдаты вышли на крыльцо, закурили. Солнце давно село. Над зазубренной кромкой соснового леса протянулась желто-розовая полоса. Небо, меняя оттенки, готовилось к ночи. Ночь будет светлая. Из-за березовой роши выплывала докрасна раскаленная луна. В такие ночи любят над станцией летать «юнкерсы». А ну как опять ахнут?.. Или парашютистов спустят?

Юрка не знал, сколько времени пробудут у них постояльцы. Они ничего не делали. Спали и ели. Уж что-то, а это они умели делать! Бабка каждый день варила им целый чугун горохового супа со свиной тушенкой. Юрке с бабкой по тарелке оставалось, а Дик только облизывался. Ну что ему полтарелки супа? Старшина две алюминиевые миски за один присест съедает.

Как-то под вечер пришла Шириха. С бабкой поздоровалась, а на Юрку даже не посмотрела. Старшина о чем-то долго толковал с ней, потом развязал мешок и достал буханку хлеба, круг колбасы и две банки тушенки.

— Хватит?

Шириха проворно спрятала провиант в кошелку и, соорюив на лице что-то наподобие улыбки, сказала:

— Шахарку бы... хоть два кушочка.

Старшина дал два куска.

Через пять минут пришел Жорка и вручил ему две бутылки с бумажными затычками.

— Мамка сказала, что еще найдется... — доложил он. — У вас есть сапоги?

— У нас все есть, — нюхая содержимое бутылки, сказал старшина. — Чистый?

— Как слеза, — бойко ответил Жорка. — Мне бы сапоги... Мамка сказала, что за сапоги еще столько нальет.

Когда старшина вышел в сени, Гусь ядовито спросил:

— Базаришь?

Жорка смутился.

— Это не я, — сказал он. — Мамка...

— Новые корочки захотел?

— Хромовые, — сказал Жорка.

— Жми отсюда, барахольщик! — прошипел Юрка, оглядываясь на дверь.

— Я-то при чем? Это мамка...

Наверное, у Юрки было нехорошее лицо, потому что Жорка задом попятился к двери, открыл ее и прямо с первой ступеньки шархнул на землю.

— Паскуда, — пробормотал Гусь.

А Жорка, влетев в свою избу, плаксиво заявил матери:

— Сама торгуй спиртом... И не посылай меня больше. Не хочу!

Дик голодал. Юрка гладил друга, тихонько говорил ему в ухо разные ласковые слова и сам удивлялся: откуда только они берутся? Но Дик грустил и худел. Где-то во дворе он откопал полусгнившую овечью шкуру и почти всю сжевал.

Юрка не знал, что делать. Он страдал не меньше Дика.

Ужинали с бабкой вдвоем. Постояльцы, не дожидаясь, пока самовар закипит, забрали продукты, бутылки и ушли пировать на свежий воздух.

Юрка лениво тыкал вилкой в сковородку с жареными сморчками. Грибы ему опротивели. Дик лежал на полу, лапой прикрыв морду. Виднелся один желтый глаз. Этот глаз укоризненно глядел Юрке в самую душу и спрашивал: «Ну что, Гусь, не можешь прокормить? Давай веди на аэродром. К летчикам. Они прокормят...»

— Баб, гони ты этих квартирантов, — сказал Юрка. — Они что-то мне не нравятся. Люди воюют, а они — Ширихин спирт хлещут.

Бабка молча жевала скользкий сморчок. Поздний луч мягко освещал ее лицо. Добрые темные глаза задумчиво смотрели на стену. Юрка вдруг сделал открытие: на толстом бабкином носу есть маленькие дырочки. Их много, будто кто-то нарочно иголкой натыкал. А ухо у нее совсем молодое и белое, и круглая сияющая сережка вроде не серебряная, а золотая.

— Дожжа бы, — сказала бабка, — глядишь — колосовики пойдут.

— Твой-то сын, Мишенька, воюет, а эти знай жрут да пьют... Прогони, баб.

— Есть тут недалеко делянка... Испокон веков белые водятся.

— Хочешь, я сам им скажу, а?

Бабка положила ложку на стол:

— Уедут... Время такое, что солдаты на одном месте долго не засиживаются. Поживут — и дальше.

— Солдаты! — сказал Юрка. — Интен... данты они — вот кто! И морды круглые. Наели в тылу.

— Как их прогонишь? Сами уедут.

— Я, баб, фронтовиков приведу.

— Отвяжись, — рассердилась бабка, — не твоего ума дело.

Юрка выпустил Дика во двор, а сам забрался на печку. Любил он тут поваляться. Пахнет дымом, теплом, луком. Спать еще рано. Солнце опустилось где-то за соснами. Крыша вокзала стала розовой, а рельсы желтыми, словно их только что вынули из доменной печи. На станции не видно ни души. Высокие тополя стоят не шелхнутя. В тупике притаились десятка два пульмановских вагонов. В них снаряды. Ночью прицепят к вагонам паровоз и состав уйдет на фронт.

Юрка задремал. Он слышал, как залаял Дик. Нужно было встать и узнать, кто пришел, но вставать не хотелось. Дверь отворилась. Леня было открыть глаза и посмотреть, кто это. Зашумел самовар, звякнули чашки. Бабка и гостья сели за стол чай пить. Не чай, а горячую воду.

— Мой-то парнишка говорит: гони их из избы, — слышит Юрка неторопливый бабкин голос. — Морды, говорит, у них толстые... Да разве в этом дело? Кому что предназначено: одни на войне, другие при складе... Парнишка-то мой говорит, едят много... Это верно, поесть любят. Сварю чугуна, в один секунд очистят. И собаке крошки не останется... Не могу я их прогнать. Не чужие... А что при складе — служба такая у них, не бей лежачего...

Бабка замолчала. В избе стало сумрачно. Наверное, уже одиннадцать часов. Дик спит в сенях. Слышно, как он ворочается и вздыхает. Горестно и тяжело, как убитый горем человек. А какое горе у Дика? Брюхо пустое — вот и вздыхает. А может быть, пустое брюхо для собаки — самое большое горе?

— Не знаю, как оно будет дальше, — сказала гостья, и Юрка сразу по голосу узнал Серафиму, Стаськину тетку. — Отец на фронте. А когда война кончится? И что

будет... Мальчонка-то очень самостоятельный. И башковитый. Своих-то я иной раз и погоняю веревкой, а его ни-ни! Не трогаю. Как глянет на меня своими глазищами, — сразу рука опускается. Добрый он. Ничего для других не жалко. Пихну ему кусок получше, не съест. С ребятишками поделится. Любят они его. И слушаются больше, чем меня.

— Привыкла ты к нему, — сказала бабка. — А парнишка и правда хороший.

— Вернется отец, не знаю что и делать. Не старый еще. Другую семью заведет. А Стасик, он мать помнит. Не поймет он... Пусть лучше у меня живет.

— Тяжело ведь? Своих трое...

— Где трое, там и четвертый... Привыкла к нему. Роднее родного.

— А он-то как?

— Молчит. Не очень-то он у меня разговорчивый. С твоим парнишкой вот водится. Твой-то для него лучший друг. Кофту ему... смех один... твою подарил. Не снимает. Дареная, говорит. А то что женская, — ерунда, говорит. Сейчас рубахи не шьют. Снаряды делают... Ну, спасибо, Василиса, за чай. Пойду... Корову надо напоить да в хлев загнать. На лугу она.

Серафима ушла. Высокая, худая, прошла мимо Юрки и не заметила, что он на печи лежит. Правду бабка говорит: людей много, разберись, кто хороший, а кто плохой. Юрка считал, что Стаськина тетка злющая, как ведьма. И вид у нее такой сердитый. А она вон какая добрая! Любит Стаську и не хочет никому отдавать, даром что у самой трое ртов.

Юрка слез с печи. Бабка молилась богу. Ее тень шевелила на стене руками и кивала головой. Бабка стояла на коленях, крестилась и что-то шептала. Наверное, опять просила бога, чтобы Мишеньку оберегал от пули. И еще, чтобы наши победили немцев, этих проклятых антихристов. Об этом она каждый день просит бога.

Бабка поднялась с пола и стала убирать со стола.

— Что-то квартиранты не идут, — сказала она, — загуляли.

— Песни орут, — хмуро покосился на окно Юрка. — Шириха еще им бутылку подкинула... За сапоги!

— Бог с ними, пусть гуляют... Солдатская жизнь не сладкая.

— Какие они солдаты? — возразил Юрка. — И на фронте ни разу не были. У них даже медалей нет. Одна жратва.

Постояльцы в избу пришли поздно. Лунный свет струился в окно. Самолетов пока не слышно. Мимо станции прогремел эшелон. На крыльце сельсовета сидели мужики и курили. Их цыгарки то ярко вспыхивали, слабо освещая лица, то гасли. Юрка не спал. Солдаты и старшина были здорово пьяны. Кто-то из них в сенях наступил Дикю на лапу. Дик зарычал...

— Чтоб тебя... — выругался старшина.

Они прошли в другую комнату, которую бабка к лету привела в порядок.

Громкий храп не давал Юрке заснуть. А тут еще Дик возился на полу, повизгивал. Есть хочет. Вот уже пятый день, как Дик в рот не брал мясного. Днем Юрка угощал его жареными сморчками — не взял. А храп все сильнее. Наверное, дверь забыли закрыть.

Юрка тихонько встал с кровати: так и есть — распахнута настежь. И дверь в сени открыта. Неслышно подошел Дик и потерся мордой об руку. Бабка спит. Она тоже похрапывает. К ее храпу Юрка привык. Не слышит.

Надо закрыть дверь и лечь спать. Стоит только протянуть руку, нащупать скобу, и все будет в порядке. Но Юрка медлит. Его взгляд прикован к вещевым мешкам. Зеленые, тугие, они привалились друг к другу в углу при-

хожей. Лунный свет вычертил каждую складку на них. Можно, не развязывая мешок, безошибочно угадать, где консервные банки, где хлеб, где колбаса.

Дик ткнулся мокрым носом в ладонь. Он пять дней досыта не ел. Дик, который спас Юрку от Ангела, нашел шпиона... Нужно развязать ремни и... Дик будет сыт.

Юрка поклялся больше не воровать. На могиле Северова...

Он стоял на пороге и, не отрываясь, смотрел на мешки. Постояльцы спали. Кто-то из них чмокал во сне губами, будто с хрустом жевал резину. Зеленоватый луч соскользнул с подоконника и осветил большой хромо́вый сапог. Сапог засиял, рельефно выделяясь на белой простыне. Это сапог старшины. Свинья, не раздеваясь завалился на чистую постель. Белье-то бабкино. Выстирает...

Гусь решил. Он взял буханку хлеба, банку тушенки и два круга колбасы. Столько продуктов он давно в руках не держал.

Пир устроили в огороде между капустных грядок. Дик глотал хлеб и колбасу не разжевывая. Юрка был рад за друга, но на душе скребли кошки. Он сначала не хотел прикасаться к продуктам. Пусть все Дик съест. Но не выдержал и тоже навалился на хлеб и колбасу.

Ему хотелось, чтобы не было утра, чтобы эта ночь никогда не кончалась.

ШЛА ДЕВЧОНКА ЗА ВОДОЙ

Утро все-таки наступило. Юрка проснулся, но еще долго лежал с закрытыми глазами. Было тихо. Тогда он открыл один глаз и увидел на потолке два солнечных зайчика. Они весело гонялись друг за другом. Юрка открыл и второй глаз. В избе никого нет. Окно распахнуто. Из огорода доносится пчелиное жужжание, тянет запахами укропа, лука.

— Бабушка, — негромко зовет он.

Никто не отвечает.

Тогда Гусь сбрасывает с себя жаркое стеганое одеяло, вскакивает. У кровати вместо коврика лежит Дик.

Он отбросил в сторону все четыре лапы и косит на Юрку сонным, довольным глазом.

Юрка быстро одевается, выбегает на крыльцо. На верхней ступеньке сидит бабка Василиса и очищает сморчки от земли. Успела уже, старая, в лес сходить!

— Я бы сбегал.

— Будила... Да разве тебя добудишься?

Юрка сходил в избу, посмотрел, сколько времени. Одиннадцатый. Не утерпел, приоткрыл дверь в комнату квартирантов. Там никого не было. Исчезли и мешки из прихожей. Юрка не верил своим глазам: ушли? Он ринулся в сени.

— Где?!

Бабка разрежала белый сморчок на две части и бросила в чашку. Вода брызнула Юрке на ноги.

— Утром встали, забрали свое добро—и к Ширихе... Видать, не понравилось у нас.—Голос у бабки спокойный, в темных глазах непонятная усмешка.— Не угодила, видать... Плохо ухаживала.

— И больше не придут? — вырвалось у Юрки.

— Ушли и спасибо не сказали.

У Юрки гора спала с плеч. Он вернулся в избу, наклонился к Дику и в желтую собачью шерсть прошептал:

— Ушли, Дик. Ты понимаешь, ушли!

Дик улыбнулся, показав клыки и сморщив нос. Он тоже был рад и сыт. Главное — сыт.

Юрка схватил сухой березовый веник и начисто вымел избу. Сбегал в огород, нарвал к завтраку зеленого лука. Бабка удивленно посмотрела на него и сказала:

— Воды нет.

За водой ходить Гусь не любил. Считал это дело не мужским. А тут беспрекословно взял ведра, старое облупленное коромысло и отправился на колонку.

— Эй, Гусь! — окликнул его по дороге Жорка.

— Привет, — весело ответил Юрка.

Жорка озадаченно почесал конопатый нос и сказал:

— А чего это ваши постояльцы ушли к нам?

— У вас же спирт...

— Не-е... — усмехнулся Жорка. — Не из-за этого.

— Говори-говори... — Юрка поставил на траву ведра, подошел к нему. — Из-за чего?

Жорка поглядел в недобрые Юркины глаза и пере-

стал ухмыляться. И зачем он опять задел этого Гуся? Теперь добра не жди.

— У вас тесно, — неуверенно сказал Жорка, опуская взгляд в ведро.

Это было просто смешно. Бабкин дом вдвое больше Ширихиного. Но Юрка охотно согласился.

— Это верно, у нас тесно. Собака и прочее... — миролюбиво сказал он.

— И продукты у вас хранить нельзя...

— Почему?

— Крысы...

Юрка осторожно взял Жорку за ворот рубахи, приблизил к себе:

— Запомни, рыжая жаба, — негромко сказал он. — Капнешь кому-нибудь, придушу!

Подобрал ведра, коромысло и ушел, позванивая дужками. Глядя на его худую, но сильную спину, Жорка с трудом удержался, чтобы не бросить вслед что-либо обидное. Ядовитые слова так и вертелись на языке, но Жорка пересилил себя. С Гусем надо поосторожнее. И вправду придушит. Отчаянный он человек. И глазищи горят, как у луны.

Юрка, прижав спиной к стволу колонки рычаг, терпеливо дожидался, пока хлипкая струя наполнит ведро. Неужели разболтает Жорка? Опять, скажут, взялся за старое... Ворует. Узнает бабка, Егоров. По мере того, как наполнялось ведро, Юркино настроение падало. Зря, пожалуй, залез он в мешок. Ведь клялся Северову... Проклятая натура — берет свое!..

Вода брызнула на штаны, босые ступни. Юрка отпустил рычаг, поддел коромыслом оба полных ведра и, выделывая ногами замысловатые кренделя, двинулся к дому. Зачем налил он полные ведра? Тяжело. Потом — что ни шаг — вода выплескивается на штаны. И ведет из стороны в сторону. Уж лучше, как бабка, ходить с одним ведром.

— Отдохни, а то упадешь, — услышал он насмешливый голос. Юрка резко повернул голову вправо и увидел Маргаритку. Она стояла на тропинке с ведром в руках.

— Опустит ведро-то, — улыбнулась она.

Ведра, будто того и ждали, сами шлепнулись на землю. С громом, звоном, плеском. Юрка швырнул под ноги ненавистное коромысло и повернулся к Рите.

— Льет, понимаешь, на штаны, — сказал он, вода ладонью по боку.

— Ты неправильно носишь... Нужно идти не вразвалку, а быстро-быстро... А где Дик?

— Он шпиона поймал.

— Юр, покажи!

— Шпиона?

— Дика, дурачок.

В другой раз Юрка бы обиделся, а тут ничего не сказал.

— Худющий-то какой! — ахнула Маргарита, увидев Дика. Он ее сразу узнал и очень обрадовался. Как и прежде, принялся прыгать, скакать.

— Чем кормишь?

— Колбасой, — сказал Юрка, — и свиной тушенкой.

— Он умрет...

— А где я возьму жратву? — рассердился Гусь. — Знаешь, сколько ему надо?

— Он голодный... — Рита поставила порожнее ведро и выскочила за калитку.

— Чья это такая прыткая? — спросила бабка.

— Маргаритка... девчонка одна.

— Вижу, что не парень... Не Кбльки однорукого дочка?

— Его.

— Хороший мужик, работающий, — сказала бабка. — Уж который год один с ней нянчится...

— У него хоть и руки нет, а знаешь, как на тракторе ворочает? — оживился Юрка. — И она... эта Маргаритка ничего... Она нам обеды варила на аэродроме. Вкусные.

— Только бы не в матку... — загадочно сказала бабка и ушла в избу.

Маргаритка притащила полный котелок картофельного супа, накрошила туда хлеба и поставила перед Диком.

— Ешь.

Они глядели на собаку, уплетающую теплую похлебку, и молчали.

— А где твоя мамка? — вдруг спросил Гусь.

— У меня папа, — сказала Рита и погладила Дика.

— Тебя мамка... — начал было Юрка, но Маргарита перебила:

— Вот пристал!

Ее серые глаза потемнели, будто в них синьку добавили. Золотистые паутинки задрожали надо лбом, круглый подбородок дрогнул.

— Теперь до вечера сыт, — сказал Юрка.

— Я ему буду каждый день что-нибудь приносить... Ведь он не только твой. Общий?

— Угу, — сказал Юрка.

Дик вылизал котелок, отошел в сторону и улегся в тени, под забором. Разговор иссяк. Маргаритка о чем-то думала, а Юрка не знал, что еще сказать.

— Я пойду, — сказала Рита.

— Ты теперь здесь будешь жить?

— Папе дали работу. В гарнизоне.

— На тракторе?

— Грузовик получил... Я пойду.

— Полуторку? — спросил Юрка.

— Трехтонку.

— А-а, — сказал Гусь. — Ну, иди.

Маргаритка ушла. Дик проводил ее до калитки, обидчиво полаял и снова улегся в тени. Юрка вспомнил про книжку «Айвенго», которую ему подарила Рита. Он совсем забыл про нее. Хорошо, что не спросила, читал или нет.

Книжка вместе со скудными Юркиными пожитками лежала в комод. Она была толстая и без картинок. Юрка тяжело вздохнул и раскрыл первую страницу.

— Никак читать собрался? — удивилась бабка.

— Говорят, интересная.

— Про што хоть?

— Про этих... рыцарей.

— Лыцарей? А кто это такие?

— Были раньше, — сказал Юрка. — Неужто не помнишь? У них еще эти... кольчуги и мечи.

В З Р Ы В

Стасик изо всей силы стукнул кулаком в дверь и присел: больно!

— Гусь! — крикнул он.

Дверь молчала.

Стасик ничего не понимал: где Юрка? Прячется от него, что ли?

— Юрка-а! — заорал он, пиная дверь ногами.

— Ишь, развоевался, — услышал он голос за спиной. — Чего грохочешь?

— Доброе утро, бабушка, — сказал Стасик. — Я Юрку...

Бабка Василиса закрыла калитку в огород и поднялась на крыльцо. Руки у нее были в земле. Видно, картошку полола.

— Как твоя тетка-то? — спросила она.

— Спасибо, здоровая.

Бабка окинула взглядом щуплую фигурку мальчика.

— Ничего... выправился.

— Скажите, пожалуйста, где Юра?

— А когда тебя тетка сюда привезла — стоять не мог... Как былинка.

Стасик почувствовал себя неловко. Сколько можно качать головами, жалеть: «Какой ты худенький! Да как тебя ноги держат?» Никакой он не худенький. И ноги у него как у всех, разве что немного потоньше... И бегают не хуже других.

— Бабушка, у вас гусеница ползет по голове, — сказал Стасик и, приподнявшись на цыпочки, снял с платка зеленую капустницу.

— Не знаю, что делать, — пожаловалась бабка. — Еще и кочнов-то не видать, а эти обжоры уже обглодали все листья.

— Третий раз прихожу — нет дома.

— Спасу нет с ними... Не углядишь — так всю капусту на корню сожрут.

— До свиданья, бабушка, — сказал Стасик.

— Ты к моему озорнику, сынок? — спросила бабка. — Так он на сеновале... Третий день там шебуршит в сене. И собака с ним.

Стасик перемахнул через перила крыльца и — бегом к дощатому сеновалу, что стоял неподалеку от дома. Отворил тяжелую скрипучую дверь и захлопал глазами: со света темно, ничего не видно. Сена тут была одна охапка. Юрка лежал у стены на драном тулупе. Одна из досок отошла, и в прореху прямо на раскрытую книгу падал яркий дневной свет. Лежал Гусь на животе, руками обхватив голову. Он не слышал тягучего скрипа двери,

не видел Стасика. Юрка витал где-то далеко. Одна нога его была подогнута. К черной пятке прилип зеленый огуречный лист. Дик лежал рядом. Он-то Стасика сразу увидел. Не вставая, приветливо повозил хвостом по пыльному полу.

— Куда запрятался! — удивился Стасик. — На дворе места мало?

— Погоди, — не отрываясь от книги, сказал Гусь. — Я сейчас...

Стасик подождал. Юрка словно забыл про него. Читал и дрыгал ногой.

— Тебя Тимка Груздь ищет, — сказал Стасик.

Юрка дрыгнул ногой и что-то промычал.

— Наверное, опять шпионов ловить.

Юрка с сожалением захлопнул книгу и повернулся к другу:

— Один всех разбойников разогнал... — сказал он.

— Кто?

— Ричард Львиное Сердце... Вот человек был — никого не боялся.

Стасик взял книгу, полистал.

— Интересная?

— Ого! — сказал Юрка.

— Даешь?

— Жалко, что ли...

Солнце нагрело обшитую дранкой крышу сеновала. Стало душно. Запахло старым сеном. Солнце лезло из каждой щелки. В ярких голубоватых столбиках вихрилась пыль. Юрка все еще находился под впечатлением книги. Вызванные его воображением образы все еще теснились на сеновале... Это не солнечные лучи прорезали сумрак. Это могучие рыцари скрестили копья. И по дороге, мимо бабкиного дома, не телега тарыхтит, а мчатся на тонконогих скакунах разбойники Робина Гуда...

Стасик распахнул дверь. Летний день лавиной хлынул на сеновал, развеял образы...

— Смотри, что я достал. — Стасик разжал ладонь, и на ней блеснула короткая белая палочка.

— Детонатор! — обрадовался Гусь. — А шнур?

Стасик вытащил из кармана кусок шнура.

— Выменял на патроны, — сказал он.

— Попробуем, как горит.

Юрка сбежал домой за спичками. Ножом отрезал маленький кусочек, распушил фитиль и поджег. Пыхнул синий дымок, вырвалось тонкое жало огня — и все.

— Черт, быстро горит, — сказал Юрка.

— Не годится?

Гусь пожал плечами.

— Надо проверить с детонатором... У тебя еще есть?

— Три штуки.

— Тогда испытает. — Юрка забрался на чердак, достал из сундука мешок со взрывчаткой. Взгляд его наткнулся на пустую запыленную бутылку. Прихватил ее с собой и спустился вниз.

— Бомбу соорудим, — сказал он.

Натолкали взрывчатку в бутылку, в горлышко вставили детонатор со шнуром.

— Куда бы приспособить?

— Пошли в лес, — предложил Стасик. Но Юрке хотелось испытать самодельную гранату сейчас же. Он по-

ставил бутылку в картофельную борозду и полез в карман за спичками.

— Как бабахнет... — сказал Стасик.

— Отойди, — приказал Юрка. — Дика запри в сеновале.

Стасик закрыл овчарку и вернулся.

— А бабушка? — спросил он.

— Она глухая. А потом ее нет. В лес ушла.

Юрка ногтем расковырял конец шнура и чиркнул спичкой. Но поднести не успел: Стасик из-за его спины дунул на огонек.

— Уйди, говорят! — обозлился Гусь.

— Я подожгу, — сказал Стасик. Юрка изумленно уставился на него.

— Ты?!

— Давай спички.

Лицо у Стасика было очень бледное, но решительное. Что-то новое, незнакомое появилось в его глазах. И Юрка против своей воли протянул спички.

Стасик, нахмутив лоб, опустил перед бутылкой на колени. Бутылка была зеленоватой, и один бок ее ярко блестел. Он чиркнул спичкой и сразу же погасил: мимо дома прогрохотала машина. Когда скрип рессор и ляг бортов заглохли вдали, Стасик снова чиркнул спичкой и спокойно поднес к шнуру.

— Бежим! — гаркнул в ухо Юрка. Плечо к плечу они добежали до забора, упали в крапиву и в ту же секунду раздался оглушительный взрыв. Солнце подпрыгнуло над головой и исчезло. Стало темно. Сверху на них что-то

сыпалось. Гусь открыл глаза и чихнул. Над ними висело облако пыли. Когда пыль осела, ребята ахнули: посредине бабкиного огорода зияла порядочная воронка. Зеленая картофельная ботва стала серой от пыли.

— Гошподи, помилуй, гошподи, помилуй... — бормотал кто-то рядом.

Юрка перевернулся на бок и увидел Шириху. Она лежала на тропинке, уткнувшись лицом в лопухи. Скрюченные пальцы ее вцепились в траву.

— Шириху ранило, — прошептал Гусь, толкая локтем приятеля.

— Куда? — спросил тот.

— Господи, помилуй, говорит, — сказал Юрка.

— Ну, теперь будет...

К дому бабки Василисы бежали люди. У калитки затормозил открытый зеленый «виллис». Из него выскочили трое военных и тоже затопали во двор. Юрка и Стасик, прислонившись к забору, сидели в крапиве.

Крапива жгла (они только сейчас это почувствовали), но вылезать из нее не хотелось. Лучше в крапиве сидеть, чем стоять под осуждающими взглядами людей.

Молодой лейтенант в зеленых погонах осмотрел воронку, повернулся к собравшимся:

— Что тут произошло?

— Бомба разорвалась, — сказал кто-то.

— Откуда она взялась? — возразил лейтенант. — Налета-то не было.

— Только это вышла я из дома, слышу гудет, — затараторила Шириха. — Как грохнет, батюшки мои, чуток в меня не угодил, треклятый... Шамолет жбросил.

— А вы видели, мамаша?

— Шамолет-то? — спросила Шириха. — Улетел окаянный... Жбросил бомбу и — покедова.

— Не было самолета, — загудели в толпе. — Примерещилось ей... Со страху.

Один из бойцов обнаружил в траве мешочек с толом и показал лейтенанту.

— Картина проясняется... — Суровый взгляд лейтенанта остановился на ребятах, все еще сидевших в крапиве. — Ваша работа?

— Мы бомбы не умеем делать, — сказал Гусь. — Это замедленная... Мы в ножички играли, а она сама взорвалась.

— Чье это добро? — спросил лейтенант, взвешивая в руке увесистый мешочек.

Ребята молчали.

— Ах ты шукин сын! — заорала Шириха, наконец сообразившая, в чем дело. — Чуть меня на тот швет не отправили... Жаберите его вместе с шобакой. Житья нет!

В толпе Юрка увидел Жорку. Он показывал на Юрку пальцем и что-то взахлеб рассказывал толстой тетке.

— Попался, Гусь? — крикнул из толпы Рыжий. — Теперь тебе каюк.

Жорка больше не боялся Гуся. Он был уверен, что теперь-то Юрку приберут к рукам. Жорка радовался и не скрывал этого.

— Поехали с нами, — сказал Юрке лейтенант.

— Это куда?

— В комендатуру.

Юрка нехотя выбрался из крапивы и стал отчаянно чесать ноги.

— В штаны бы тебе еще крапивы натолкать, знал бы, как людей полошить, — сердито сказала толстая тетка. Жорка уже успел все про Юрку выболтать.

— Хватит чесаться, — лейтенант крепко взял Юрку за руку. — Еще, приятель, почешешься...

Пока разворачивались все эти события, Стасик молчал. Увидев Шириху живой и невредимой, он обрадовался. Но когда дело круто повернулось против Юрки, даже пожалел, что Ширихе не попало. Очень уж яростно она налетела на Гуся.

Юрку повели к машине. Стасик бросился к лейтенанту.

— Это я взорвал, — торопливо сказал он. — Гусь ни при чем. Отпустите.

— Брешет, — крикнул из толпы Жорка. — Это Гусь. Я знаю.

— Вру? — Стасик выхватил из кармана два детонатора и протянул лейтенанту. — Вот, остались.

Лейтенант осторожно положил детонаторы в разные карманы и сказал:

— Поедешь с нами... Там разберемся.

— Помалкивал бы... человек! — проворчал Гусь. — Кто теперь Дика выпустит?

Юрка хотел рассердиться и не мог.

Усаживаясь в маленький «виллис», лейтенант спросил:

— Был еще кто-нибудь в вашей компании?

— Был, — быстро сказал Юрка. — Вон, стоит у забора, рыжий.

Стасик раскрыл было рот, но Юрка незаметно щипнул его. Стасик подпрыгнул на жестком сиденье, но ничего не сказал.

Жорку посадили рядом с Юркой.

— Брешет он, дяденька, — плакал Рыжий, размазывая кулаками слезы по толстым щекам. — Я смиренный-й, спроси-и у мамки-и...

— Смирный-й... — передразнил его Юрка. — А бомбу взорвал?

— Ну скажи, что он брешет, — заглядывая Стасику в глаза, ныл Жорка. — Ежели где и валяется бомба, так я ее за километр обойду.

Стасик молча отвернулся от него.

— Отпусти-и, дяденька-а-а... Я... я...

Тут машина резко взяла с места, и Жорка, охнув, схватился рукой за подбородок. Слезы еще сильнее закапали из глаз, но он молчал. Видно, язык прикусил.

Когда проезжали мимо сельпо, Юрка увидел Маргаритку. Она с котелком шла навстречу.

— Дик в сарае... — проносясь мимо, крикнул Юрка и помахал рукой.

АЙ ДА КАПИТАН!

— Вот они, голубчики, — сказал лейтенант, вводя ребят в небольшую комнату. У распахнутого окна стоял письменный стол. На нем, кроме чернильницы, ничего не было. Одну стену занимала огромная зеленая карта. Словно клюкву кто-то рассыпал по ней. Это красные кружочки и точки. Лицом к карте стоял дядя Вася и толстым карандашом соединял кружочки синей ломаной линией. Юрка и Стасик переглянулись и опустили глаза.

— Рад вас видеть, мальчишки, — широко улыбнулся капитан. — В гости пришли?

— С гостинцем привел, товарищ капитан. — Лейтенант поставил на стол мешок со взрывчаткой. Выложил из кармана детонаторы.

— Вы свободны, Титов, — сказал дядя Вася.

— Гм, — сказал лейтенант и, строго взглянув на ребят, вышел.

Капитан поздоровался с Юркой и Стасиком за руку, Жорке тоже руку подал.

— Дяденька, я тут ни при чем, — сказал Рыжий. — Это все они...

Дядя Вася усадил их на черный мягкий диван и сам сел рядом.

— Как твоя собака? — спросил он.

— Жива, — неохотно сказал Юрка, а про себя подумал: «Ну чего резину тянешь? Давай накручивай хвосты».

Но капитан не спешил. Он достал папиросы, закурил и вдруг крепко обнял Юрку за плечи.

— Важная птица оказался тот «агроном», — сказал он.

— А толстый Мосин тоже важная птица? — спросил Юрка.

— Птица, — сказал дядя Вася. — Вернее, стервятник...

— А второго парашютиста поймали? — спросил Стасик.

Капитан встал, подошел к карте и карандашом потыкал в красный кружок.

— В этом районе скрывается. Парашют нашли, а диверсант пока гуляет...

— Дик бы его накрыл, — сказал Гусь. — Сцапал бы как миленького.

— Сыт он у тебя?

Юрка со Стасиком снова переглянулись.

— Сыт, — сказал Юрка. В этом вопросе он уловил что-то большее, чем простое любопытство. Уж не хочет ли дядя Вася отнять у него Дика? Так вот почему он так с ними разговаривает! Как говорится, мягко стелет, да жестко спат. Нет, Дика Юрка никому не отдаст. А если силой отберут, — позовет летчиков. Они-то уж не дадут ни его, ни Дика в обиду.

— Верно говорит Гусь? — обратился капитан к Стасику.

Этого Юрка больше всего боялся. Стасик врать не станет. Не такой он человек. И верно, Юркин друг лукавить не стал.

— Юрке самому есть нечего, — сказал он. — А Дику

много надо, я знаю. У нас в Ленинграде был Байкал... У Дика остались кожа да кости. Он теперь и шпионов-то ловить не сможет.

— Милиционер Егоров говорил, что скоро хлеба по сто граммов прибавят. — На Юркиных щеках так и заходили желваки. Голос его срывался. — Маргаритка каждый день по котелку с супом таскает... Ты же видел, она несла, когда мы ехали? — угрюмо посмотрел он на друга.

— Несла, — сказал Стасик.

— Для служебной собаки это не еда, — сказал капитан.

— Режьте меня, а Дика не отдам! — Гусь вскочил с дивана. Губы его подергивались, глаза стали влажными. Стасику показалось, что он сейчас заплачет. Но Юрка не заплакал. Он наотмашь провел рукой по лицу, и губы его сразу перестали дрожать, а глаза стали сухими, колючими.

— Ишь, взвился, — усмехнулся капитан. — Никто не собирается у тебя собаку отбирать. Хотя вообще-то сам должен понимать: время военное, и служебным собакам место в армии. Знаю, что эта собака погибшего летчика.

— Северова, — сказал Юрка. — Он был мой друг. Режь — не отдам Дика.

Жорка Ширин ничего не понимал. Капитан, вместо того, чтобы отправить их всех на гарнизонную гауптвахту или как следует отругать, разговаривает с этим Гусем, как со старым приятелем. И Гусь его совсем не боится. Ишь, развалился на диване, будто и вправду в гостях.

— Меня мамка дома ждет, — плаксиво сказал Жорка. — Отпустите!

— Может быть, с нами пообедаешь? — предложил капитан.

— Меня и рядом-то не было, когда она взорвалась, — снова захныкал Жорка. Он решил, что капитан намекает на казенные харчи, то есть на кутузку.

— Я разве тебя держу? — сказал дядя Вася. — Иди к своей мамке.

Жорка провел кулаком под носом, захлопал рыжими ресницами.

— А часовой? — спросил он.

— Иди, — сказал дядя Вася.

Рыжий, не глядя на ребят, на цыпочках засеменял к двери. Осторожно отворил, проскользнул в щель.

— Ну, а вы, знаю, народ не гордый, — дядя Вася взглянул на часы. — Обедать!

В просторной столовой за длинным столом сидели солдаты. Капитан усадил ребят за маленький стол, а сам пошел на кухню. Вернулся вместе с высоким поваром в белом халате и в пилотке.

— Солдатский борщ вас устраивает? — спросил повар.

— Не плохо бы, — сказал Гусь и облизнулся.

— За мной, — скомандовал повар. — Держите равнение на кухню.

Он налил им по полной тарелке жирного борща, нарезал хлеба. Все это пришлось самим тащить на стол.

— На второе гречневая каша, — сказал повар и весело подмигнул: — Тарелки не скушайте... Где новые возьму? Карапузы.

Каша была с маслом, вкусная. Юрка выскреб тарелку дочиста и отправился на кухню за добавкой. Повар поддел черпаком солидную порцию, шмякнул на тарелку, сверху щедро полил маслом.

— Я гляжу, парень, ты широкоплеч... в брюхо, — сказал он.

— Ты сморчки ел, дядя? — спросил Гусь.

— Сморчки? — повар покачал головой. — А что это такое?

— Грибы такие в лесу растут... Попробуй.

Юрка забрал чашку и поспешил на место. Капитан со Стасиком, отложив в сторону ложки, разговаривали.

— Был я в Эрмитаже, Русском музее, — говорил капитан. — Картины-то вывезли?

— Спрятали, — сказал Стасик. — А памятник Петру в землю закопали.

— Коней с Аничкова моста убрали?

— Закопали, — сказал Стасик. — Ни одна бомба не достанет.

Юрка всю кашу не стал есть. Вообще-то ему уже есть не хотелось. И так после первой чашки живот раздуло. Это для Дика. Но вот беда — некуда положить. В столовой ничего подходящего не видно. Солдаты ушли и даже кусочка бумаги на столе не оставили. При-

шлось Юрке стащить с головы пилотку и туда вывалить кашу.

— Про запас? — поинтересовался дядя Вася.

— Дику.

— Зачем же ты обмундирование портишь?

— В руках понесу, что ли? — сказал Юрка.

Капитан позвал повара.

— Обеспечь парню посудину. Собака у него, овчарка. Я тебя попрошу, Сотник, разные там кости, отходы оставлять. Он, — дядя Вася кивнул на Юрку, — приходит будет.

— Не надо посудину, — обрадованно сказал Гусь, — я за ведром сбегая.

— Сразу уж бочку тащи... — улыбнулся длинный повар. Он принес из кухни картонную коробку с костями и комками подгорелой каши. — Донесешь? Или машину вызвать?

— Хорошо бы на машине... — в тон ему ответил Юрка.

Он вывалил в коробку кашу, заторопился домой.

— Погоди, — сказал дядя Вася. Юрка сразу скис. Он совсем забыл, что их привели сюда под конвоем. И не кашу с маслом есть...

— Что-то я таких грибов не знаю, — высунул повар нос из кухни. — Какие они из себя?

— От сморчков помереть можно, дядя, — сказал Юрка.

— Поганки?

— Яд в них какой-то.

Они снова пришли в кабинет. Капитан не стал их отчитывать. Заложив руки за широкий командирский ремень, он ходил по комнате. И заговорил совсем о другом.

— Скоро в школу? — спросил он.

— В здешней школе все стекла выбиты, — сказал Стасик.

— А ну ее, школу, — махнул рукой Гусь. — Пускай девчонки ходят.

— А мальчишки?

— Война ведь, — сказал Юрка.

— Ах глупцы! — вдруг рассердился дядя Вася. — Война... Ну и что же? Жизнь-то не остановилась? Кончится война. За что люди на фронтах умирают?

— За Родину, — сказал Юрка. — Сколько раз по радио говорили.

— Война — это слезы, голод, смерть... Стасик знает, что такое война.

— У меня тоже мамку убили, — сразу потускнев, сказал Юрка.

— Учиться, мальчишки, надо, — сказал дядя Вася. — Войне конец придет. Не век же ей быть! А кто все заново строить будет? Дома, театры, дворцы? Вы, мальчишки, будете строить.

— Я не буду строить, — сказал Гусь. — Я летчиком-истребителем буду.

— А если вообще никогда больше войны не будет? Люди перестанут делать пушки, танки, самолеты. Тогда кем ты будешь?

— А граница? Охранять-то надо.

— Зачем охранять, если у людей не будет дурных намерений. Пускай приходят к нам в гости, а мы к ним.

— И немцы? — спросил Стасик.

— А почему бы и нет?

Стасик поднял свою курчавую лобастую голову, тоскливо посмотрел капитану в глаза.

— Они мою маму убили.

— Он нарочно, Стась, — сказал Юрка. — Шутит.

Капитан присел на низкий широкий подоконник. Против окна рос молодой тополь. Зеленая кора на стволе была нежной, гладкой. Листья, словно в ладонь, собирали на своей маленькой поверхности солнце.

— Идите сюда, — позвал капитан.

Из окна открывался вид на сосновый бор. Он начался сразу за колючей проволокой, которой была обнесена гарнизонная территория. У самой проволоки косила женщина. Белая косынка сбилась у нее на затылок, подол юбки был подоткнут. Она несмело махала косой, боясь зацепить за камень.

— Косит, — сказал капитан. — А почему? — И сам ответил: — Муж на войне... И так сейчас везде... Вернется ли он? Как говорится, один бог знает. А жизнь идет. Вот и взялась женщина за косу. И не только за косу — за винтовку. Жить бы да радоваться, а мы воюем: Вот кончится война. Вернутся уцелевшие домой, а там — пепел. Немцы, французы, румыны, венгры, чехи — все за-

думаются: во имя чего это? Что дала им война? Голод, разруху, смерть. Поумнеют после войны и там... Я хочу, Гусь, чтобы ты не о военной профессии думал, а о гражданской. Надо строить, а не разрушать цивилизацию.

Капитан вдруг умолк, задумчиво глядя в окно. Солнце било прямо в лицо, и он сощурился.

— Цивилизация... — тихонько повторил Юрка. — Стась, что это такое?

— Это... — Стасик замялся и посмотрел на капитана, — это музеи, театры... Ну, культура.

— Я никогда не был в музеях, — сказал Гусь. — И в театрах тоже. А ты был?

Стасик кивнул.

— Плевать я хотел на театры, — вызывающе сказал Юрка. — И на музеи тоже. Я кино уважаю.

Стасик промолчал.

— Театр — это чепуха. Когда эшелон разбомбило, я видел эти штуки... Ну, на которых все нарисовано.

— Декорации, — подсказал Стасик.

— Ага, эти самые. На большущей простыне нарисован дом с окнами. А деревья сделаны из бумаги... В кино все настоящее. Уважаю кино.

— Скорей бы война кончилась, — сказал Стасик.

— Я бы сразу сто штук булок съел... Маленьких, по тридцать шесть копеек, — сказал Гусь. — Я их в школе на переменах покупал. Вкусная штука. Уважаю маленькие булки. Большие тоже ничего. По семьдесят две копейки.

— Французские?

— Наши, — сказал Юрка. — В нашей пекарне пекли. Их мама покупала.

— Это французские, — улыбнулся Стасик. — Напротив нашего дома была булочная. Я сам покупал... Потом снаряд попал. Только в булочной ничего не было. Пусто.

На столе в пластмассовой коробке глухо заурчал левой телефон.

— Так... Так... Так... — три раза подряд сказал в трубку капитан. — Сам выеду... Хорошо.

Он сунул трубку в ящик, посмотрел на ребят. Они сразу замолчали. Юрка приподнял крышку коробки, достал желтую кость и зачем-то понюхал. Капитан перевел взгляд с мальчишек на мешочек с толом. Стасик вы-

тянул худую шею. Лицо его стало виноватым. Юрка сосредоточенно перебирал в коробке кости.

— Здорово рвануло, — сказал дядя Вася. — Я из окна столб пыли увидел.

Мальчишки молчали.

— У людей и без вас нервы на взводе... а вы...

Дядя Вася взял мешочек со взрывчаткой, взвесил в руке и снова положил на стол.

— Заходите, — сказал он. — Обязательно. Часовому скажите — ко мне... Пропустит.

Он пожал ребятам руки, проводил до крыльца.

— А этого... рыжего парнишку зачем сюда прихватили? — спросил он.

— Так, — сказал Юрка. — Барахло он.

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Дик на казенных харчах быстро вошел в тело. Густая темная шерсть заблестела, умные карие глаза стали веселыми. Длинный повар Сотник не скупился: давал кости, хрящи, остатки из котла. Каждое утро с ведром Юрка бегал в гарнизонную столовую. Часовые в проходной познакомились с ним, но шутки ради каждый раз спрашивали пароль.

— Ведро, — весело отвечал Гусь, шлепая ладошкой по звонкой посудине.

— Проходи, — говорил часовой, уступая дорогу.

Сотник был не похож на других поваров. Обычно повара толстые, круглые, как шар. А он тощий, длинный. И лицо у него было такое, как будто его не кормили. Не любил Сотник поварской колпак. Всегда носил пилотку. Белоснежный колпак лежал на полке. Повар надевал его в исключительных случаях. Например, когда на кухню приходил начальник гарнизона.

— Надень колпак, — как-то попросил его Юрка. — А то все ходишь в пилотке.

— Колпаки дураки носят и шуты, — сказал Сотник. — А я, парень, солдат.

Юрка думал, что Сотник обиделся и больше не даст Дикю костей, но повар еще и его угостил обедом. Хороший он, этот Сотник. Только чудной. Помешивает громадным половником в котле и все время хмурится, будто недоволен чем-то. А придут солдаты обедать, посылает Юрку в столовую узнать, какого они сегодня мнения о борще.

— Только не ври, — предупреждает он. — Не люблю брехунов.

Зачем Юрке врать-то? Не он борщ варил... Подойдет Гусь к столу, спросит:

— Ну, как борщ?

— А ты кто, помповара? — улыбаются солдаты.

— Я так, посторонний.

— Скажи Сотнику, борщ что надо... Пусть добавит.

— Борщ что надо, — вернувшись на кухню, говорит Юрка. — Хвалят.

Сотник, вместо того, чтобы обрадоваться, начинает еще больше хмурить свои рыжеватые брови.

— Кости получил? — спрашивает у Юрки.

— Спасибо, — кивает тот. — Кости хорошие, с мозгами.

— Сыт?

— Брюхо раздулось, — улыбаясь, хлопает себя Гусь по животу.

— Освободи пищеблок, — строго говорит Сотник. — Посторонним сюда вход воспрещен.

Юрка, прихватив ведро, уходит. Чтобы выйти к проходной, нужно пройти мимо кухонных окон. Идет Юрка, а Сотник высунет в форточку голову в пилотке и говорит:

— Эти... сморчки бы посмотреть. Принеси, парень.

— Плюнь на них, — советует Гусь. — Отравишься... У тебя борща полный котел.

Дик разгрызал кости, как орехи. Не клыки у него, а стальные кусачки. Как сожмет челюсти, так любая кость крошится. Все Дик никогда не съедал. Одну кость обязательно прятал. Делал он это так: черным носом смешно колупал землю, а потом клал в крошечную ямку большую кость и, облизываясь, преспокойно уходил. И невдомек ему, что кость-то вся на виду.

С Белкой у Дика понемногу наладились отношения. Он просто перестал обращать на нее внимание. Кошку, по-видимому, такое откровенное безразличие задело. Она стала нахально прохаживаться вблизи Дика, норовя задеть его пушистым хвостом. Дик ложился на пол, клал морду на лапы и прикрывал серыми бугорками глаза, делая вид, что спит.

Белка приближалась к нему вплотную, садилась рядом и, жмуря глаза, смотрела. Так они могли сидеть долго, не двигаясь и не спуская друг с друга настороженных глаз. Дик первым не выдерживал, вставал и, отворачивая морду в сторону, осторожно уходил. Посидев немного, Белка зевала, потягивалась и тоже отправлялась по своим делам.

Убедившись в миролюбии своего огромного соседа, Белка перестала придирается к нему. Но на правах хозяйки дома считала своим долгом подойти к Дикуну во время еды и сунуть свой маленький нос в чашку. Это Дикуну не нравилось. Он щетинил шерсть на загривке, предостерегающе рычал. Белка, не обращая внимания на все признаки недовольства, лапой вытаскивала из чашки кусочек получше и, взяв его в зубы, удалялась, победно помахивая белым хвостом.

Она не нахальничала и больше одного куска никогда не брала. Дикуну пришлось смириться. Видя, что Белка направляется за очередной данью, он с напускным равнодушием отворачивался от чашки.

Дик сыт, и у Юрки на сердце стало веселее. Погода стояла хорошая. Солнце лениво перекатывалось с востока на запад, не встречая на своем пути туч. Ранним утром за окном начинали возню воробьи. Они свили себе гнезда в наличниках окон и выводили птенцов. Птенцы росли голосистыми. В ответ на бодрое чириканье родителей, принесших им на завтрак земляного червя или пару мух, они начинали дружно пищать. Белка вспрыгивала на подоконник и, жмурясь от удовольствия, слушала этот писк. На ее морде было такое выражение, словно она хотела сказать: «Пищите на здоровье, милые... Подростете, я вас все равно всех съем».

Вечера были тихие, теплые. Солнце спускалось в сосновый бор, и вершины деревьев, казалось, охватывало пламя. Уже звезды вспыхивали над куполом вокзальной башни, а небо желтело, розовело, споря с ночью.

Ночь перестала быть страшной. Все реже слышалось над станцией угрожающее: «Везу, вез-у, вез-у-у...» — фронт отодвигался на Запад. Но, как и прежде, не останавливаясь, грохотали мимо маленькой станции воинские эшелоны. На запад — танки, пушки, солдаты. На восток — санитарные составы с красными крестами на крышах. Только немцы не смотрели на красные кресты. Два состава разбомбили где-то в пути. Маневровый, медленно пятясь, протасил мимо станции искореженные вагоны. На больших красных крестах зияли осколочные пробоины.

Жизнь налаживалась. Иногда где-то на окраине поселка слышались робкий голос гармоники, девичьи песни. Эти песни навевали грусть. Они о чем-то напоминали Юрке, куда-то звали, щемили сердце.

Услышав переборы гармоники, он становился рассеянным, задумчивым. Дик понимал настроение хозяина и не надоедал ему в эти минуты.

Маргаритка перестала приходить. Видно, Юрка тогда ее обидел. Зачем нужно было спрашивать про мать? А может быть, уехала? Надо бы зайти к ней... Нет, он не пойдет. С какой стати? А собственно, при чем тут она? Он пойдет проведать однорукого дядю Колю. Вме-

сте все-таки на аэродроме работали. Как он там на своей трехтонке?

Но и к дяде Коле Юрка не решался зайти. Злился сам на себя, но поделаться ничего не мог. Взял да излил свою душу Диду.

— Не любит она тебя. Очень нужны мы ей. Отрастила толстую косу и думает, что самая красивая...

Дик, открыв пасть, внимательно смотрел Юрке в глаза. Ему было жаль друга, но он тоже ничего не мог поделаться. Вот разве полаять.

— Плевать я хотел на ее косу, — отводя в сторону глаза, сказал Гусь. — Нам и без нее не дует.

Бабка принесла из магазина хлеба на двести граммов больше. Села за стол, отщипнула кусочек мякиша, положила в рот. Жевала и о чем-то думала. На ее морщинистом лице улыбка.

— Слава богу, прибавили хлебушка, — сказала она. — И картошка скоро поспеет... Глядишь, живы будем.

Юрка тоже отщипнул от пайки корку, съел.

— Скоро еще прибавят, — сказал он, — вот увидишь... Фрица-то лупят почем зря!

— Дай бог, — сказала бабка, убирая хлеб.

Каждый день Юрка и Стасик, а иногда и Колька Звездочкин брали Дика и уходили в лес. Колька и Стасик прятались, а Юрка с Диком разыскивали их. Овчарка находила след превосходно. Куда бы ни укрылись мальчишки, она быстро обнаруживала их. Колька Звездочкин пробовал забираться на деревья, но и там Дик находил его. Упираясь передними лапами в ствол, лаем подзывал Юрку.

— Плохо, что он лает, — говорил Стасик. — Шпион с дерева может его застрелить.

— Верно, — сокрушенно ерошил отросшие волосы Юрка. — Что же делать?

— Дрессировать надо.

— Знаю... А как?

— Он должен стойку делать, — слезая с дерева, сказал Колька. — Я в кино видел... Почует овчарка близко шпиона — замрет и стоит как каменная.

Но Дик не хотел делать стойку. Выследив «диверсанта», он громко на весь лес лаял.

— Нельзя орать, понимаешь, нельзя... Фу! — злился Юрка. — Ты же распугаешь всех шпионов.

Дик удивленно смотрел на хозяина и вилял хвостом. Он не понимал, чего тот хочет.

И все-таки ребята добились своего. Дик перестал лаять, обнаружив «шпиона». Для этого нужно было не отпускать его с поводка. Он подходил к дереву или кусту, за которым скрывался «диверсант», и ложился на землю. По команде бросался вперед и... тут уж приходилось спешить Юрке на выручку. В горячах Дик мог кому угодно задать хорошую трепку.

Жорка Ширин, которого ребята не принимали в игру, решил выдрессировать своего Тобика, низкорослую рыжую, как и он сам, дворняжку.

— Собака что надо, — хвастался Жорка. — У нее кровь русского гончара... Вот увидите, Тобик не хуже вашего Дика будет работать.

По утрам с Ширихиного двора слышался визг, лай, крики. Видно, Рыжий решил крепко заняться Тобиком. Дрессировал он дворняжку с кровью гончара на заднем дворе, чтобы никто не видел.

Юрке надоело каждый день слышать собачий визг и противный Жоркин голос.

— Эй, рыжий! — крикнул он. — Перестань издеваться над животной!

— Я не издеваюсь, я дрессирую, — помедлив, ответил Жорка.

Гусь хотел пригрозить, что морду набьет, если Жорка не прекратит эту дрессировку, но Стасик остановил его.

— Пускай покажет... А вдруг получается?

— Жорка, — спросил Юрка, — а что твой Тобик умеет делать?

На заднем дворе наступила тишина. Жорка и Тобик молчали.

— Иди, покажи!

Рыжий не стал ломаться. Он подошел к своему крыльцу. В одной руке у него была короткая палка, в другой — кусок сахара.

— Дрессировщик! — ухмыльнулся Юрка. — Кто же палкой орудует?

Жорка положил палку на перила крыльца и свистнул. Ребята прильнули к забору, но Тобик не спешил. Он тихонько скулил где-то за сараем.

— Тобик, ко мне!

Задрожали огромные пыльные лопухи, и на тропинке

показался Тобик. Хвост его забился под брюхо, уши прижались к голове. Он дрожал.

Жорка откусил кусочек сахара и бросил собаке.

— Тобик! Чужой! — сказал Жорка, тыча пальцем в сторону забора.

Тобик присел, облизнулся.

— Фас! — гаркнул Жорка. Пес испуганно подпрыгнул и бросился назад, в спасительные лопухи

— Зверь собака, — сказала Юрка. — Такой лучше не попадайся в лапы — разорвет...

— Попробуй ночью заберись в огород — он тебе штаны спустит. — Жорка сунул остатки сахара в рот.

— Зубов нет, а сахар жрет, — усмехнулся Гусь.

— Жор, брось ты Тобика мучить, — посоветовал Стасик. — Не будет он шпионов ловить. Не та порода. Вот огород — это другое дело.

— Хочешь, сейчас в огород заберусь и ничего не будет? — спросил Юрка.

— Ты ночью заберись, — неуверенно сказал Жорка. — Ночью он тебе задаст.

— Ладно, — согласился Гусь, — ночью так ночью...

— Гляди, мамка по ночам не спит... Сразу к милиционеру.

— Огурцы караулит?

— Лук тоже.

Скрипнула калитка, и на тропинке показались старшина и солдаты — бывшие бабкины квартиранты.

— Пошли, Стась, — Юрка отпрянул от изгороди.

— Чует кошка, чье сало съела, — негромко сказал Жорка и захихикал.

— Ты чего это побежал? — спросил Стасик.

— Забирай «Айвенго», — сказал Юрка. — Я уже прочитал... В-о-о книга!

ВАСИЛИСА ПЕТРОВНА

Бабка встала с рассветом. Затопила печку, сходила на огород и накопила молодой картошки. Когда вода в чугуне закипела и по избе поплыл аппетитный пар, Юрка сбросил с себя одеяло. Он бы еще поспал, но какой может быть сон, если на столе горячая картошка?

После завтрака бабка стала куда-то собираться. Вытащила из шкафа черный кружевной платок, повязала на голову. В маленькую плетеную корзинку положила кусок хлеба и кулечек с пшеном.

— В лес? — спросил Юрка. Он удивленно глядел на бабку: зачем ей крупа? Разве сырую крупу едят?

Бабка достала свои выходные черные туфли на резиновой подошве и тоже положила в корзинку. Не в лес собралась бабка, в новых туфлях в лес не ходят. В гости, наверно. У бабки полно в округе родичей. Если в гости, то это хорошо. Глядишь, угостят чем-нибудь вкусным. Бабку всегда угощают. Один раз они забрели к старику Балахонову. Собирали грибы и как раз вышли к его дому. Балахонов жил в лесу, возле речки, которую так и называли: Балахонов ручей. Крепкий бородатый старик угостил их сотовым медом. У него на опушке стояло штук пятнадцать ульев. Пока Балахонов беседовал с бабкой, Юрка две тарелки меда съел. Старик был добрый, усмехаясь в бороду, еще тарелку предложил, но Юрка больше не мог. Потом несколько дней противно было вспоминать про мед. А сейчас ничего. Опять с удовольствием отведал бы медку.

— Я с тобой, — сказал Юрка. — Надо проветриться.

— Собаку не бери.

— С Диком веселее, — сказал Юрка. — Он нас охранять будет... В лесу шпионов полно.

Бабка покачала головой, но спорить не стала. Только губы поджала. Так она всегда делала, когда ей что-нибудь не нравилось.

На улице тихо. Солнце едва поднялось над лесом. На траве еще блестела роса. Крупная, холодная. Брызнет на ногу — обожжет. В поселке хрипылыми спросонья головами орала петухи. Пыль на дороге за ночь остыла и приятно холодила ноги. На крыльце сельсовета, привалившись к перилам, посапывал дежурный. Дверь в кабинет председателя сельсовета была отворена. Это, чтобы было слышно, когда зазвонит телефон. Юрка узнал Тимку Груздя. Ничего себе «истребитель»! Дрыхнет на посту без задних ног. Юрка подошел к крыльцу. Тимка сладко спал, подложив под щеку ладонь. Он улыбался и чмокал губами, как младенец. Из кармана синих Тимкиных галифе торчала коричневая рукоятка нагана.

— Чего встал? — сказала бабка. — Пошли.

— Догоню, — Юрка подождал, пока бабка отойдет подальше, и вытащил из Тимкиного кармана наган. Груздь, не открывая глаз, улыбнулся и причмокнул. Наган был в полной исправности. В барабане торчали желтые увесистые патроны.

Юрка отвел курок, крепко зажмурил левый глаз и стал целиться в куриную лапу громоотвода на водонапорной башне. Потом перевел дуло на крышу больницы. На крыше, возле трубы, сидела ворона и чистила лапой черный клюв. Юрка бабахнул в ворону. Птица удивленно посмотрела на него, шевельнула хвостом и снова принялась обрабатывать клюв. А Тимка Груздь как ошалелый вскочил со ступенек, заморгал сонными глазами.

— Что? Где? Кто? — выпалил он, тряся растрепанной головой.

— Мимо, — сказал Юрка, кладя на ступеньку наган. — Не точно бьет.

— Сдурел? — стал соображать Тимка. — Где взял оружие?

— У тебя, — сказал Гусь. — Спишь, командир, как тетеря, и рот раскрыл. Не то что наган, тебя самого можно было утащить.

Тимка хлопнул себя по карманам, и руки его опустились, а глаза стали растерянными.

— Хотел резиновые тапочки с тебя снять, — продолжал Юрка, — да зачем они мне? Велики.

Тимка молча смотрел то на Юрку, то на наган.

— И штаны твои командирские можно было с тебя стащить, — неторопливо говорил Гусь. — Ты же спишь, как колун... И чего это я не снял с тебя галифе? Они почти новые... Да, диверсант помешал.

— Какой еще диверсант? — хрипло спросил Тимка. — Чего брешьшь!

— Вон он сидит, — кивнул Юрка на крышу. — Автомат чистит. Дай, Тим, я еще разок бабахну!

— Проваливай, пока... — сказал Груздь. Он взял наган и засунул в карман.

Юрка подошел к двери и ткнул пальцем в листок бумаги, приклеенный к доске.

— Тут написано, что у вас сегодня вечером собрание... Приду!

Тимка достал из кармана наган, повертел в руках, посмотрел на дорогу.

— Все равно промажешь, — сказал он.

— Целиться под мушку или в центр? — оживился Юрка.

— Под мушку, — сказал Тимка, протягивая наган.

Юрка с минуту целился в ворону. А когда раздался выстрел, ворона как ни в чем не бывало поднялась и, тяжело хлопая крыльями, улетела на другой конец поселка.

— Ты же оба глаза закрыл, чудак, — усмехнулся Тимка. — Так сроду не попадешь.

Юрка вздохнул и отдал наган Тимке. Груздь взвел курок и стал целиться в ведро на крыше Ширихиного дома. Но тут стукнула дверь и на улицу выскочила Шириха. Тимка спрятал пистолет в карман и уселся на ступеньку.

— Палит кто-то, — сказала Шириха. — Аль мне слышалось?

— Послышалось, тетка, — сказал Тимка.

— Уж не этот ли паразит опять? — Шириха подозрительно посмотрела на Гуся.

— Ты не бойсь, — сказал Юрка Тимке. — Я никому не расскажу, как ты дрыхнул на посту. Могила.

— Посидел бы, Гусь, всю ночь. . .

— Пока, — сказал Юрка. — Спешу. В гости с бабкой собрались. Звали тут нас одни. . . Обещали медом угостить!

Бабку он догнал у переезда. Она выломала в сосняке суковатую палку, повесила на конец корзинку и шла по дороге не оглядываясь. Босые ноги ее утопали в пыли. Длинная юбка чуть не доставала до пяток. Бабка не спросила, почему Юрка отстал. Она молча шагала впереди. Солнце заглядывало ей в лицо. И лицо Василисы Петровны вроде бы помолодело. Какая-то праздничная и торжественная была сегодня она. Смотрела прямо перед собой и о чем-то думала. О чем? И Юрка, который любил задавать бабке вопросы, на этот раз молчал. Дик трусил по обочине. Нырял в кусты, что-то вынюхивал, ворчал. Солнце поднималось все выше. Становилось теплее. Высохла на листьях роса. По сторонам дороги росли огромные сосны и ели. Они упирались остроконечными вершинами в синее утреннее небо. Деревья были

чистые, умытые. В ветвях галдели птицы. Дорога была пустынна. На лесных полянках, где солнце выстлало яркий ковер света, росли ромашки и васильки. В цветах копошились букашки. Эти зеленые полянки-островки так и манили к себе. Хотелось броситься в траву, цветы и долго лежать, глядя в небо.

Путь пересекла речка Ладыженка. Раньше дорога проходила немного в стороне и мост был в другом месте. Старый мост давно сгнил, и в тихой воде стояли в ряд, как солдаты, черные сваи. Меж свай в глубине ходила рыба.

Бабка присела на берегу отдохнуть, а Юрка спустился к воде. Осока, словно штыки, торчала из воды. Стаи мальков сновали у самого берега; маленькие блестящие жучки носились по поверхности; стрекозы парили над кувшинками.

— Вон ель стоит, видишь? — сказала бабка. — Там мой Андрей Иваныч убил оглоблей медведя.

— Оглоблей? — удивился Юрка.

— Давненько это было. Почитай, полвека назад. Мы тогда жили на семнадцатой версте в путевой будке. А здесь сено косили. Навил Андрей, муж мой, воз сена и выезжает на дорогу. Видит, лошадь ушами прядет, идти не хочет. А я на возу сидела. И было мне двадцать годков тогда. С возу-то вокруг хорошо видно. Гляжу, медведь стоит у ели и на нас смотрит. Медведей в наших краях много водилось. Увидят человека и сразу уйдут. А этот стоит. И глаза у него сверкают, чисто угольки. Будто не в себе Мишка-то. Не успела я Андрею слово сказать, как пошел он на лошадь. Тут и Андрей его увидел. Вывернул из телеги оглоблю и встречу к медведю. А я на возу: ни жива ни мертва. Что-то будет! Андрей, слава богу, здоровый был мужик. И медведь — гора. Сошлись они нос к носу. Медведь растопырил лапы, хотел Андрея обхватить. А он увернулся, отскочил в сторону, да как хрястнет оглоблей Михал Иваныча по лбу, аж гул по лесу пошел. Сразу медведь-то осел. Сковырнулся. Только лапами подрыгал и затих. . . Шкуру потом купил у нас Ильятинский помещик. Богатая шкура была. Говорят, помещик ее на стенку повесил, гостям показывал и хвалился, что это он медведя убил. Оглоблей. А куда уж ему. Квельый был. И оглобли-то не поднял бы.

Бабка помолчала, пожевала губами. И Юрке, который только на фотокарточке видел Андрея Иваныча, было интересно слушать.

— Вот ты говоришь. тот плохой, а этот хороший.. Людей много, и все разные. А кто хороший аль плохой — сразу и не узнаешь. Иной снаружи колючий, как ерш, а приглядишься — душа у него добрая. Вот возьми моего деда... Уж на что всем казался черствым, бессердечным, а я-то знала, что он хороший... И горя же я с ним хлебнула. Дед-то мой работал обходчиком. Из себя был видный такой. Плечи саженные. Как-то с мужиками из соседней деревни на покосе подрался, так двоих в больницу отправили... Сам остановил, противу правил, почтовый и погрузил. Меня ни во что не ставил. Понукал, как лошадь. В трех верстах от нашего перегона — деревня. Ну, выпьет дед, а выпить-то он был не дурак, и туда. И там с приятелями до утра бражничает. Иной раз придет — слова вымолвить не может. А никогда люди домой не приводили. Сам придет. Пьян-препьян, а ступает по земле твердо. Пошли дети у нас... Ну, думаю, образумится мужик. Перевели его сюда. Он первый здесь дом и построил. А потом Шириха обосновалась, другие. Детей у меня всего было тринадцать душ... Померли. Десятеро богу душу отдали. Времена тогда, родимый, были другие. Помер и ладно. Знать, богу так угодно. Да и мне-то было легче. Шутка такую ораву прокормить? А троих вырастила. Хорошие детки-то у меня... Дай бог им здоровья. Так вот насчет деда-то. Стал выпивать, спасу нет. А уж в годах был. Но еще крепок и в бороде — ни единого седого волоса. Животом страдал. Это от винища, видать. Приходит как-то к нам Шириха. И стала ругать моего деда, рассказывать про него всякую всячину... Уж чего только не наболтала. А того, дуреха, и не ведает, что дед-то мой на печи лежит. Животом маялся. От живота потом, сердешный, и помер. Сдержалась я, виду не подала, что больно мне слушать ее. И этак спокойненько говорю соседусшке: «Не горлопань, глупая. Мужика разбудишь...» Ушла она. Мой-то слез с печи, подошел ко мне и смотрит. Глаза у него были черные, цыганские. В сердцах глянет — мороз по коже. Смотрел, смотрел, и вдруг — бух мне в ноги. Святой, говорит, ты человек, Василиса. И уж до чего мне было радостно... Будто впервые счастье снизошло ко

мне. И зажили мы с той поры не куда лучше. И выпивать стал меньше. Вот так вдруг открыл мне муж свое сердце. И душа у него была золотая. Справедливый, правильный человек. А вот не только людям, мне свою душу казать стеснялся. Помер, — думала не переживу. А снится мне он, Юрушка, каждую ночь...

— А за что ему Калинин портрет подарил? — спросил Юрка.

Этот портрет в красной металлической рамке стоял в буфете. Как-то, доставая чашку, Юрка уронил его на пол, карточка вывалилась и на обратной стороне была подпись М. И. Калинина.

— Склад тут пороховой загорелся. Весь бы поселок ухнул, — сказала Василиса. — Ну, а дед мой не сплеховал, бросился тушить. За ним и другие. И склад спас и людей.

Бабка встала.

— Ишь, солнышко-то печет... Пойдем, сынок.

Километра через три показалась деревня. Но бабка в деревню не пошла. Повернула к кладбищу. Кругом море ржи, а из ржи поднимается деревянный купол старой церквушки, окруженной темно-зеленой щетиной сосен и елей. Тихо вокруг. Только слышно, как в небе ястреб курлычет.

Юрка приуныл. Теперь он понял, почему бабка взяла новые туфли и надела черный платок. На могилу к своему мужу, Андрею, собралась она. Не будет никакого меда. И деревенских лепешек с молоком не будет.

Могила Андрея Иваныча была у самой кладбищенской ограды. На могиле косо стоял потрескавшийся деревянный крест. Кругом разрослись молодые деревья, кусты. Здесь было прохладно и мрачно. Над головой глухо шумели высокие сосны и ели. Бабка встала на колени у могильного холма, помолилась. Насыпала на дерн пшенной крупы, накрошила хлеба.

— Это кому? — спросил Юрка.

— Душа его прилетит, поклюет, — сказала бабка.

Но душа не прилетела. Прилетели полевые синицы и принялись склевывать крупу. Они все склевали. Ничего не оставили душе.

Юрка и бабка заглянули в церковь. Она была сколочена из огромных дубовых бревен. Дверь висела на

одной петле. Внутри церкви пусто и пыльно. На потолке и стенах нарисованы святые угодники с желтыми кругами на головах. Под самым куполом гудели голуби. Пол был весь в белом помете. Дик тоже решил обследовать заброшенную церквушку. Бабка замахала на него руками и сказала:

— В святой храм! Собака?!

— А голуби? — спросил Юрка. — Гляди, что они наделали тут...

— Голубь — божья птица, — сказала бабка и пошла к выходу. Спускаясь по кривым ступенькам, она крестилась и что-то бормотала. Наверное, просила бога не сердиться на Юрку и Дика.

Домой возвращались в полдень. Солнце припекало макушку. Бабке хорошо, она в платке, а у Юрки ничего на голове нет. Дику тоже жарко. Он высунул язык и лениво брел позади, роняя слюну в пыль. У моста увидели знакомого старшину и какую-то молодую женщину. Они сидели на берегу. Старшина был без гимнастерки. Он подставил солнцу жирные плечи. На траве лежала закуска: раскрытая банка свиной тушенки, колбаса, хлеб, а у берега, в воде, стояла бутылка с бумажной затычкой. Ширихин спирт. Они, видно, только что расположились здесь.

— Какой жирный этот старшина, — сказал Юрка. — Погляди, баб, какое у него брюхо.

Бабка подошла поближе к ним, остановилась, и оперлась на палку. Она с любопытством смотрела на старшину, словно его никогда не видела, и на женщину. Смотрела в упор, без улыбки. И губы у нее были поджаты.

— Ты чего? — спросил старшина. — Иди, старая, своей дорогой.

— Тебя-то я знаю, — сказала Василиса Петровна, — жил у меня на квартире. Ушел и спасибо не сказал, что стирала, убирала за вами. Ну да бог с тобой... А эту... — она палкой дотронулась до женщины, — что-то не припомню... Откуда ты, сказывай?

Женщина посмотрела на старшину, усмехнулась.

— Ты зубы-то не скаль, кобыла, — сказала бабка. — Откуда такая?

— Хотяевская... — ответила женщина. — Из Хотяева я.

— Мамаша, шли бы вы... — начал было старшина, но бабка перебила его.

— Какая я тебе мамаша? Мой сын не пьянствует в кустах. Мой сын воюет. В окопах сидит. Мамаша! Да я бы такого сынка... Неужто так всю войну и будете при кухне?

Старшина волчком завертелся на траве. Он зачем-то схватил гимнастерку и стал натягивать на себя. А женщина опустила глаза вниз. В одной руке она держала кусок хлеба, в другой — колбасу.

— Ишь, гладкий какой! Рожа, как блин масляный, — говорила бабка. — Не иначе, как ворует солдатские харчи. Всем выдают по норме, а у вас всего полно... У кого же вы крадете, бессовестные ваши глаза? Люди воюют, а вы их обираете и пропиваете харч вот с такими... хотяевскими. Небось, бабонька, твой мужик-то на войне?

Женщина смотрела в землю и молчала.

— Воюет муж, а ты... с этим лизоблюдом прохлаждаешься...

— Ну, знаете, мамаша, хотя вы и старая...

— Не мамаша я тебе! — бабка подняла палку и потрясла ею. — Волчица тебе мамаша... Старая я, верно. Не то бы обоих отходила палкой. Да что палка... Тебе, бестыжие твои глаза кое-что покрепче следовало.

Бабка плюнула и пошла прочь. Юрка шагал за ней и удивлялся: вот так бабка!

— Как ты их... — сказал он. — Обоих!

— Надень что-нибудь на голову, — сказала бабка. — Напечет.

— У старшины даже губа отвисла... Как у Кольки Звездочкина.

— Тебе бы тоже следовало палкой по горбине.

— Мне-то за что?

— Кто палил у сельсовета в небо из револьверта?

— Тимка дал, — сказал Юрка. — Ей богу! Спроси, если не веришь.

— Думаешь, глухая, так ничего не слышу и не вижу... Разбойник!

— Бабушка, — сказал Юрка, — давай я понесу корзину... Устала ведь!

НА РЕЧКЕ

Юрка заскучал. Лето — это такая пора, когда мальчишек неудержимо тянет куда-то. Ложится вечером человек спать, еще не помышляя ни о чем, а утром просыпается, — душа рвется в тридешатое царство. Кажется, вскочил бы на первое попавшееся облако и полетел бы по воле ветра. Куда ветер — туда и ты. Лети себе над землей и гляди в оба глаза.

Облака, мягкие, сияющие, плыли над круглым куполом водонапорной башни. Юрка лежал во дворе на лужайке и провожал их взглядом. Вспомнился дом родной, клен, река Ловь, камень-валун. Вот так же, когда он лежал на камне, над головой плыли облака. Если закрыть глаза, то все будет как раньше... Нет, как раньше никогда не будет. В городке фашисты. Дома нет, деревьев тоже. Один камень-валун в реке и облака... Плывут и плывут себе. Куда?..

Послышался далекий паровозный гудок. Протяжный, певучий. Поезд далеко за лесом, а ухо уже улавливает перестук колес, пыхтенье. Как только паровоз вырвется из-за семафора, — запоют рельсы. Сначала тихо, чуть слышно, потом весело, звонко...

Прогрохотал эшелон. На запад. Без остановки. Дежурный поднял с земли проволочный жезл, повесил его на плечо и стал сворачивать самокрутку. Сейчас он закурит и уйдет в дежурку. И снова на станции станет тихо. Но стоит составу остановиться, как станция оживает. Первыми прибегают мальчишки. Они бродят по путям, глаза на солдат. Приходят торговки с корзинками. На станции начинается веселое оживление. Солдаты, обнаженные до пояса, бегут к башне и начинают плескаться под холодной струей, брызгать друг в друга водой.

Но вот тонко свистнет паровоз, выпустит из-под колес большое белое облако пара, и солдаты, громко топоча, бросятся к вагонам. Поезд уже идет, торопится на фронт, а загорелые парни на ходу прыгают в темный проем товарных вагонов. И товарищи протягивают им руки, подхватывают на лету.

Уйдет эшелон, а в Юркиных ушах все еще стоит веселый вокзальный гомон. Хочется ему туда, с ними. Только не возьмут Юрку на фронт.

Маргаритка все не идет. Неужели и вправду уехала? Надо узнать. Он пройдет мимо ее дома, посмотрит: есть на дверях замок или нет.

— Дик, — позвал Юрка. — Пойдем.

Они рядом идут по пыльной улице мимо дошатых заборов. В щели буйно лезет трава. За аптекой поворот. Сердце начинает учащенно стучать. За поворотом — Маргариткин дом. Через изгородь перевешиваются яблоневые ветви. Возле калитки — низенькая скамейка. На скамейке — черный пушистый комок. Это кошка. Значит, хозяйева дома. Не уехали. Юрка надеется, что, заметив кошку, Дик не утерпит и гавкнет. Но Дик, как на зло, решил быть благовоспитанным. Он прошел мимо и даже носом не повел. Калитка полуоткрыта. Две курицы ожесточенно долбают большую сырую картофелину. Больше во дворе никого не видно. Сейчас они пройдут и...

— Дик! — прошептал Гусь. — Голос! Слышишь, голос!

Дик удивленно посмотрел на него и глухо рыкнул. Не слышно.

— Голос, — попросил Юрка. И Дик залаял. Кошка с перепугу метнулась на изгородь и там, согнувшись в дугу, зашипела.

— Дик! — послышался из-за изгороди знакомый голос. — Подождите...

Юрка молча прошел дальше. Он слышал быстрое шлепанье босых ног по пыли, но не останавливался.

— Чего нос-то задрал? — сказала Рита. — Задавала...

Дик не стал нос задирать. Он весело запрыгал вокруг девочки, залаял.

— На речку? — спросила Рита.

— Купаться, — сказал Юрка.

Маргаритка заперла дом на замок, и они отправились на речку. Дик, далеко оставив их, бежал впереди. На развилках он останавливался и, оглянувшись на них, снова устремлялся вперед. Дорога нырнула в лес. Сосны и ели закрыли своими вершинами небо. Сухие еловые шишки, спрятавшиеся в пыли, больно впивались в голые ступни.

— Там за окопом сморчки водятся, — кивнул Юрка на усыпанный желтыми иголками мшистый бугор.

— Не люблю сморчки, — сказала Рита. — Белые

люблю. Колосовики. В прошлом году я по сорок штук находила.

Юрка хотел сказать, что он больше находил, но раздумал. Зачем врать? Никогда не находил он столько белых грибов.

— У меня есть повар знакомый... Сотник, — Юрка улынулся. — Чудак! Принеси, говорит, мне сморчков... Не понесу я ему. Отравится еще.

— Повар-то? — удивилась Рита... — Не отравится.

— Мне не жалко, — сказал Гусь. — Целую корзину наломаю. Только их что-то мало стало.

— Спешу, — сказала Маргаритка. — Эти грибы весенние. Скоро их не будет.

Деревья расступились. Открылась широкая зеленая лужайка. В густом лозняке не видно реки Тимаевки. Но воздух пропитан влажной свежестью, тропинка под ногами стала податливой, пружинистой. Речка была узкая, по берегам заросла осокой. Кувшинки плавали в чистой прозрачной воде. На песчаном дне качались круглые желтые медяки — солнечные блики.

Выбрав спуск к воде получше, присели на траву. Дик ждать не стал. Зашел в воду по брюхо и начал лакать. Блестящие капельки со звоном скатывались с его розового языка.

Юрка бросил в речку палку, которую подобрал на дороге, и крикнул:

— Апорт!

Дик торпедой устремился на середину речушки. Течение пригладило его шерсть в одну сторону. С палкой в зубах он выбрался на берег. Вода струйками сбегала на траву. Подпрыгнув на месте, он вдруг фыркнул и отряхнулся прямо на ребят.

— Ну, купайся, чего же ты? — сказала Рита.

— Я люблю нырять, а тут мелко, воробью по колено.

— Отвернись, — попросила Рита.

Юрка стал смотреть на противоположный берег. Он был обрывистый и песчаный. Сразу за берегом плечом к плечу стояли желтые сосны. За спиной раздался громкий всплеск и визг:

— Ух, холодная!

Маргаритка, смешно баламутя воду ногами, доплыла до другого берега и, обхватив себя руками за плечи, шлепнулась в теплый песок. Ее мокрая коса блестела на

солнце. Блестели и капли на плечах. Длинноногая, стройная, в коротеньких черных трусах, лежала Маргаритка на песке и смеялась. А Юрка пнем сидел на берегу и ругал про себя бабку, которая позабыла ему трусы выстирать.

— Прыгай с берега, — подзадорила Рита. — Там глубоко.

— Неохота, — пробурчал Гусь. — Это разве река? Ручеек. . . Вот у нас была река — это да!

— Ты что, плавать не умеешь? — смеясь, спросила Рита. — Так бы и сказал. . . Лезь в воду — научу.

Юрку возмутило такое нахальство. Сама еле на воде держится, а его учить хочет! Эх, была не была. . .

— Послушай, отвернись, — попросил он. — Я тебе покажу, как надо плавать!

Не спуская глаз со спины Маргаритки, в два счета сбросил с себя солдатские галифе, рубаху и в чем мать родила бухнулся в воду. Впопыхах он не рассчитал и крепко приложился лбом ко дну. Вынырнул, ошалело завертел головой. Рита, берег, сосны — замельтешили, закрутились в глазах. Через секунду все стало на свои места.

Забыв, что он без трусов, сильными саженками поплыл Гусь вниз по течению. Скользкие водоросли хватили его за ноги, кувшинки царапали шею, а он плыл и плыл. Рядом резал грудью воду Дик. Его частое горячее дыхание обжигало ухо, а мягкая в воде шерсть приятно щекотала плечо.

Маргаритка осталась далеко позади. Ее ноги не хуже мельничного колеса молотили воду, но разве Юрку догонишь?

Назад, против течения трудно было плыть. Дик не стал зря тратить силы. Он выскочил на берег и трусил рядом по траве. Юрка шел по дну. Вода с журчаньем обтекала грудь. Стрекозы слетали с прибрежной осоки и махали крыльями возле лица. В прозрачной воде видно было, как стайками шарахались в разные стороны мальки.

Рита уже вылезла из воды. Она стояла к Юрке спиной и выкручивала косу. «Как же я теперь вылезу?» — подумал Юрка. У берега было совсем мелко, он присел.

— Я же тебе сшила трусы, — не поворачиваясь, сказала Рита. — Почему ты их не надеваешь?

Юрка хотел рассердиться, но не мог. Она спросила просто, без тени насмешки. Она привыкла ухаживать за отцом и поэтому могла спокойно говорить любые вещи, связанные с домашним бытом.

— Хочешь, я тебе еще одни трусы сошью? — спросила она, искоса взглянув на дрожащего в прохладной воде Юрку.

Это уже было слишком!

— Ну чего ты торчишь на берегу? — вскипел Юрка. — Давай уматывай!

— Извини, — усмехнулась Маргаритка. И, отбросив за спину косу, неторопливо пошла прочь.

Юрка догнал ее в лесу. Отойдя в сторону от дороги, она собирала землянику. Коса оставила мокрую полосу на сарафане, на голове волосы уже высохли, белыми паутинками спускались на лоб, глаза. Она встала и протянула ему букетик сочных красных ягод.

— Попробуй, какие вкусные.

— Сама ешь, — сказал Юрка, но ягоды взял, и, не зная, что с ними делать, сразу весь пучок отправил в рот. Маргаритка удивленно посмотрела на него и прыснула со смеха.

— Выплюнь траву-то...

Юрка вытер рукавом красные от сока губы.

— Рубашкой? — покачала головой Рита.

— А чем же еще? — огрызнулся Гусь. — Штанами?

Ему надоели замечания. Что за человек эта Маргаритка? Раз делает хорошо, два — плохо. Ну чего, спрашивается, придирается? Все мальчишки вытирают нос и рот кулаком или рукавом. Только Стаська один — платком. Его так в Ленинграде приучили. Но спорить с девчонкой не хотелось. Свяжешься, потом сам будешь не рад. Ей слово — она десять.

Они шли рядом. Дик бежал впереди. Маргаритка была ростом с Юрку. Ситцевый сарафан едва доставал ей до круглых коленок. Золотистый загар тронул плечи. Там, где ляжка сарафана съехала в сторону, кожа была белая.

— У меня Дика хотят отобрать, — сказал Юрка и испытующе посмотрел на Риту.

— Давно пора...

— Это почему?

— Дику будет лучше в гарнизоне. Он ведь служеб-

ный пес. А ты его испортишь. Бегает бестолку, как дворняжка.

— Мы с Диком будем шпионов ловить, — сказал Гусь. — И никто его у меня не отбирает. Я наврал.

— Это ты умеешь.

— Не любишь ты Дика.

— Люблю.

— Почему тогда не приходишь?

Рита искоса взглянула на Юрку и спросила:

— А ты?

Юрка не ответил. Он наступил на колючую шишку. Нагнулся за ней и запустил вверх. Шишка со свистом зарылась в гущу сосновых ветвей. И тут же, спустя секунду, мягко упала в пыль.

— Уеду я отсюда, — сказал Гусь. — Хочу путешествовать. Как Ричард Львиное Сердце. И еще хочу быть разбойником. Ну, таким, как Робин Гуд. Грабить богатых и все отдавать бедным... Мне ничего не надо.

— Тебе надо было при царе родиться... Буржуев-то давно нет. Кого же ты будешь грабить?

Юрка вдруг покраснел. Даже уши запыхали.

— Все. Отрезано, — глухо сказал он. — Я ведь прогнал Ангела. Разные у нас дорожки... Один раз, правда, украл. Колбасу и консервы. Не для себя — для Дика.

Загребая ступнями теплую, как зола, пыль, он ждал, что скажет Рита. А она ничего не говорила. Крутила в пальцах кончик косы и внимательно смотрела на обочину. Остановилась, присела. И сарафан, словно парашют, опустился в пыль, закрыв ноги.

— Ромашка, — сказала Рита. Сорвала цветок и, пряча от Юрки смешливое лицо, стала отрывать белые лепестки.

— У меня есть знакомый капитан. Мужик что надо... Он приказал повару Дика кормить. Надо было сразу к дяде Васе, а я консервы... и колбасу.

— Любит! — воскликнула Маргаритка и высоко подбросила желтоголовую общипанную ромашку. У ее ног лежали белые лепестки. Серые Маргариткины глаза с любопытством смотрели на Юрку.

А он обалдело глядел на нее и бормотал:

— Зря я это... Не надо было брать консервы... и колбасу.

— Какие консервы? — смеясь, спросила Рита.

— Тушенка.

— Какая тушенка? Вот дурачок!

Маргаритка позвала Дика, сорвалась с места и помчалась по дороге. Только длинные ноги замелькали, как спицы в колесе. Остановилась возле толстой медноствольной сосны, перевела дух и крикнула:

— Завтра на речку!

ГОСТЬ С АЭРОДРОМА

На рассвете Василиса разбудила Юрку.

— Картошку окучивать, — сказала она.

— Зачем еще? — зевая, спросил Юрка.

— Чтобы хорошо росла.

— Она и так вырастет. Не надо, баб?

Василиса пожевала губами и, завязав потуже платок на голове, вышла в сени.

Юрка полежал немного и тоже стал одеваться. По полу прыгали солнечные зайчики. Один из них забрался в алюминиевую тарелку, стоящую на полке, и она весело засияла.

Дик лежал посередине избы. Один глаз спит, другой — на Юрку смотрит. Дику тоже хочется спать. Ему можно. Ему не надо картошку окучивать.

Белка лежала напротив Дика и настороженно глядела на него. Чего ей от Дика надо? На улице и близко не подходит, а в избе так и следит за ним.

Когда Юрка вышел на крыльцо, бабка уже ковыря-

лась в огороде с мотыгой. Тихо и прохладно на улице. Солнце наполовину поднялось из-за леса. Длинные тени протянулись от изб, заборов. Иглы на соснах влажно блестя. На дороге пусто. Не слышно поезда. И вот утреннюю тишину прорезал звонкий пастуший крик:

— Эге-ге-гей! Бо-о-о!

И тишины как не бывало. Заскрипели двери скотников, захлопали калитки. Поблизости замычала корова. В ее густое мычанье вплелось дробное козлиное беканье. А тут еще поддали жару петухи. Пошли перекликаться от двора к двору. Петушиная перекличка скоро оборвалась. Немного осталось петухов в поселке.

К изгороди прислонена мотыга. Это для Юрки. Он взял мотыгу, повертел в руках, сморщился: тяжелая. Встал в бороздку, с размаху всадил в землю. Бабка покосилась на него, но ничего не сказала. Юрка из озорства еще раз всадил мотыгу не туда, куда надо. Бабка — никакого внимания. Вздохнув, поплевал на руки, как это делал на аэродроме, и стал окучивать.

Поравнявшись с бабкой, все же буркнул:

— Фриц прилетит, бросит бомбу — и вся наша картошка — в небо.

— Балаболка, — добродушно проворчала Василиса. — Гляди под ноги-то, а то по пальцам тяпнешь.

Рукам стало горячо, теперь — жди мозолей. Через час заныла спина, шея, защипало между лопатками.

— Перекур, — сказал Гусь и бросил мотыгу в борозду.

Бабка продолжала окучивать. Она уже на три борозды обогнала Юрку.

— Шабаш! — крикнул он. — Заморилась ведь, отдохни.

Бабка обогнала его на четыре борозды. Ее маленькая фигурка не спеша двигалась вдоль зеленого кустистого рядка. Мотыга равномерно поднималась и опускалась. «Старая, а, гляди, не устает», — подумал Юрка. Посмотрел на свои руки — мозолей пока не видно. Потом будут...

— Бабушка, хочешь я в лес сбегать? — сказал Юрка. — За грибами. Говорят, за пожней колосовики пошли.

— Рано им еще, — сказала Василиса. — Какие сейчас грибы? Неделю печет... Грибы, родимый, после дождя бьются,

— А почему же поганки растут?

— Вот тебе урок, — сказала бабка, — до завтрака — четыре борозды.

Юрка прикинул: многовато. Ничего не поделаешь, надо браться за мотыгу. Тут не до разговоров.

В самый разгар работы возле дома остановился бензовоз и стал сигналить.

— Цыган! — обрадовался Юрка. Бросив мотыгу, побежал к калитке. Так и есть; чернобровый Семен вылез из кабины и, улыбаясь, ждал Юрку.

— Здорóво, Огурец! — пожал руку. — Занимаешься сельским хозяйством? Добрó.

— Надо же бабке помочь, — солидно сказал Гусь. — Старая, зашивается.

— Добрó, — повторил Семен. — На аэродром хочешь?

— Как там? — помолчав, спросил Юрка.

— Летают, — неопределенно ответил Семен.

Юрка ожидал, что он передаст ему приветы, расскажет новости. Как там Вася-Василек? Летчики? Но Семен похлопывал синей пилоткой по сапогам, помалкивал. Черные волнистые волосы спускались ему на обожженный солнцем лоб. Широкие брови смыкались на переносице. Большой, сильный, стоял Семен и с любопытством смотрел на Юрку. Давненько не виделись они. С весны. Изменился Гусь. Ростом выше стал. Лицо обострилось, похудело. Скулы, как две сливы, выпирали на щеках. А буйный прямой волос рос, как хотел: вкривь и вкось. Глаза были такими же большими и зелеными, только вроде бы помягче стали, подобнее.

— Поехали, Огурец, со мной, — сказал Семен.

— К летчикам?

— Будешь шофером... Машину научу водить.

— Бензовоз?

— А что, плохая машина?

Гусь окинул равнодушным взглядом пузатую машину, похожую на гигантского зеленого муравья с яйцом, сказал:

— Поднеси к твоему бензовозу спичку — один пшик останется.

— Не поедешь?

— Кабы к летчикам, — сказал Юрка. — А бензовоз... Ты же сам говорил, что на нем после войны воду будешь возить. А я летать хочу. Как Северов.

— Учиться на летчика, Огурец, надо, — сказал шофер. — А ты лоботряс.

— Лоботряс? — сказал Юрка. — Погляди, сколько борозд окучил! А эти хорды, разные там углы, винты — чепуха. Был бы Северов живой — научил. И Вася-Василек научил бы. Я знаю. А воду и бензин не хочу возить. Летать хочу.

— Летчик — это шофер, — сказал Семен. — Воздушный. Я бензин вожу, а летчик — бомбы. Я по земле, а он по воздуху. И вся разница.

Бабка разогнула старую спину и, опершись подбородком на отполированную ручку мотыги, посмотрела на них.

— Чего языком попусту мелешь? — сказала Юрке. — Позови человека в избу.

Семен взглянул на часы и полез в кабину.

— Чаю-то попей, — упавшим голосом сказал Гусь. Он подумал, что Семен уезжать собрался, но шофер вытащил из угла тугой вещевой мешок, вскинул его на плечо и зашагал по тропинке за Юркой. «Чего это у него в мешке? — заинтересовался тот. — Да много как... Не запчасти, надо полагать, продукты... Наверно, сухой паек получил».

Семен понравился Василисе. Он громко отвечал на ее вопросы, рассказал о положении на фронтах. Узнав, что ее сын — танкист, успокоил:

— Такая громада... Не так-то просто прошибить. Броня!

Когда самовар закипел, Семен, словно пушинку, поставил его на стол.

— Угостить-то тебя нечем, — загоревала бабка. — Уж больно парень-то хороший... Справный.

Семен засмеялся, и его ровные белые зубы заблестели на смуглом цыганском лице.

— Не тужи, мать, — сказал он, хитро прищурив глаза. — Огурец угостит...

Юрка вытаращил на него глаза.

— Ты чего?

— Развязывай мешок, — сказал Семен.

Юрку уговаривать не пришлось. Он за лямку подтащил тяжелый мешок к столу, развязал. В мешке лежали хлеб, сухари, консервы, сахар, брусок сала, банка с комбижиром, который почему-то называли «лярд».

— Сколько жратвы! — обрадовался Гусь.

Дик лапой отворил дверь и пробрался в избу. Но к столу не подошел. Лег посередине комнаты, положил морду на лапы и глаза прикрыл: дескать, наплевать мне на хлеб, сало и консервы. Только влажный нос выдавал Дика. Нос морщился, сжимался, шумно втягивал воздух.

Юрка стоял возле мешка. В одной руке он держал буханку хлеба, в другой — сало. Лицо у него было немного растерянное.

— Кому все это? — наконец спросил он.

— Тебе.

— Мне?!

Семен шутит. Кто ему, Юрке, столько продуктов отдаст? Это его, Семена. А сам что будет есть? Нет, столько сразу нельзя брать... Много.

— А сам? — спросил Гусь. — С голоду помрешь.

— При чем тут я, — улыбнулся шофер. — Это все твое. Летчики прислали.

— Вася-Василек? — воскликнул Юрка, расцветая от счастья.

— Он и Кошин передали... Знаешь Кошина?

— У него щека обожженная? — вспомнил Юрка.

— Он самый... Передай, говорят, Гусю, только пусть не все сразу слопают... Брюхо лопнет.

— Бабушка! — подскочил Юрка к Василисе. — Это летчики мне прислали... Нам с тобой!

Он положил перед ней хлеб, сало, подтащил мешок.

— И сахар тут... с чаем будем пить. Это все летчики!

Юрка почувствовал себя хозяином, все вывалил из мешка на стол и принялся угощать:

— Ешьте... Баб, клади в чай больше сахару. А ты, Семен, давай жми на сало... Тебе еще на аэродром пылить.

— Не старайся, Огурец, — сказал Семен. — Я человек не стеснительный. Только сыт я. Вот чай — другое дело.

— Ты каждый раз заезжай к нам чай пить, — радушно пригласил Гусь. — Можно, баб?

— Теперь знает, где наш дом, — сказала Василиса. — Не проедет мимо.

Семен поднялся из-за стола, поблагодарил хозяев. Дик тоже поднялся, подошел к нему, понюхал са-

поги. Понюхал и завилял хвостом: родной запах аэродрома.

— Гляди, узнал... — удивился Юрка.

— Интересовались ребята; как он тут?

Юрка разлохматил Диду шерсть на загривке, похлопал по спине.

— В норме. Костей не нащупать...

— Полезный пес, — сказал Семен.

Юрка проводил его до бензовоза. Солнце нагрело бак. Над винтовой пробкой дрожал, плавился воздух. Это испарялся авиационный бензин. Юрке приятен был запах бензина. Он напоминал аэродром, штурмовики. Ему вдруг захотелось приложить ухо к теплому боку цистерны. В голову пришла мысль, что он услышит знакомые звуки: рев прогреваемых моторов, гул штурмовиков, кружащихся над летным полем. Юрка приник к цистерне, но ничего не услышал. Даже плеска. Бензин молчал, дожидаясь своего часа.

Семен натянул на голову пилотку. Синеватый в кольцах чуб вымахнул на бровь.

— Прощай, Огурец.

В его голосе Юрка уловил грустную нотку.

— Когда опять приедешь? — спросил он.

— Вкусный чай у твоей бабки...

— Уходите?

— Прощай, Гусь, — Семен неуклюже забрался в кабину, хотел захлопнуть дверцу, но Юрка не дал. Он ухватился за ручку, потянул к себе.

— Я не буду болтать... Уходите?

— Время-то какое, Огурец, — улыбнулся Семен. — Наступаем. Чего же нам сидеть тут? Фронт отодвинулся на Запад. Будем перебазироваться к фронту.

— И ты будешь перебазироваться?

— Понятно.

— Ты же не летчик! — крикнул Юрка. — Ты бензовоз.

Семен не обиделся. Он понимал Юркино настроение. Обрывалась последняя ниточка, связывающая его с аэродромом. Семен осторожно захлопнул дверцу, нажал на стартер. Мотор тоненько взвизгнул, завыл... Сейчас Семен выжмет сцепление, даст газ и... прощай.

К забору подошла бабка. Вытерев концом платка толстый нос, сказала:

— Ну, чего прилип к автомобилю? Человеку ехать надо, а ты...

Бензовоз тронулся с места. Гусь, не обращая внимания на бабу, вскочил на подножку и кулаком стал стучать в дверцу:

— Семен! Семен! Открой! Я с тобой...!

ГЛУБОКИЕ КОРНИ

Бензовоз скатился под уклон. Вымощенная булыжником дорога оборвалась. Колеса машины попали в широкие колеи, выбитые в песке. Мягко покачивало. Лес обступил дорогу, закрыл небо. Иногда машину сильно накреняло, и тогда слышно было, как в гулкой цистерне ходит бензин. На капот неслышно упала зеленая сосновая ветка. Она, словно живая, доползла до радиатора и соскользнула вниз.

Под колесами протарахтел деревянный Рябиковский мост. От моста до самой железнодорожной насыпи волновалась высокая трава. Отсюда до бабкиного дома полтора километра. В кабине тихо. Семен крутит черную баранку. Молчит.

Молчит и Юрка. Решение все бросить и уехать с Семеном к летчикам возникло мгновенно. Тогда он не колебался. Вскочил в кабину, сел и поехал. А теперь мысли пчелиным роем закружились, загудели в голове. Бабка? Картошка? Стасик? Рита? Дик? Как он мог забыть про Дика?

Гусь повернулся к Семену, хотел сказать ему, чтобы он остановился. Надо ведь Дика взять. Семен смотрел на дорогу, крутил баранку и улыбался. Наверное, думает, что Юрка готов на попятную. Думает, что Гусь трепач...

— Семен, — ровным голосом сказал Юрка, — когда ты снова на склад собираешься?

— Военная тайна, — усмехнулся шофер.

— Я серьезно...

— Уже домой потянуло?

— Паршивый у тебя бензовоз, — сказал Юрка. — Того и гляди развалится... Когда тебе новый дадут?

— Мне и на этом хорошо... Машина отличная.

— Барахло, — сказал Юрка. — А этому, Егору дали новый, я видел.

— Мне на складе больше делать нечего, — сказал Семен. — Это последний рейс.

Юрка кашлянул и отвернулся. Он кусал губы. Незаметно ногой поддал какой-то рычаг.

— Осторожно, Огурец, — спокойно сказал Семен, — сломаешь. . .

— Машину? — спросил Юрка.

— Ногу, — сказал Семен.

Они замолчали. Бензовоз, надсадно завывая, медленно взбирался на бугор. А там дорога хоть куда. Включай четвертую и газуй. До самого аэродрома. На бугре Семен остановил машину. Не выключая мотора, сказал:

— Прокатился и хватит. . . Вылезай.

Гусь, скрывая радость, удивленно посмотрел на него.

— Не вылезу, — сказал он. — Давай вези.

За дверцей кабины послышался тихий визг, кто-то поскребся. Юрка нажал на ручку, дверца открылась, и в кабину сунулась остроухая морда. Дик вспрыгнул на подножку, сходу лизнул мокрым горячим языком Юрку в лицо.

— Бежал сзади! — изумился Гусь.

Он соскочил на дорогу, обнял Дика. Бока у собаки ходили ходуном. Дик смотрел Юрке в глаза, словно хотел сказать: «Что же это ты, братец? А еще друг называется».

Юрка гладил Дика. Ему было стыдно.

— Зря тебе собаку отдали, — сказал Семен. — Намудрили тут летчики.

— Трогай, чего стоишь? — не оглядываясь, сказал Гусь.

Семен отпустил тормоз, и бензовоз медленно поехал под уклон.

Юрка слышал, как из-под колеса выскочил камень и звонко стукнул о крыло. Шорох покрышек становился все глуше. Юрка встал, посмотрел вслед машине и, крикнув: «Семе-ен!» — бросился догонять. Дик побежал рядом.

— Ты мне, Огурец, порядком надоел, — сказал Семен, остановив машину. — Командуешь, понимаешь, и командуешь. . . Ну?

— Пока, Семен, — сказал Гусь и протянул ему руку. —

Будешь в наших краях — заезжай. Бабка мигом самовар поставит.

Семен взял в свою большую ладонь Юркину руку, пожал. Подмигнув черным цыганским глазом, засмеялся:

— Чертенок... И в кого ты такой колючий?

— Летчикам спасибо, — двигая скулами, сказал Юрка. — За вещмешок и за все... Насчет Дика пусть не волнуются. Дик... в общем все будет в норме. А ты давай вези бензин и заезжай, когда война кончится. Заедешь?

— Обязательно.

— Ну, давай трогай.

— А ты, Огурец, держись за бабку, — сказал Семен. — У нее, сразу видно, душа хорошая.

— Она мне и так как родная.

— Помогай ей по хозяйству-то. Трудно ведь, старая.

— Я пять борозд сегодня окучил... Встал — еще солнца не было.

— Встретимся, друг, — сказал Семен. — Поехал я.

Он помахал рукой и скрылся в кабине. Не успел бензовоз набрать скорость, как Юрка снова догнал.

— Семен, — торопливо сказал он. — Я нарочно насчет твоего бензовоза... Хорошая машина. Что толку, что у Егора новая? Все равно он тебя в жизни не обгонит. Барахло он, Егор... Кулак.

Семен, не останавливая машины, снова помахал рукой и понесся под уклон. Юрка и Дик стояли посередине дороги. Юрка ждал, когда бензовоз свернет за кривокобую сосну, стоящую на развилке. И вот на дороге осталось пыльное облако. Когда оно развеялось, Юрка вздохнул и зашагал в обратную сторону, на станцию.

Бабка окучивала картошку. Ее выгоревший платок чудом держался на затылке. Гладкие черные волосы были аккуратно зачесаны за уши. Круглая, похожая на дождевую каплю сережка покачивалась в маленьком ухе. Юрка отворил калитку. Она протяжно скрипнула. Он нарочно медленно шел по тропинке, но бабка даже не посмотрела в его сторону. Он кашлянул. Бабка молча орудовала мотыгой. Пока Юрка был в отлучке, она окучила пять длинных борозд.

Юркина мотыга сиротливо торчала посередине борозды. Он помнил, что, увидев бензовоз, бросил ее. Это бабка воткнула мотыгу. Значит, знала, что Юрка вернется.

Он встал в борозду и как ни в чем не бывало принялся подгрести. Поравнявшись с бабкой, поднял на нее глаза. Бабка не глядела на него, будто Юрки вовсе на огороде и не было.

— Устала ведь, баб, — сказал Гусь. — Отдохни. Я поработаю.

Бабка разогнула спину, потеряла поясницу. Лицо у нее было совсем не сердитое. Приложив ладонь ко лбу, она поглядела на солнце.

— Ребятишки тут к тебе оравой приходили, — сказала она. — Звали куда-то... Толком не расслышала. На речку, что ли?

Юрка тоже посмотрел на солнце. Высоко, над самой головой. И жарко. Рубаха прилипла к плечам, шея мокрая. Хорошо бы сейчас с берега... Вода прохладная, красота!

— Поработаю, — сказал Юрка. — Урок у меня... Четыре борозды окучу и пойду.

Бабка надвинула платок на лоб, воткнула свою мотыгу в землю.

— Иди купайся.

— Поработаю, — упрямо сказал Гусь.

Он сбросил рубаху, из майки соорудил что-то наподобие тюрбана и надел на голову. Пускай печет... Свой урок он выполнит, если бы даже на небе не одно, а сто солнц засияли.

Бабка ушла в избу, а Юрка принялся за дело. Чем скорее он выполнит свой урок, тем раньше попадет на речку. Главное, не отвлекаться. Но это сделать оказалось не так-то просто. Юрка еще не закончил окучивать и вторую борозду, как на крыльцо вышел Жорка Ширин. Уселся на верхнюю ступеньку и, вытащив из кармана белый сухарь, стал его яростно грызть. Юрка сначала делал вид, что не видит Жорку. Рыжий тоже не хотел замечать Гуся. Несмотря на гнилые зубы, он удивительно быстро разделался с сухарем. Из другого кармана достал кусок сахара. Кусок был большой, и Жорка никак не мог запихать его в рот. Положил на доску и ахнул камнем. Белые брызги разлетелись во все стороны. Жорка сначала облизал камень, потом, опустившись на колени, стал подбирать с земли кусочки сахара.

Откуда ни возьмись, появился Тобик. С секунду он удивленно смотрел на своего хозяина, но, сообразив, в чем дело, бросился помогать ему. Сахар так и затрепещал на крепких собачьих зубах.

— Пошел вон, — отпихнул Тобика Жорка.

Тобику сахар понравился. Он не захотел уходить. Наоборот, он выхватил у Жорки из-под самых рук кусок сахара.

— Отдай, обжора! — вцепился Жорка в собаку. — Кому говорю?!

Тут Юрка не выдержал.

— Сам ты обжора, — сказал он. — Зубов нет, а сахар трескаешь.

Жорка отпустил Тобика. Желтоватые в крапинку глаза стали злыми.

— Это сахар мой, — сказал он. — Я не ворую...

Юрка едва сдержался, чтобы не запустить в него камень. Не стоит руки пачкать. Прибежит Шириха, шум поднимет... Бабка опять расстроится.

— У меня привычки такой нет — воровать, — ухмыляясь, продолжал разглагольствовать Жорка. — Воров в тюрьму сажают.

Юрка посмотрел на жирное расплывшееся Жоркино лицо и почувствовал, как закипает бешенство. Не задумываясь, проломил бы ему рыжую башку мотыгой. Если перемахнуть через забор, можно поймать... Не успеет удрать. Гусь медленно двинулся к забору.

— Тронь только, — сказал Жорка. — Старшина дома... Он живо те холку намылит.

Юрка окинул взглядом забор. Высокий. С ходу ни за что не перепрыгнешь. А пока будешь перелезать, Жорка смеется.

— Дядя Петя, — на всякий случай позвал Жорка, не спуская с Юрки глаз. — Выдь на минутку...

В сенях глухо хлопнула дверь, затопали тяжелые шаги, и на крыльце появился старшина. Он был без ремня, ворот расстегнут. Живот вздул гимнастерку, на толстом лице — пот. Видно, пил чай, распарился.

— Ну и погодка, — поглаживая себя по животу, сказал он. — Пустыня. Сахара.

— Дядя Петя, — угодливо сказал Жорка, — пойдём на речку?

— Далеко?

— Чуток поболее версты.

— Надо подумать, — старшина потянулся, икнул. — Я, понимаешь, вздремнуть хотел.

— Там вздремнете, — уговаривал Жорка. — Под кусточком.

Старшина снова икнул и увидел Гуся. Маленькие водянистые глаза его с минуту буравили мальчишку.

— Не совестно? — наконец спросил старшина.

— Вы о чем, дядя?

— О консервах и колбасе... Знаешь, что это такое?

— Продукты.

— Сколько банок увел?

— Одну, — сказал Юрка, — два круга колбасы и буханку хлеба.

Жорка обалдело захлопал рыжими ресницами, рот его широко раскрылся. Старшина тоже опешил. У него даже икота пропала.

Он застегнул пуговики на воротнике, провел рукой по гимнастерке.

— Это же... форменный грабеж!

— Да нет, — сказал Юрка. — Это в долг.

Старшина побагровел:

— Я тебя к коменданту... Посажу!

Юрка спокойно высморкался. Хотел по привычке вытереть нос рукавом, но раздумал. Достал из кармана большой платок с дыркой посередине и несколько раз протер под носом. Аккуратно сложил платок, спрятал в карман.

— Люблю, чтобы все было по-культурному, — ни к кому не обращаясь, произнес он. И, бросив презрительный взгляд на Жорку, добавил: — Конечно, сопливым никакой платок не поможет...

Жорка растерянно оглянулся на старшину и несколько раз подряд шмыгнул носом. Но это не помогло: под носом еще больше заблестело. Платков у Жорки сроду не водилось, а рукавом вытереть нос не решился. Так и остался сидеть на крыльце с мокрым носом.

— Платком нос вытирает, — сказал Жорка, — а чужую колбасу ворует... Это по-культурному?

— Захлопни свою коробку, — посоветовал Юрка. — С тобой, микроба несчастная, никто разговаривать не желает. Попадись на речке, утоплю!

— Полегче, Гусь, — сказал старшина. — Мне про твои делишки все известно... Да ты и сам не скрываешь. Сознался.

— Вы не разоряйтесь, дядя, — перебил его Юрка. — Сказано, продукты я взял в долг.

— До конца войны? — усмехнулся старшина. — На том свете угольками будешь рассчитываться... Хитер ты, Гусь, да и я не дурак...

— Дурак, — сказал Юрка и, повернувшись к старшине спиной, неторопливо отправился домой.

Вернулся он скоро. Старшина, голый до пояса, стоял у крыльца, а Жорка лил ему из кружки воду на толстую красную шею.

— Эй, дядя! — окликнул Гусь. Старшина фыркал, как боров, хлопал себя ладонями по жирной груди. На Юрку он даже не посмотрел.

— Вот ваши продукты! — крикнул Юрка и перебросил через забор банку с тушенкой.

— А это вместо колбасы и хлеба... — И вторая банка, побольше, мягко шлепнулась в траву.

Жорка бросил кружку в ведро и кинулся подбирать банки.

— Свиная тушенка, — показал он старшине. — Не брешет. . .

— Квиты? — спросил Гусь и, не дожидаясь ответа, ушел с огорода.

З Е М Л Я Н И К А

Случайно на чердаке Юрка наткнулся на сундук. Сверху были навалены старые газеты грязновато-желтого цвета, журналы с выцветшими обложками. А под ними лежали книги. Юрка взял одну, раскрыл: «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтов. Равнодушно полистал, хотел бросить в сундук, но что-то его остановило. Подсел поближе к свету, падавшему через круглое чердачное окошко, стал читать и. . . очнулся, когда услышал громкий лай Дика.

Книжка была интересная. Прочитав ее, принялся за другую. Юрка читал все подряд, без разбору: «Девяносто третий» и «Человек, который смеется» Гюго, «Выстрел» Пушкина, «Преступление и наказание» Достоевского, «Красное и черное» Стендаля, «Избранное» Чехова и много других. С чердака он перекочевал в амбар. И там один на один с книгой мог проторчать с утра до вечера. Сначала с ним был Дик, но потом собаке надоело валяться в темном амбаре и нюхать сенную труху. Дик ложился на траву у входа в амбар и надежно охранял своего друга. Гусь забывал даже про обед. Зато Дик никогда не забывал. Когда бабка начинала ухватом двигать чугуны в печке, он лапой открывал дверь, подходил к Юрке и носом тыкался в лицо, дескать, пора, друг: жареным запахло.

Повар Сотник каждое утро выдавал порцию кухонных отходов для Дика. Угощал борщом, кашей и Юрку. Опорожнив миску, Гусь вытирал губы носовым платком, говорил:

— Хорошо быть поваром. . . Сколько хочешь ешь и никто тебе слова поперек не скажет.

Длинный повар сердито гремел кастрюлями, хмурился:

— Хотел бы я посмотреть, сколько ты выдержишь у плиты?

— Только бы кормили, — сказал Гусь. — Выдержал бы...

Сотник поправил на голове пилотку, взял Юрку за руку:

— Пойдем к капитану.

— Зачем?

— Попрошу, чтобы определили тебя ко мне в помощники... Поваренком будешь.

— Поваренком?

— Будешь картошку чистить, воду таскать, плиту разжигать. И есть вдоволь.

— погоди, дядя! — испугался Юрка. — Не хочу я поваренком. Я летчиком хочу.

Сотник выпустил Юркину руку, грустно улыбнулся.

— Впредь не пузом соображай, а головой... Так-то, брат. А теперь очисти пищеблок.

Юрка пожимал плечами, брал ведро и уходил. Чудной какой-то этот повар...

Один раз Гусь пришел в столовую, — там солдат полно. Сидят за столами и в такт дружно ложками барабанят.

— По-ва-ра! — мощно гремит под сводами столовой. — По-ва-ра!

Лица у солдат усталые, но не очень сердитые. Пришли на обед с полевых учений, а повара на месте не оказалось. Вот и шумят солдаты.

Юрка подошел к двери кухни — закрыта. Отправился искать Сотника. Нашел у оружейного склада. Повар стоял на коленях возле новенького крупнокалиберного пулемета и помогал солдату в зеленом комбинезоне собирать его. Руки у Сотника были по локоть в густом оружейном масле. А лицо... Юрка никогда не видел у него такого довольного, сияющего лица.

— Солдаты ждут, — сказал Гусь. — В столовой.

Сотник с сожалением положил на промасленный брезент пулеметную часть, вытер тряпкой руки.

— Отличная штука, — кивнул он на пулемет. — Стакой машинкой черт-те что можно сделать...

— Ложками стучат, — сказал Юрка. — Давно, видно, ждут.

С лица Сотника сползла улыбка.

— Забыл... Будь ты не ладен!

Он проворно поднялся с колен и рысью направился к столовой. Солдат посмотрел ему вслед, улыбнулся:

— Любитель... Даже про кашу забыл.

Стасик вот уже несколько дней нигде не показывается. Даже к Юрке не ходит. У Стасика большая радость — отец с фронта на побывку приехал. Юрка один раз видел его. Стасик зазвал к себе домой и познакомил с отцом.

— Друг мой, Гусь, — сказал Стасик, счастливо улыбаясь.

— Слышал... — медленно произнес отец Стасика, потом крепко пожал Юрке руку, внимательно посмотрел в глаза. — Вы тут не очень чудите, хлопцы, — сказал он. — Что было, то прошло. А больше не надо.

Отец Стасика был майор. Волосы у него такие же, как и у сына, светлые, кудрявые. Лицо хмурое, но доброе. На шее шрам. Майор человек был неразговорчивый. Он ничего не рассказывал и ни о чем не спрашивал. Но когда смотрел на Стасика и Юрку, глаза его становились мягкими, хорошими. Перед самым отъездом он спросил Юрку:

— Как дальше жить думаешь?

Гусь понял, что этому человеку нужно только правду говорить.

— Да вы за Стасика не беспокойтесь, — у него своя голова на плечах, — сказал он.

— А у тебя?

Юрка опустил глаза, помолчал.

— А я... не знаю. На войну не берут.

— Я узнавал... Школа откроется, — помолчав, сказал майор. — Оба осенью сядете за парту. И без всяких дураков.

— Ладно, без дураков, — неохотно ответил Гусь. — Я пойду. Дела.

Юрка рад был за друга. Стасик долгое время не имел от отца никаких вестей. И вот встретились. А Юрка никогда и ни с кем не встретится. Майор где-то раздобыл для Стасика детский матросский костюм: куртку и короткие штаны, и бескозырку с золотой надписью на ленте «Аврора». Костюм был тесноват. Тонкие руки Стасика далеко вылезали из рукавов, а штанишки были намного выше колен. Юрка, увидев друга в этом одеянии,

остановился на пороге столбом и долго его разглядывал, а потом спросил:

— Мальчик, ты случайно не из детского садика?

Стасик похлопал себя по голым ногам, вздохнул:

— Штаны коротковаты. Зато бескозырка в самый раз...

Видно было, что Стасик чувствует себя неудобно в новом костюме, но, чтобы не огорчить отца, мужественно носит тесную матроску.

К Юрке зашел Колька Звездочкин.

— Бери собаку и пошли к Висячему, — сказал он. — Там земляники прорва.

Колька был в синей майке, заправленной в черные драные штаны. На поясе — плетеная корзинка. В корзинке — кружка. Лицо у Кольки черное, над лбом — желтая челка.

Книжку Юрка прочитал, делать было все равно нечего. А прогуляться с Диком не мешает. Последние дни Юрка все читал, а Дик грелся на солнце. А это для служебной собаки вредно. Обленится.

— Люблю землянику, — сказал Гусь. — Ее сколько хочешь можно съесть.

Он позвал Дика и спустился с крыльца.

— Корзинку возьми, — сказал Колька. — Куда ягоды-то будешь собирать?

— В пузо, — сказал Юрка. — А ты?

Колька удивленно посмотрел на него, усмехнулся:

— Я в корзинку. А потом на вокзале продам. Стакан — три рубля.

— Покупают?

— Еще как... Придет эшелон — с руками оторвут. Я по три продаю, а Жорка по пятерке. И то берут.

Юрка вспомнил, бабка как-то жаловалась, что денег совсем нет. Надо в таком случае подработать. Придет Юрка с вокзала, отдаст бабке деньги. Обрадуется. Спасибо, скажет, Юрушка...

— Сколько ты стаканов за день собираешь? — спросил он.

— Семь, а то и все десять.

— А двадцать можно собрать?

— Попробуй, — растянул Колька в насмешливой улыбке толстые губы. — Двадцать... Да ты и пять-то не наберешь.

— Наберу, — сказал Гусь. Он нашел в сенях большую корзину, кружку.

— Давай собирать землянику до самого вечера? — предложил Юрка. — Пока видно.

— Ты через два часа взвоешь, — сказал Колька. — Ягоды собирать — это тебе не ракеты в небо пускать.

Они шагали по шпалам. По обе стороны насыпи притих разомлевший от жары лес. На толстых сосновых стволах блестела тягучая смола. На телеграфных проводах, опустив крылья, изнывали ласточки. В такую жару даже им лень было охотиться за мошкой. Ноги прилипали к теплым, пропитанным мазутом шпалам. На носу у Кольки Звездочкина выступили капельки пота.

— Давай посидим? — предложил Колька.

— Некогда нам расслаивать, — сказал Гусь.

Колька спорить не стал, и они зашагали дальше. Дик еще в начале пути по бровке спустился с насыпи и бежал вдоль путей. Он останавливался возле каждого куста, обнюхивал листья. Висячий мост виднелся вдали. Он дрожал в сиреновом мареве, словно собирался расплавиться. Чем ближе к мосту — тем он кажется дальше. По мосту медленно проползали небольшие черные и зеленые жуки. Это машины.

Отдохнув в тени железных ферм, ребята поднялись на откос. Тут, сразу за мостом, росла земляника. Крупные красные ягоды с белыми зернышками ловко прятались под листья. Их сразу увидеть было не так-то просто. Мелькнет красная ягода, а нагнешься — нет ее. Спряталась под лист. Гусь сразу же совершил оплошность. Вместо того, чтобы класть ягоды в кружку, он стал класть их в рот. Спелая земляника была на редкость вкусной. Юрка, наверное, с полчаса никак не мог остановиться. Ел и ел ягоды. И только когда Колька высыпал в корзинку первую кружку, спохватился и тоже стал собирать.

Солнце напекло затылок, Юрка почувствовал, что больше не может. Шея онемела, спину ломило, а в глазах мельтешили красные ягоды и зеленые листья. Он посмотрел на Звездочкина. Тот как ни в чем не бывало рвал землянику и даже бубнил себе под нос какую-то песню. Вот черт губастый! Неужели не устал? А тут еще в животе что-то стало бурчать, попискивать. Видно, перестарался Юрка. Многовато ягод съел. Лучше всех

чувствовал себя Дик. Он развалился в траве и сладко дремал. Когда ребята уходили далеко, Дик вставал, догонял их и снова укладывался, кося на них сонным глазом.

Юрка заглянул в корзинку. Маловато! Только что дна не видать. У Кольки, наверное, в два — три раза больше. Ишь, старается!

— Устал? — спросил Гусь.

Колька поглядел на него хитрым светлым глазом, ухмыльнулся.

— Кто устал? — уточнил он.

— Ты.

— Я могу до самого вечера собирать и ничего... Не устану.

— Много набрал? — Юрка подошел к нему, заглянул в корзинку.

— Стаканов пять будет, — самодовольно сказал Колька.

— А у меня?

Колька небрежно тряхнул Юркину корзинку, снова ухмыльнулся:

— Двух не наскребешь.

— Ух, до чего у тебя нижняя губа толстущая, — сказал Гусь. — Как гриб.

Колька Звездочкин против ожидания не полез в бутылку. Он потрогал рукой свою губу и добродушно сказал:

— Так уж и гриб... Губа как губа.

— Гриб-боровик, — сказал Юрка.

— Боровики самые лучшие грибы, — невозмутимо заметил Колька. — Я знаю, где они растут... Что я придумал, Гусь! — Он отвязал корзинку и сел в траву. — Давай Дика научим грибы искать! Он нам за день тыщу штук найдет. У него нюх.

Юрка лег рядом, вытянул ноги. В животе вроде стало тише бурчать.

— Выдумал! — сказал он. — Будет Дик такой чепухой заниматься...

— А чем он будет заниматься?

Гусь ничего не ответил. Он и сам не знал, чем должен Дик заниматься. Бегать за ним? Или охранять его, Юрку? Кому Юрка нужен? Его и так никто не трогает. Все говорят, что Дик — служебная собака. Ему цены нет. А Юрка портит его... Ну и пускай говорят. Это от зависти. У них-то нет такой собаки. А он любит Дика. И Дик его любит. И они всегда будут вместе...

— Ну как, Гусь? — спросил Колька. — Домой пойдём или еще поработаем?

Юрке надоело собирать ягоды. И на деньги ему было наплевать. Но не хотелось Кольке уступать. Подумаешь, набрал на два стакана больше и нос задрал...

— Если устал — иди, — сказал Гусь. — А я еще пособираю.

— И мне лишняя десятка не помешает, — сказал Колька.

Юрка сделал открытие: зачем нужно кланяться каждой ягоде, когда можно встать на колени и собирать. А если лечь на землю, то еще лучше: ягоды перед глазами, и никакие листья их не загораживают. Юрка елозил на коленях, ползал на животе, но и в этот раз ягод собрал меньше Звездочкина, который «работал» по старинке.

Услышав паровозный гудок, Юрка сел на землю и стал слушать. Поезд шел со стороны Бологого. Над де-

ревьями взмыло белое облачко, второе, третье... Вынырнула черная паровозная труба. И вот лоснящаяся от масляного пота железная махина, пыхтя и отдуваясь, показалась в просвете между кустами и нырнула под висячий мост. Густой железный грохот продолжался до тех пор, пока не скрылся под мостом последний товарный вагон. Эшелон давно скрылся из глаз, а блестящие рельсы все еще продолжали гудеть. И еще слышался какой-то глухой звон. Непонятный, печальный. Юрка взглянул на мост. В кружевном лабиринте ферм запутался синеватый клочок паровозного дыма. Звон доносился откуда-то из глубины.

Пройдет под мостом поезд, исчезнет в сизой дали, а старый мост все еще помнит его, тихо звенит, словно жалуется на что-то...

Домой они пришли, когда солнце, красное, воспаленное, накололось на зубчатую кромку леса. Юрка отворил калитку, втолкнул Дика, а сам бегом на станцию. На путях стоял санитарный поезд и дожидался встречного. Мимо вагонов уже шныряли с корзинками мальчишки и девчонки. Продавали землянику. Из окон пассажирских вагонов выглядывали раненые с забинтованными головами, руками. Они подзывали ребят и покупали ягоды. Те, кто мог передвигаться, прогуливались по перрону.

— Эх, черт, — с досадой сказал Колька, — у нас ни бумаги, ни стаканов нет. Как же будем продавать?

— Кружками, — сказал Юрка.

Мимо них пробежал Жорка Ширин. К груди он прижимал большое алюминиевое блюдо. В блюде один к другому стояли маленькие кулечки с ягодами. Жорке не надо возиться со стаканами. Он заранее все приготовил.

— Видал, как надо работать? — кивнул вслед Жорке Колька. — Этот умеет...

Они медленно пошли вдоль вагонов. Юрка не смотрел на окна. Он смотрел под ноги. Не привык он торговать ягодами. Не умеет. Колька сначала хорохорился, а тут тоже примолк.

— Свежая земляника! — донесся до них Жоркин голос. — Пять рублей стакан... Берите, дяденька, только что из лесу.

— Врет, Рыжий, — сказал Колька. — Он сегодня и в лесу-то не был...

- Земляника? — услышали они негромкий голос.
— Свежая... — сказал Гусь. — Только что из лесу.
— Почему?

Юрка поднял голову и увидел раненого. Он лежал на верхней полке. Лица у него не было видно. Все в бинтах. На свет глядел темный, грустный глаз да узенькая щель вместо рта. Одна рука была в лубке.

— Страшный? — проговорил раненый. Глаз с любопытством уставился на ребят.

— А... чем это вас? — спросил Юрка.

— Почему, спрашиваю, ягоды? — Глаз сердито заморгал.

Юрка посмотрел на Кольку: почему?

— Пять... Четыре рубля, — запинаясь, сказал Звездочкин.

Здоровая рука раненого полезла куда-то вверх, зашелестела бумажками.

— Врет он, — сказал Гусь. — Два рубля кружка.

Глаз посмотрел на Кольку, потом на Юрку.

— Почему так дешево?

— Берите... — Юрка насыпал полную кружку, протянул раненому. Тот просунул в окно руку, взял. Высыпал ягоды в тарелку.

— Еще надо? — спросил Гусь.

Раненый покачал головой. Медленно спустил кружку. В кружку лежало десять рублей.

— А сдачи? — заволновался Юрка. — У меня сдачи нет. — Он посмотрел на Кольку. Тот покачал головой.

Глаз дружелюбно смотрел на Юрку.

— Не надо сдачи, — сказал раненый. Он пальцами раздвинул щель, положил в рот ягоду. — Земляника... летняя.

Темный глаз вроде бы повеселел. Когда ребят подзвали к другому окну, раненый подмигнул Юрке и приветливо кивнул головой.

— Это что за станция? — спросил кудрявый плечистый парень в белой рубашке с повязкой на голове. Он тоже лежал на верхней полке и задумчиво смотрел вверх голов ребят.

— Орехово... — сказал Юрка и чуть было не выронил корзинку из рук. Это был лейтенант. Тот самый лейтенант, который год назад, осенью ночевал с бойцами у бабки.

— Здравствуйте, — растерянно произнес Юрка. — Вы... вы раненый?

Это был глупый вопрос. Юрка сам почувствовал. Ему хотелось обнять лейтенанта за шею, сказать ему кучу хороших слов, но он не умел.

— Гусь... Черт возьми, Гусь! — лейтенант улыбнулся. — То-то я гляжу — знакомая станция... Ну как твоя бабка поживает?

— Хорошо, — сказал Юрка. — А вы... домой?

В серых глазах раненого мелькнуло что-то тоскливое. Он сдвинул светлые брови, но, пересилив себя, снова улыбнулся.

— Вырос... чертенок. Скоро совсем большой будешь.

— Я за бабушкой сбегая, — спохватился Юрка. — Вот обрадуется!

— Не надо, — остановил лейтенант.

— Она дома, в огороде копается.

— Не успеешь... Поезд скоро отправится.

К ребятам подошел другой раненый. Один рукав его гимнастерки был подвернут выше локтя, шея в белом воротнике из ваты и бинта.

— Никак, капитан, знакомых повстречал? — спросил он, глядя на окно.

— Вот встретились, — сказал Юркин знакомый.

«Капитана присвоили, — подумал Гусь. — Видно, храбрый».

— Опрокинь-ка мне, паренек, пару стаканов, — однорукый снял с головы пилотку, подставил.

Юрка через край насыпал ему ягод. Встряхнул корзинку и протянул капитану.

— Это вам на дорогу.

Капитан пододвинулся ближе к окну, взял корзинку.

— Денег не надо, — быстро сказал Гусь, заметив, что раненый сунул руку под подушку.

— Спасибо... Юра. Кажется, так тебя зовут?

Юрка кивнул. Однорукый повернулся к нему боком и сказал:

— Деньги в кармане... Возьми, сколько полагается.

— Ничего с вас не полагается, — сказал Гусь. — Ешьте на здоровье... Я еще наберу.

Однорукый внимательно посмотрел на него, улыбнулся.

— И всем ты, паренек, даешь бесплатно?

— Всем, — взглянув на капитана, сказал Юрка.

К ним подошли еще несколько раненых.

— Вам ягод? — спросил Гусь.

— У тебя же нет, — сказал один из них. — С корзинкой загна!

— Есть, — сказал Юрка и посмотрел на Кольку.

— Берите, — протянул тот раненый свою корзинку.

Послышался шум поезда. Военский эшелон с бронетранспортерами, не сбавляя скорости, прогремел мимо станции. На перрон вышел дежурный. Под вагонами санитарного зашипели автотормоза. Раздался басистый гудок.

Раненые быстро разделили ягоды. Старший лейтенант

достал из кармана пятидесятирублевку, протянул Звездочкину.

— Держи, парень.

Колька взял деньги, зажал в кулаке. Юрка, взглянув на него исподлобья, ближе подошел к окну.

— Поправитесь — и снова на фронт? — спросил он.

Опять в глазах капитана появилось тоскливое выражение. Он поправил на голове повязку, нахмурился.

— Отвоевался я, Гусь.. — негромко сказал он.

— Голова? — чуть слышно спросил Юрка.

— Ноги, — сказал капитан и отшвырнул от себя одеяло.

Юрка прикусил губу: под одеялом ничего не было. На застланной чистой простынью полке в длинной рубашке лежала половина человека. Другой половины не было.

— Твоя бабушка говорила, что богу будет молиться за нас, — угрюмо сказал капитан. — Как видишь, Гусь, и бог не помог. Скажи ей, пусть зря не молится.

Юрка широко раскрытыми глазами смотрел на капитана и молчал. Да и говорить-то было нечего. Что сделали с человеком! Когда этот кудрявый красавец лейтенант вошел к ним, Юрке, помнится, сразу изба показалась тесной. А сейчас его можно на стол положить, и еще место пустое останется.

— Пулеметной очередью, — сказал капитан. — В упор. В атаку ходили. А тех ребят, что со мной были — всех положил. Всех до одного... — Он посмотрел на Юрку и, с трудом дотянувшись рукой до одеяла, натянул на себя. — Гонят их наши... Кончится война. Хорошее время наступит, Гусь. Будь она трижды проклята, эта война!

У капитана задергалась щека. Он замолчал, глядя вверх на зеленую полку.

Непрошенная слеза выкатилась из Юркиных глаз. Нет, это была не жалость! Лютая злость к тем, кто сделал капитана таким.

Вагон дернулся, прошел немного и снова остановился. Видно, паровоз с первого раза не взял.

— Прощай, Юра, — все так же глядя вверх, сказал капитан. — Больше не увидимся... Какой теперь из меня ходок? Вроде чурбака... Где поставят, там и буду стоять...

— У меня собака есть, — сказал Юрка. — Дик... Мы с ним всех фашистов передушим!

Вагон снова дернулся и на этот раз с тихим шумом покатился.

— Прощай, Гусь, — повторил капитан. Он натянул одеяло на голову, отвернулся к стене. Юрка растерянно стоял на месте и смотрел на вагон. И тут он увидел Жорку Ширина. Жорка со своим блюдом шел навстречу и кричал:

— Покупайте землянику... Остатня-я. По четыре за кулек отдам!

Юрка подскочил к нему, вырвал блюдо и, догнав вагон, в тамбуре которого стояли раненые, протянул им блюдо.

— Ягод... Земляника. Ешьте на здоровье!

Санитарный поезд ушел. Юрка стоял на перроне и смотрел вслед. Последний вагон, вздрагивая и покачиваясь, уменьшался. Вот он стал со спичечный коробок и, наконец, совсем исчез, растворился в сумраке, надвигающемся со стороны леса.

— У него собаки здесь нет, — услышал Юрка вкрадчивый Жоркин голос. — Собака дома. Я видел.

К нему, во главе с Жоркой, приближались сельские ребята. Успел, гад рыжий, собрать компанию... Опять десять на одного. Юрку охватил гнев. Нет, на этот раз им не удастся его отколотить. Он оглянулся вокруг, ища что-либо подходящее. Внизу, рядом с рельсом, лежал гладкий голыш. Гусь спрыгнул с перрона на путь, схватил камень.

— Кто первый сунется — череп напополам, — предупредил он, взбираясь на перрон.

Ребята остановились.

— Говори, Гусь, — сказал Жорка, — отобрал у меня мамкино блюдо с ягодами?

— Ну?

— Слышите? — повернулся Жорка к ребятам. — Не отпирается.

— Ты чего тут командуешь? — спросил Петька Петух, высокий черноволосый мальчишка с якорем, выколотым на руке.

— Жулик ваш Жорка, — сказал Юрка. — Продает раненым малюсенькие кулечки по пятерке. А в кулке и полстакана не будет.

— Будет стакан! — взвизгнул Рыжий. — Брешет он!
— По пятерке за кулек? — поглядел на Жорку Петька.

— Говорю, брешет. . . По четыре.

— И по четыре дорого, — сказал Петух. — По три — в самый раз.

— А кто ему дал право чужие ягоды отбирать? — заныл Жорка. — Он их мне в лесу собирал, да?

Петух посмотрел на Юркин камень, почесал затылок.

— Чего ты командуешь? — снова спросил он. — Хочешь, чтобы рожу набили?

— А ну-ка, сунься? — сказал Гусь.

Петух морщил лоб, раздумывая, ввязаться в драку или нет. Остальные молчали. Юрку Гуся уже хорошо знали на станции. И связываться с ним не очень-то хотелось. Все смотрели на Петьку и ждали, что он скажет. Петух был самый длинный и старше всех. Но Петух молчал. Молчали и другие. Жорка подбежал к Петьке и, приподнявшись на цыпочки, что-то быстро зашептал ему на ухо.

— Не обманешь? — спросил Петух.

Рыжий отрицательно замотал головой. Петух расстегнул пряжку и стал медленно наматывать на ладонь широкий ремень. Жорка стоял за его спиной и злобно сверкал своими глазками. Гусь весь подобрался и первым шагнул навстречу Петуху.

— Один на один будем? — спросил он, с угрозой поглядев на ребят.

Петух молчал. Он гладил ладонью медную пряжку и о чем-то думал.

— Драться будем до конца, — сказал Гусь. — До смерти.

Петух, не спуская с Юрки глаз, все еще о чем-то раздумывал.

Из толпы ребят вышел Колька Звездочкин и встал рядом с Юркой. Лицо у него было бледное, но маленькие глаза блестели отвагой.

— Я тоже буду драться, — сказал он. — За Гуся.

Юрка изумленно посмотрел на него, пожал плечами, но ничего не сказал.

— Гусь — человек. А Жорка жулик. Он всех покупает за сахар и деньги. И тебя, Петух, купил. Думаешь, я не слышал? Он тебе десятку посулил и кусок сала.

— И врешь ты! — крикнул Жорка. — Про сало и разговору не было...

— Про сало ничего не говорил, — подтвердил Петух.

— Гусь даром свои ягоды раненым отдал, — продолжал Колька. — А Жорка обдираала... С раненых по пятерке?!

— По пятерке дорого, — сказал Петух и стал размазывать с ладони ремень.

— Значит, можно у человека ягоды и блюдо отнимать? — чуть не плача, спросил Жорка.

Ребята молчали.

— Погодите, он и у вас отнимет...

— Сколько у тебя было кульков? — спросил Юрка.

— Штук восемь!

Юрка достал из кружки десятку (Эх, забыл отдать забинтованному!) и швырнул Жорке в толстое веснушчатое лицо.

— Подавись своими деньгами... Спекулянт!

Жорка на лету схватил деньги, разгладил, спрятал в карман.

— А блюдо? — спросил он.

Но на него никто не смотрел. Петух ладонью стукнул Юрку по плечу, улыбнулся:

— Не сердись, Гусь... Думаешь, я и вправду стал бы из-за него с тобой драться?

— А зачем ремень снимал?

— А это так... для форсу, — засмеялся Петух. — Я видел, так морячки дерутся.

Юрка размахнулся и далеко забросил камень, а потную руку обтер о штанину.

— Приходи завтра на речку, Гусь, — сказал Петух. — вместе с собакой... Придешь?

— Ладно, скупнемся, — кивнул Юрка.

Петух с ребятами ушел. Жорка сначала побежал за ними, потом вернулся.

— А как же блюдо? — спросил он. — Мне мамка житья не даст...

— Катись, — посоветовал Юрка. — А то...

Жорка послушался и ушел.

Колька Звездочкин проводил Юрку до калитки, сунул на прощанье руку.

— Отдал я ему... — сказал он.

— Что отдал? — не понял Юрка,

— Да деньги, — сказал Колька. — Поезд тронулся. Я побежал и отдал... Раненые ведь. Воевали.

Юрка широко улыбнулся и подтолкнул Кольку плечом.

— И не жалко?

— Жалко, — сознался Колька. — Стаканов десять было... Раненые ведь. А знаешь, как старший лейтенант удивился? Пока вагон видно было, все время мне руками махали.

ТРУДНОЕ РЕШЕНИЕ

Юрка ногой распахнул дверь в кухню, крикнул:

— Эй, Сотник, получай свои сморчки!

Сотника на кухне не было. У котла стоял толстый незнакомый человек в высоком белом колпаке. Он удивленно смотрел на Гуся и качал головой.

— Если этот маленький разбойник думает, что ему можно без разрешения врываться на кухню, то он глубоко ошибается, — сказал человек.

— Я к Сотнику... к повару, — пробормотал Юрка. — Грибы принес.

Толстый человек положил половник на крышку большой кастрюли, подошел к Юрке.

— Эту пакость ты называешь грибами? — спросил он, кивнув на корзинку.

— Сморчки, — сказал Гусь. — Они вкусные, если отварить...

— Их не отваривают, их выбрасывают, — повар взял корзинку и вывалил грибы в помойное ведро. — Вот так, а теперь, малыш, шагом марш из кухни.

— А... а кости?

— Тебе показать, где дверь? — спросил повар. — Или сам найдешь?

Юрка, стиснув зубы, выбежал из кухни. Он ничего не понимал. Где Сотник? Почему на кухне распоряжается этот противный толстяк? Юрка бросился в комендатуру. По длинному коридору сновали военные. Выносили из комнат пачки бумаг и грузили в машину. Кабинет дяди Васи был закрыт.

Юрка вышел из комендатуры и отправился к проходной. Возле оружейного склада тоже стояли машины. На

них грузили длинные узкие ящики с пулеметами, коробки с боеприпасами. Юрка увидел знакомого солдата в зеленом комбинезоне. Того самого, с которым Сотник собирал крупнокалиберный пулемет. Солдат таскал на спине из склада ящики.

— Где Сотник?

Солдат осторожно поставил тяжелый ящик в кузов машины, отер пот со лба.

— Сотник ты-тю, — сказал он. — Уехал твой повар.

— Уехал?!

— На фронт, братишечка... Пулеметчиком.

— А как же...

— Каша? — усмехнулся солдат. — Кашу да борщи другой будет варить. Сотник, братишечка, давно просился к пулемету. Уважили человека.

— А вы тоже уезжаете?

Солдат посмотрел Юрке в глаза и сказал:

— На фронт... Отдохнули в тылу и хватит. Пора за дело.

— И дядя Вася с вами?

— Капитан? Нет. Он встретит новую часть, разместит...

— Я пошел, — сказал Гусь. — Пока... Встретишь Сотника — привет от меня. Я ему сморчков принес, а этот... — Юрка покосился на окна кухни, — выбросил. В помойное ведро. Не нравится мне он... Толстый.

Настроение у Юрка упало. Все тут спешат, торопятся, а ему некуда спешить. И Сотник уехал. Бросил свои кастрюли и укатил на фронт. Будет фашистов, как капусту, крошить.

На станции уже стоял эшелон. Машины то и дело подкатывали к самым платформам. Юрка долго стоял в стороне, наблюдая за погрузкой. Солдаты работали как черти. К вечеру все погрузят и уедут.

Дяди Васи на станции не было. Юрка поплелся домой. У калитки его встретил Дик. Обнюхал пустые руки.

— Плохи наши дела, брат, — сказал Гусь. — Нет каши...

Дик обиделся, отошел в сторону.

— Ладно, найдем чего-нибудь.

Бабки дома не было. Ушла в лес за березовыми вениками. Юрка вытащил из печки чугуны с супом. Вроде пах-

нет мясом. Утром бабка говорила, что последняя банка тушенки кончилась. Придется снова перейти на растительную пищу. Бабка говорит, что овощные блюда куда полезнее мясных. И еще говорит, что много есть скоромного — грех. А Юрка любит мясное... И Дик любит. Да и бабка ест за милую душу, даром что грех.

Юрка налил Дику в чашку супу, накрошил хлеба. Дик в минуту опорочил чашку и выразительно посмотрел на хозяина; мол, давай еще.

— Ладно, посижу один день голодный, — сказал Гусь и вылил в чашку свою долю. Дик съел и снова посмотрел на Юрку: маловато!

— Хватит, — сказал Гусь. — Бабка из леса придет голодная.

Дик подошел к печке, обнюхал Белкино блюдо. Там тоже ничего не было. Шумно вздохнув, улегся посередине избы.

Юрка смотрел на него. Думал. Вялый стал Дик. Весь день может пролежать в тени. Играет неохотно. Работать совсем перестал. Наверное, понимает, что это не настоящая работа, а так, забава. И чем его теперь кормить? Этот толстяк в колпаке не даст ничего. И на кухню не пустит. Подавится своей кашей, а не даст... Эх, Сотник, уехал и не попрощался!

За окном фыркнул мотор. Зеленый открытый «виллис» остановился у поселкового. Из машины вылез капитан и, что-то сказав шоферу, поднялся на крыльцо. «К председателю, насчет квартир», — подумал Юрка.

Не спуская глаз с крыльца, он ждал, когда капитан выйдет из поселкового. Капитан вышел минут через двадцать. Направился к машине. И тогда Юрка пулей выскочил из дому и бросился к «виллису». Шофер завел мотор и разворачивал машину.

— Дядя Вася, погоди! — крикнул Гусь.

Капитан положил руку на баранку и удивленно посмотрел на Юрку. Лицо у него было усталое. На зеленых погонах из-за пыли звездочек не видно. Капитан спешил, и ему было не до разговоров.

— Выкладывай, что у тебя, — сказал он. — Срочное?

Юрка погладил нагревшийся капот машины, отрицательно покачал головой:

— Нет, не срочное...

Шофер взглянул на капитана, выжал сцепление.

«Виллис» выехал на дорогу, прибавил ходу. Из-под задних колес выползло серое пыльное облако и застыло посередине дороги. Проехав еще немного, «виллис» остановился.

— Иди сюда, — позвал дядя Вася. Юрка подошел. Капитан распахнул дверцу, сказал:

— Садись, прокачу.

Гусь поспешно взобрался в кабину. Машина завернула за аптеку и помчалась по Кооперативной к Хотяевскому большаку. Когда сильно встряхивало, Юрка хватался за сиденье. Машина открытая, как бы не вылететь. На что Семен быстро ездит, а этот белобрысый шофер еще быстрее гонит, как ветер.

— Отчего такой скучный, Гусь? — спросил капитан. — Подрался?

— Сотник уехал, — сказал Юрка. — Хороший был мужик. А этот толстый мне не нравится.

— Тимохин? — усмехнулся капитан. — Строгий повар.

— Сотник тоже был строгий, но хороший. Я ему целую корзинку сморчков набрал, а он уехал.

«Виллис» с разгона нырнул под сень деревьев. Солнце исчезло. Дорога стала уже, и ветви кустов, словно веники, обметали пыль с железных боков машины. Белобрысый шофер и не думал сбавлять скорость. «Виллис» мчался по извилистой дороге, а навстречу плыли красные сосновые стволы.

— Вы тоже скоро уедете? — глядя на крепкую коричневую шею капитана, спросил Гусь.

— Уедем.

— На фронт?

— Нет... К теще на блины.

— Дядя Вася, я... — сказал Юрка и поперхнулся. Проглотив слюну, закончил: — Я приведу к вам Дика. Он ученый и... Чего ему здесь пропадать?

Капитан повернулся к Юрке, хмурое небритое лицо его посветлело.

— Спасибо, друг, — сказал он.

Юрка отвернулся и стал пристально смотреть на кусты. Они вдруг слились в единое зеленое колыхающееся пятно.

— Остановите! — крикнул он. — Мне... мне вылезать надо.

БУДЬ МУЖЧИНОЙ, ГУСЫ!

Снова, уж в который раз, испытал Юрка горе утраты. Своими руками надел Дикую ошейник и отвел к чужим людям. Два раза по дороге в гарнизон поворачивал он обратно, но, вспомнив лицо капитана и его слова: «Спасибо, друг», — останавливался и, собрав на переносице упрямые морщины, шагал к проходной.

Дик, отвыкший от ошейника, тянул вперед, норовил вырвать поводок. Юрка с трудом удерживал. Несмотря

на удобу, Дик был сильный. Утром Гусь опять отдал ему свой хлеб. А суп из крапивы Дик так и не стал есть, хотя бабка побелила суп молоком.

Бабушке Юрка ничего не сказал. Эту ночь он спал плохо. Снились Северов, штурмовики. Маргаритка с луковицей в руках. Дик тоже приснился. Он стоял на могиле летчика и протяжно выл на луну.

У проходной незнакомый часовой остановил Юрку.

— Куда разбежался? — неприветливо спросил он. —
Здесь воинская часть.

— По делу я, — сказал Гусь. — Пропусти.

Дик, натянув поводок, сунулся к часовому. Тот, выставив вперед приклад, отступил.

— Убери собаку!

— Пропускай, говорят, — сказал Юрка. — К помощнику коменданта я. . . Он знает.

Часовой вошел в комнату дежурного и закрыл за собой дверь. Юрка слышал, как стал звонить. «Буду считать до тридцати, — решил Гусь, — если не выйдет, — уйду домой». Но не успел он досчитать и до двадцати, как дверь отворилась и часовой сказал:

— Проходи.

А когда Юрка оказался по ту сторону проходной, прибавил:

— Ишь, экземпляр!

Дядя Вася встретил Юрку у крыльца комендатуры. Поздоровался, потрепал Дика за ухо. Дик понюхал его руку, лениво огрызнулся.

— Видишь? — сказал капитан. — Потерял пес форму. Ручной стал, как котенок. . . А красив, дьявол! Ну как, Иванов?

Только тут Юрка увидел коренастого сержанта, стоявшего немного поодаль. Сержант, наклонив большую голову набок, внимательно смотрел на Дика.

— Как звать? — спросил он.

— Юрка. . . Гусь.

— Да не тебя, — сказал сержант. — Собаку.

— Дик.

Сержант не спеша подошел к Дик, взял в руки его голову, быстро обнажил зубы. Дик зарычал, попятился, но сержант, не обращая внимания на его недовольство, ощупал суставы на передних лапах. Юрка ожидал, что Дик сейчас вцепится в сержанта, искушает. Так нахально никто еще не обращался с Диком. Виногато глядя на Юрку, он позволил сержанту обследовать себя со всех сторон. По тому, как уверенно сержант обращался с Диком, видно было, что он привык иметь дело с собаками.

— Отошал здорово, — наконец сказал сержант, отпуская Дика. — А так собака ничего. Экстерьер что надо. Хороший прикус.

Дик хотел подойти к Юрке, но сержант не пустил. Тогда Дик улегся на землю и, высунув язык, стал смотреть на хозяина. А Юрка на него смотреть не мог. Ему хотелось, чтобы скорее все кончилось и он мог уйти, убежать отсюда.

— Голодный Дик, — сказал он, глядя в сторону, — накормите.

— Накормим, — сказал сержант. — А документы у тебя есть? Родословная, паспорт?

— Мне его летчики подарили, — сказал Юрка.

Сержант посмотрел на капитана и дернул за поводок. Дик встал, потянулся к Юрке.

— Разрешите идти? — спросил сержант.

Капитан кивнул. Краешком глаза Гусь видел, как сержант почесал Дика за ухом, что-то негромко сказал ему. Дик тихонько заскулил. Он не хотел идти без хозяина. Юрка прикусил нижнюю губу и, не оглядываясь, пошел к проходной. Дик залаял. Его лай был похож на плач. Юрка прибавил шагу. Он уже не шел, а бежал. Еще немного и он бы не выдержал и на глазах капитана и сержанта разревёлся бы, как девчонка.

Капитан догнал Юрку за проходной. С минуту молча шагал рядом, потом положил сильную руку на плечо, сказал:

— Будь мужчиной, Гусь.

— Голодный он, — сказал Юрка. — Есть хочет.

— У нас ему будет хорошо. Приходи через две недели — не узнаешь.

— Он его не будет бить? — спросил Юрка.

— Пограничник, — сказал капитан. — Он любит собаку. А Дик ему очень понравился.

— Ему привяжут гранаты на спину — и под танк?

— Если надо, привяжут, — сказал капитан и, помолчав, прибавил: — Люди, Юра, бросаются с гранатами под танк... Но ты не волнуйся, Дика под танк не пошлют. Он ведь останется в нашем, комендантском взводе. Будет охранять склад, ходить по следу.

— Какой там след на фронте, — сказал Гусь. — Под танк.

Капитан достал из кармана гимнастерки вчетверо сложенный лист бумаги.

— Расписка... После войны можешь получить в военном питомнике породистого щенка. Не потеряй.

Юрка равнодушно сунул листок в карман, сказал:

— Мне другой щенок не нужен, мне... — и, схватив капитана за рукав гимнастерки, попросил: — Дядя Вася, не надо под танк, а? Он будет раненых таскать... Не надо, дядя Вася?

Их догнал «виллис». Белобрысый шофер распахнул дверцу:

— Садитесь, товарищ капитан.

Капитан уселся рядом с шофером, снял с головы новую пилотку, положил себе на колени. Откуда-то взявшийся ветер заиграл жесткими темно-русыми волосами.

— В Бологое... — сказал капитан. — А дорога — черт бы ее побрал! Пока доедешь — все кишки вымотает. — Он расстегнул воротник, устало улыбнулся: — Не беспокойся, Гусь, Дик твой попал в хорошие руки. А под танк пока никто его посылать не собирается. Ну, будь здоров!

«Виллис» резво рванулся вперед. Возле сельмага, где каждый раз после дождя растекалась огромная лужа, его подбросило. Глухо что-то звякнуло. Наверное, автомат стукнулся о железное сидение. Юрка проводил взглядом машину, а когда она скрылась из глаз, уселся на толстое сосновое бревно, лежащее неподалеку от дороги. Его штаны прилипли к отесанному смолистому стволу, но он даже не заметил. Гусь смотрел на железные со звездой ворота проходной, за которыми остался его друг.

Здесь через час и нашел его Стасик.

— Отдал? — тихо спросил он.

— Пограничник будет дрессировать, — сказал Юрка. — Он знает толк в собаках.

— Папку проводил, — сказал Стасик. — На фронт.

— Надоело клянчить жратву для него... Сотник уехал, а этот пузан в жизнь не даст... По роже видно.

— Будешь, говорит, тетку слушаться — пистолет подарю... Настоящий!

— Ему там лучше будет, — сказал Юрка. — Только бы под танк не послали... Конечно, танк взорвать — это хорошо. Дика жалко. Его ведь тоже разорвет на кусочки.

— Не убьют его, Юр? — спросил Стасик.

Юрка со свистом втянул щербатым ртом воздух, посмотрел на друга. Стасик был в своих рваных штанах и большой желтой отцовской майке: в этом наряде он снова

стал похож на человека, а не на мальчика из детского садика. Проводив отца, Стасик первым делом стянул с себя тесный матросский костюмчик и отдал тетке. У нее много ребятишек. Среднему, Мишке, как раз впору будет. Глаза у Стасика были красные, лицо растерянное. В руках он вертел маленькую зеленую звездочку.

— Твой батька майор? — спросил Гусь, хотя и так отлично знал, что он майор.

— Ага, — кивнул Стасик, — комиссар полка.

— Жив будет, — уверенно сказал Юрка. — Вот увидишь, ничего ему не сделается.

— И я так думаю, — сказал Стасик. — Нельзя же и маму и папу... Так не бывает.

— Бывает, — резко сказал Гусь.

Даже сквозь загар стало видно, как побледнел Юрка. Стасик чувствовал себя неловко. Не нужно было этого говорить, но выпущенное слово назад не вернешь. Он не стал утешать друга. Не такой человек Юрка, чтобы его утешить. А потом, у самого Стасика на душе кошки скребли.

Небо над головой было чистое, но далеко за лесом толпились грозные облака. Они напоминали синие снежные сугробы.

Со стороны станции доносились голоса, фыркали моторы машин, лязгали буферами товарные вагоны. Там полным ходом шла разгрузка эшелона. Прибыла новая часть. С фронта на отдых.

Юрка хотел подняться, но почувствовал, что штаны прилипли. Отодравшись от бревна, он зло сплюнул:

— Не отстанет теперь.

— Попробуй бензином, — посоветовал Стасик.

Юрка поглядел на небо, взъерошил черные волосы на затылке.

— Жарко, — сказал он. — Выкупаться, что ли?

ЧЛЕНЫ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Проснулся Юрка утром — и глаза не хочется открывать. Всю ночь снился Дик. С ящиком тола на спине он бросался под бронепоезд. Раздавался взрыв, вагоны и паровоз летели под откос, а Дик — жив-здоров — прибе-

гал к Юрке, улыбался и говорил человеческим голо- сом: «Не бойся, не разорвет меня... Я железный!» И правда, Дик был железный, а шерсть — стальная про- волока.

Сколько ни валяйся в кровати, а вставать надо. Баб- ки нет. Ушла куда-то. Чугунок с холодной картошкой стоит на столе. В алюминиевой кружке жир, на тарел- ке — хлеб. Полегче стало с едой. В магазине опять при- бавили хлеба, крупы, жира. И даже сахар по карточкам дают.

Юрка оделся и сел за стол. Взял картофелину, а в рот так и забыл положить: за окном творилось что-то необыкновенное. Отряд «истребителей» в полном составе разгружал машину. На землю сбрасывали доски, круг- лые белые бревна, инструменты. Тимка Груздь стоял на крыльце сельсовета с трубой. Труба была черная и с тре- ногой посередине.

Юрка не стал завтракать. Пулей выскочил из дому, добежал до калитки, а на дорогу вышел степенным ша- гом. Не хватало еще, чтобы «истребители» подумали, что он сгорает от любопытства. Машина ушла, а ребята ста- ли складывать доски и бревна. На Юрку никто не обра- щал внимания. Все были заняты делом. Перебрасывались между собой быстрыми непонятными словами. Владька Корнилов, опустив черный чуб на глаза, сидел на траве и топором открывал ящик. Юрка подошел поближе, за- глянул через плечо.

— Отскочи, — сказал Владька.

— Топор-то в руках держать не умеешь...

— Отскочи, говорю! — Владька посмотрел на Юрку и прибавил шепотом: — Рванет — костей не соберешь!

Юрка шарахнулся от ящика, но потом снова подо- шел.

— Тол? — спросил он. — С толлом я умею обращаться.

— Тол — чепуха, — сказал Владька, засовывая то- пор в щель, — тут, дорогуша, кое-что почище! — Крышка заскрипела и отскочила. В ящике лежали какие-то стран- ные приборы — не то градусники, не то водомеры. И еще лежали в ящике черные железные стойки с белой шка- лой и делениями.

Юрке вдруг вспомнилась школа, физический каби- нет. Если сильно раскрутить за ручку два стеклянных диска с наклеенными на них серебряными полосками, то

появится электрическое поле и по проводам пойдет ток. Как же называется эта машина? Так Юрка и не смог вспомнить.

— Сколько барахла... — покачал головой Гусь. — Я думал...

— Думают индюки и кúры, когда их приглашают в суп, — сказал Владька. — Барахло... Темнота!

— У нас в школе таких штук было — завались.

— Станцию строить будем, — сказал Владька и любовно подул на прибор.

— Какую станцию?

Корнилов приложил круглую штуку со стрелками к уху и, блаженно улыбаясь, сказал:

— Не тикает.

Юрка пожал плечами и подошел к Борьке, заместителю командира.

— Отдал я.

— Чего отдал?

— Дика, — сказал Гусь. — В гарнизон отдал. Обучают его сторожевой службе... А он и так все понимает.

Здоровый неповоротливый Борька с любопытством посмотрел на Юрку и сочувственно покачал головой.

— Жалко?

— А ты думаешь... — вздохнул Юрка. — Надо. Там от него больше пользы.

— Как он этого... агронома? Помнишь?

— Чего вы будете строить? — спросил Юрка.

— Метео... рологическую станцию, — в два приема выговорил Борька.

— А-а знаю, — сказал Гусь. — Это микробу ловить...

— Не-е... Погоду будем определять. Когда дождь, когда ведро.

— Когда зима, когда лето... А я думал, — микробу искать. Микробу интереснее. Мы в школе искали. Она маленькая, ее в этот... ну который все увеличивает... надо искать.

— Будем температуру воздуха определять... — Борька посмотрел на небо и спросил: — Сколько сейчас градусов?

Юрка тоже посмотрел на небо, но там ничего не было написано.

— Много, — сказал Юрка. — А зачем температура? И так ясно, что лето на дворе, а не зима.

— Сейчас проверим... — Борька подошел к приборам, которые выложил Владька на землю, взял один в руки. — Двадцать четыре градуса.

— А дождь? — спросил Юрка.

Борька взял барометр.

— Так... перемененно. Дождя не будет.

— Будет, — сказал Гусь. — Бабка без этих штук знает, когда будет дождь.

— Поменьше слушай бабкины прогнозы, — назидательно сказал Борька. — Науке верь.

— Эй, Гусь! — позвал Тимка Груздь. Он все еще не мог расстаться с трубой. Это была не простая труба, как сначала показалось Юрке из окна. В трубе блестели выпуклые линзы, на узком конце вращался окуляр с делениями. Тимка поставил трубу на треножник, приник к окуляру и стал крутить какой-то винт.

— Погляди, — предложил он Юрке.

Гусь глянул в трубу и присвистнул: красный семафор был так близко, что, казалось, до него можно рукой дотронуться. А на самом деле до семафора было километра два.

— Сила! — сказал Юрка, с трудом отрываясь от трубы. — Не то что бинокль.

Тимка пригнулся к трубе и минут пять смотрел в сторону леса.

— Поезд, — сказал он. — В трубу мы теперь будем каждый день глядеть, — Тимка показал на ящик. — Это все наше. Военская часть подарила. Уехали на фронт, а метеостанцию нам оставили. Будем строить площадку.

— Эту бы штуку на башню, — Юрка дотронулся рукой до трубы. — Что хочешь увидишь.

— Это идея, — сказал Тимка. — Но сначала нужно сделать площадку. Метеорологическую. Установить термомограф, барограф, гигрограф.

Тимка с удовольствием произносил непонятные слова. Лицо его так и сияло.

— На луну в эту трубу смотреть можно?

— Можно... Только в телескоп лучше.

— А на звезды?

— И на звезды.

— Тим, где разбивать площадку? — подбежал к ним «кистребитель». Груздь важно обозрел окрестность и ткнул пальцем на четыре сосны:

— Тут... Учтите, чтобы тень не падала на приборы.

— Есть! — сказал «истребитель» и убежал.

Одни рыли ямы, другие подтаскивали бревна. Владька и два помощника монтировали на щиты приборы. У Юрки тоже зачесались руки: захотелось что-нибудь сделать.

— Могу яму вырыть, — сказал он. — Огромную. Какую хочешь.

— Яму не надо.

— Могу в трубу глядеть. Хоть до ночи.

Тимка Груздь посмотрел на Юрку, усмехнулся:

— Есть тебе работа.

— Командуй, — обрадовался Гусь.

Тимка достал из ящика тонкую резиновую камеру и вручил Юрке.

— Знаешь, что это?

Юрка повертел баллон в руках, понюхал.

— Надувать надо?

— Это шар-зонд, — сказал Тимка. — Дуй до горы!

Юрка набрал побольше воздуха и дунул в камеру... За этим занятием и застал его Стасик. Красный как рак, Гусь дул в необъятную камеру, а она еще не наполнилась воздухом и наполовину. У Юрки слезы выступили на глазах, а камера не надувалась.

— Брось, — сказал Стасик. — Лопнешь, а не надуешь.

— Надую, — упрямо мотнул головой Юрка.

— Все равно не полетит.

Юрка жажал трубку рукой, уставился на Стасика.

— Как не полетит?

— Воздух нужен горячий.

У Юрки округлились глаза. Он взял до половины надутую камеру и пошел искать Груздя. Командир «истребителей» стоял на спине своего заместителя, толстого Борьки, и устанавливал на столбе металлическую тарелку с загнутыми краями. Гусь бесцеремонно дернул его за ногу.

— Не полетит, — сказал он, встряхнув шар. — Зря дул, да?

Груздь сверху посмотрел на красного злого Гуся и расхохотался.

— Чего ржешь? — рассвирепел Юрка. — Я тебе не верблюду,

— Я и забыл, что воздух нужен горячий... — заливался Тимка. — Или дым...

— Где я тебе возьму горячий воздух? У меня в брюхе печки нет.

Тут и Борька не выдержал. Он упал на живот и затрясся от смеха. Груздь полетел кувырком с его спины. Теперь пришла очередь смеяться Юрке и Стасику. В общем, между «истребителями» и ребятами был полностью восстановлен мир. Груздь дал им подзорную трубу, и Юрка со Стасиком два часа возились с ней. Хотели подняться на башню, но не нашли машиниста. А потом им поручили очистить территорию от мусора. И Тимка Груздь за это разрешил им еще посмотреть в трубу.

— Хорошо бы ночью, — сказал Гусь. — Увидел бы, как там на луне и на других звездах.

— Не возьмет... В телескоп — это да!

— Бабке бы показать эту штуку, — сказал Юрка. — Пусть бы поглядела на небо... есть там бог или нет.

К обеду метеоплощадка была готова. На летучем собрании «истребителей» начальником метеостанции был назначен Тимка Груздь, а заместителем — Владька Корнилов. Юрка и Стасик были признаны равноправными членами метеорологического общества. Стасику дали тетрадку и велели вести дневник. Владька диктовал, а Стасик записывал показания приборов. Один прибор почему-то не хотел правильно показывать. Корнилов по плечи забрался в ящик, похожий на большой скворечник, и стал налаживать прибор.

— Куда стрелка показывает? — спросил Юрка.

Владька еще выше приподнялся на цыпочках и совсем спрятался в будке.

— Переменно, — глухо пробурчала будка. — Дождем и не пахнет.

— А бабка говорит — вдарит, — сказал Юрка. — А не врет эта штука?

— Бабка твоя врет, — басом ответила будка.

Из поселкового вышел длинный дядя Федя. Его жена и дочка уже с месяц шеголяли в новых шелковых юбках. Дядя Федя остановился у столба, на котором стояла будка, и заглянул внутрь. Ему не надо было вставать на ящик, и так все видно.

— Ишь ты, — сказал дядя Федя. — Качается.

— Погоду будем предсказывать, — охотно пояснил

Гусь. — Когда дождь, а когда ведро. И эту... температуру.

— Ишь ты, — сказал дядя Федя. — Температуру...

— Шары будем запускать... В небо.

— Ишь ты, — сказал дядя Федя и, удивленно покачивая головой, пошел домой. Но с полдороги вдруг раздумал и вернулся.

— Как оно? Завтра что будет? — спросил дядя Федя.

— Переменно, — дипломатично ответил Юрка и поглядел на Владькину спину.

— Она как... — с уважением сказал дядя Федя и поскреб затылок. — А это... послезавтра?

— Переменно, — сказал Юрка.

— Важная штука, — сказал дядя Федя и, заглянув в будку, восторженно прибавил: — Качается проклятая! Ишь ты!

На площадку заглядывали люди, дивились на приборы, расспрашивали. Юрка бойко отвечал на все вопросы. Если спрашивали про погоду, он всем говорил: «Переменно». Узнала про станцию и Шириха. Она привезла воз сена и не знала, что делать: подсушить во дворе или в сарай убрать.

— Што показываает? — спросила она.

Юрка повернулся к ней спиной, ничего не ответил.

— Переменно, — сказал Стасик.

— Шпрашываю, дождь будет?

Стасик пожал плечами и отошел прочь. Ему тоже не хотелось разговаривать с Ширихой. Шириха покругилась на площадке и ушла, шипя ругательства.

— Я думал, ты наврешь ей, — сказал Стасик.

— Ну ее, — махнул рукой Юрка. — Свяжешься...

Около поселкового уже с час крутился Жорка Ширин. Он думал, что его тоже позовут строить метеостанцию. Но его никто не звал. По-честному говоря, Жорке не так хотелось строить, как — посмотреть в подзорную трубу. Он видел, как поочередно прикладывались к черному окуляру то Юрка, то Стасик.

На Жорку никто не обращал внимания. И тогда он нырнул в свои ворота, а через пять минут снова появился. И не один. С рыжим Тобиком на поводке. Деловито подошел к Тимке Груздю и сказал:

— Вот, привел... Забирайте!

Тимка вытарацил на Тобика глаза и спросил:

— Кого ты привел?

— Не гляди, что неказистая, — сказал Жорка. — Шпионов будет ловить почем зря. Дрессировку прошла. — Он подтолкнул собачонку ногой и приказал: — Ищи!

Тобик плюхнулся в пыль и, задрав ногу, принялся ловить блоху.

— Ученый, — сказал Груздь. — Гляди, нашел!

— Даром отдам, — сказал Жорка. — У него кровь гончара...

— Сплавить хочет, — усмехнулся Гусь.

— Замучает собаку, — сказал Стасик и подошел к Жорке: — Отдай мне!

— А в трубу поглядеть дадите? — спросил Жорка, переводя взгляд с Гуся на Стасика.

— Гляди, — пожал плечами Юрка. — Не жалко.

Жорка сунул Стасику поводок в руки и обрадованно поспешил к трубе.

Стасик погладил рыжего Тобика и сказал:

— Он не виноват, что не овчарка... Хоро-о-ший песик!

— Пойдем в гарнизон? — вспомнил Юрка. — Дика проведедем.

— Вот обрадуется, — сказал Стасик. — Он Тобика не тронет?

— Дик добрый, — сказал Юрка. — Он маленьких не трогает.

ТУЧА И СОЛНЦЕ

Дождь ударил вечером. Бабка оказалась права. Заходящее солнце и грозовая туча схватились в единоборстве. Небо над вокзалом потемнело. Солнце зарылось в облаках. В эту борьбу вступил ветер. Он вырвался из-за леса и стал раскачивать четыре сосны. Сначала осторожно, а потом все сильнее. Бедные сосны скрипели, склоняя свои макушки. Ветер трепал ветви, отдирая кору. С деревьев сыпались иглы, падали сухие прошлогодние шишки.

Метеорологическая будка тоже поскрипывала, но держалась на столбе крепко. Ветер изорвал облака

в ключья, и они стремительно пролетали над конусной крышей вокзала.

Туча одолела. Она закрыла полнеба. Последний солнечный луч, прорубив окно в синем боку тучи, исчез. На какой-то миг стало сумрачно и тихо. Но вот туча неровно зигзагом треснула, осветив землю ярким голубоватым пламенем. Близкий громовой раскат оглушил поселок.

Юрка и Стасик сидели на крыльце. Их обоих тянуло уйти в избу, но никто первый не хотел подниматься. Бабка Василиса вышла на крыльцо, глянула на почерневшее небо, притихшее перед новым грозовым ударом, перекрестилась, пробормотав:

— Господи помилуй, экая страсть... А вы чего тут сидите? — спросила она. — В избу!

Юрка посмотрел на Стасика и сказал:

— Идем, тут крыша дырявая, — замочит.

В избе было гораздо темнее, чем на улице. Бабка закрыла окно, набросила платок на зеркало, укутала медный самовар полотенцем. Ребята примостились на подоконнике. Они молча ждали новой вспышки. Молния сверкнула над водонапорной башней. Конец изломанной стрелы воткнулся в куриную лапу громоотвода. И темный бок башни, в том месте, где висел толстый плетеный провод, озарился желто-голубоватым пламенем. Это молния по громоотводу ушла в землю. Громыкнуло так, будто на крыше разорвалась фугаска. Дом вздрогнул, окно с треском распахнулось. Влажный грозовый ветер ворвался в избу, сорвал с самовара полотенце. При каждой новой вспышке круглый бок самовара зловеще сиял.

— Затвори окно, — сказала бабка. Она прилегла на кровать. Юрка обеими руками пытался удержать створки, но они, словно живые, вырывались, больно стучали по пальцам. А когда поймал — не хватило сил закрыть. Ветер толкал Юрку в лицо, заткнул нос и рот. Лишь вдвоем со Стасиком им удалось закрыть окно.

Тут же наступило короткое затишье, и первые крупные капли хлестнули в стекла. Они барабанили все сильнее. Старый бабкин дом наполнился звенящим шумом. Крыша шуршала, парадное крыльцо весело гудело. Из окна видно было, как на свежевывмытых досках пляшут маленькие фонтанчики. Капустные кочны, раскрыв широкие листья, ловили капли. Укроп спрятался под кружевными зонтиками. Но зонтики, словно решето, пропуска-

ли воду, и укроп вздрагивал под дождем, будто от холода. Шершавые огуречные листья дрожали непрерывно. Один лук гордо стоял под дождем.

Дождь кончился неожиданно. Был дождь — не стало дождя. Только звонкая тягучая капель напоминала о грозе. Едва туча уволокла свой лохматый темный хвост, как выглянуло солнце. Сначала робко, точно стыдась, затем засияло весело и радостно.

Юрка вдруг отпрянул от окна: мимо дома шла Маргаритка. Она шла медленно. В коротком розовом сарафане и прозрачном платке, из-под которого торчала толстая коса. Длинные Маргариткины ноги были до колен забрызганы грязью. Видно, по лужам бегала. Интересно, куда это она собралась? На речку? Но почему тогда по этой дороге? Ведь от ее дома ближе...

— Ритка куда-то пошла, — сказал Стасик.

— Где? — равнодушно спросил Гусь.

— Вон по дороге.

— А-а... — сказал Юрка.

— На речку, наверное, — сказал Стасик. — У нее в руке полотенце.

— Вода там сейчас... кипяток.

— Смотрит на ваши окна, — сказал Стасик. — Крикнуть ей, что ты дома?

— С какой стати? — пожал плечами Юрка. — Я с девочками не вожжаюсь... Она мне книжки дает.

— Интересные?

— Ничего...

— Хочешь, я крикну?

— Ну чего ты пристал? — рассердился Юрка. — Нужна она мне.

Маргаритка перебросила косу из-за спины на грудь, гордо тряхнула головой и исчезла за больничным забором.

— Специально крюк сделала, чтобы ты увидел, — сказал Стасик. — Не хорошо. Надо было позвать.

Гусь ничего не ответил. Он и сам понял, что Маргаритка не просто так прошла мимо дома. Юрке захотелось вскочить и помчаться вслед за ней. Но неудобно было перед Стасиком:

— Я люблю купаться после дождя. А ты? — выручил Стасик.

— Хорошо бы с Диком на речку, — сказал Гусь и

вздыхнул, вспомнив тот счастливый день, когда он, Дик и Рита купались.

— Когда будут пускать к нему? — спросил Стасик.

— Когда курс дрессировки пройдет. Пошли...

В сенях они столкнулись с почтальоном тетей Верой.

— Бабушка дома, — на ходу сказал Юрка, выбегая на крыльцо.

— погоди, — остановила тетя Вера. — Тебе бандероль.

— Мне?! — опешил Гусь. — От кого?

— Не знаю, — сказала тетя Вера. — Написано: Юрию Гусю. — Она посмотрела на Юрку и спросила: — Это твоя фамилия или прозвище?

— Давай... эту бандероль, — сказал Юрка.

— Распишись вот тут, — показала тетя Вера. — Не слыхала я такой фамилии...

— Еще и почище бывают, — с досадой сказал Юрка. — Гусь — это чепуха.

Тетя Вера достала из большой черной сумки пакет, обернутый в грубую серую бумагу.

— Тяжелая бандероль, — сказала она. — Как кирпич.

— А мне... тете моей не было письма? — спросил Стасик.

— От отца? — улыбнулась тетя Вера. — Было целых два.

— Юр, я домой! — сорвался с места Стасик. — Пойдешь на речку — заскочи. Ладно? — И, считая голыми пятками ступеньки, умчался по свежим лужам домой.

— Ишь, взвился! — засмеялась тетя Вера. — Оно и понятно — отец! — Она топталась на крыльце, медля уходить. Ей хотелось узнать, что прислали мальчишке. Но Юрка не торопился разворачивать бандероль. И почтальон, сердито захлопнув сумку, ушла. Гусь зубами развязал бечевку, медленно развернул бумагу и разочарованно присвистнул: в бандероли оказались учебники. Сверху лежала новенькая география. Он раскрыл обложку и на пакете с картами увидел письмо.

«Дорогой мой Ежик! — начиналось это письмо. — Я очень соскучилась по тебе. Из Градобойцев я уехала к маме в Пермь. Хотела здесь остаться, но не могу, — тянет в родную школу. О твоих «подвигах» мне все известно. Я переписываюсь с подругой-учительницей. Она мне и адрес твой дала.

В августе приеду в Орехово. Буду тебя учить русскому языку и литературе. А чтобы не пришлось краснеть за тебя, посылаю учебники. Обязательно почитай. До скорой встречи. Надеюсь, что ты не забыл свою «бригадирку»?»

Гусь опустил на ступеньку и еще раз прочитал письмо.

— Катька-бригадирка, — сказал он.

Уткнулся носом в письмо и замер. Большие зеленоватые глаза его смотрели прямо, не мигая.

С крыши в старую бочку гулко капала вода: «Дон, дон, дон». Солнце уже пригрело землю и дождевые капли на листьях, траве, становились меньше и совсем исчезали. В воздухе стоял тот особенный запах, который бывает лишь после дождя.

А вода все реже капает в бочку. Солнце высушит крышу, и вода совсем перестанет капать. И ничто больше не будет напоминать о мрачной туче и грозе со шквалом, пронесшихся над маленькой станцией. Солнечно и радостно станет вокруг.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Неудачное знакомство	5
Око за око	14
Жоркина месть	22
Зеленая ракета	29
Трудно жить без сапог	33
Колька остается один	40
Клюнуло	45
Крещение огнем	48
Обида	51
У костра	56
Дик	59
Штурмовики уходят в небо	66
Гришка Ангел	72
Кража на дороге	77
Ангел ждет Юрку	84
Небо и земля	93
Березовый сок	101
Лунная ночь	112
Горе	117
Схватка за околицей	120
Береза у могилы	124
Здравствуй, бабка Василиса!	132
Флаг над башней	139
«Истребители»	147
По следу	155
Капитан	165
Дик, колбаса и Юрка	171
Шла девчонка за водой	181

Взрыв	185
Ай да капитан!	192
Жизнь продолжается	200
Василиса Петровна	205
На речке	214
Гость с аэродрома	221
Глубокие корни	227
Земляника	234
Трудное решение	249
Будь мужчиной, Гусь!	253
Члены метеорологического общества	257
Туча и солнце	264

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Присылайте нам ваши отзывы о прочитанных книгах и пожелания об их содержании и оформлении.

*Укажите свой точный адрес и возраст.
Пишите по адресу: Ленинград, Д-187,
наб. Кутузова, 6. Дом детской книги
Детгиза.*

ДЛЯ ВОСЬМИЛЕТНЕЙ ШКОЛЫ

Козлов Вильям Федорович

ЮРКА ГУСЬ

Ответственный редактор Г. В. Антонова.

Художник-редактор Ю. Н. Киселев.

Технический редактор П. Л. Трусова.

Корректоры Л. К. Малявко и К. Д. Немковская.

Подписано к набору 28/VI 1962 г. Подписано к печати 24/VIII 1962 г. Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 8,5. Усл. печ. л. 14,28. Уч.-изд. л. 14,5. Тираж 50 000 экз. ТП-1962 № 436. М-08517. Ленинградское отделение Детгиза. Ленинград, Д-187, наб. Кутузова, 6. Заказ № 678.

2-я фабрика детской книги Детгиза Министерства просвещения РСФСР.
Ленинград, 2-я Советская, 7. Цена 53 коп.

П Р О Ч Т И Э Т И К Н И Г И

К И Р Н О С О В А. ЧЕЛОВЕК ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ПУТЬ

Повесть. Рис. С. Спицына
Л., Детгиз, 1962. 135 стр.

В О Л К О В В. ТИМКА-НОВОСЕЛ

Повесть. Рис. В. Куприянова
Л., Детгиз, 1962. 127 стр.

О Ф И Н Э. ФОРПОСТ „ЗОРКИЙ“

Повесть. Рис. Л. Рубинштейна
Л., Детгиз, 1962. 86 стр.

Т О М И Н Ю. БОРЬКА, Я И НЕВИДИМКА

Повесть. Рис. С. Спицына
Л., Детгиз, 1962. 143 стр.

Т О М И Н Ю. ПОВЕСТЬ ОБ АТЛАНТИДЕ

Рис. Л. Селизарова
Л., Детгиз, 1962. 207 стр.

К И Р Ш Н Е Р Л. ШИФРОВАННАЯ ЗАПИСКА

Повесть. Рис. Б. Стародубцева
Л., Детгиз, 1962. 140 стр.

Д Р У Ж Б А. ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ № 8

Л., Детгиз, 1962. 110 стр.

О Р Л Я Т А. РАССКАЗЫ О ПИОНЕРАХ-ГЕРОЯХ.

Рис. В. Равкина
Л., Детгиз, 1962, 206 стр.

53 коп.

30